

Россия и Азия

№ 3 (37), 2026

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (37), 2026 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Платонова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

Смирнов Евгений Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Филькевич Игорь Александрович — доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Угрюмова Александра Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», г. Коломна, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминьского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

Содержание

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Хэ М. Специфика многосторонней дипломатии в Юго-Восточной Азии и ее влияние на социально-экономические процессы: кейс АСЕАН	6
Грозыкин М. Г. Подходы к определению понятия «энергетический переход»: конкурирующие концепции и альтернатива	19
Охотский А. И. Инвестиционное сотрудничество БРИКС: динамика, возможности роста и влияние на мировую финансовую архитектуру	30
Родионова И. А. Основные тренды развития международного туризма: взгляд географа	45

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Фролов А. А. Мировой рынок зерна, позиции Российской Федерации как глобального производителя и экспортера и современные условия их формирования	57
Федорченко А. В. ССАГПЗ в новых условиях: триггеры «оборонительной» интеграции	71
Фролова Е. Д. ШОС 25 лет: внутрирегиональная торговля и ее влияние на страновые и региональные процессы	82

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шкваря Л. В. К юбилею профессора, доктора географических наук, Родионовой Ирины Александровны	97
--	-----------

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

He M. The specifics of multilateral diplomacy in Southeast Asia and its impact on socio-economic processes: the ASEAN case	6
Grozykin M. G. Approaches to defining the concept of «energy transition»: competing concepts and alternatives	19
Okhotskiy A. I. BRICS investment Cooperation: dynamics, growth opportunities and impact on the global financial architecture	29
Rodionova I. A. The main trends in the development of international tourism: a geographer's view	45

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Frolov A. A. The global grain market, the Russian Federation's position as a global producer and exporter, and the current conditions of their formation	57
Fedorchenko A. V. GCC in new conditions: triggers of «defensive» integration	71
Frolova E. D. The SCO for 25 years: intraregional trade and its impact on country and regional processes	82

SCIENTIFIC LIFE

Shkvarya L. V. On the anniversary of Professor Irina Alexandrovna Rodionova, Doctor of Geographical Sciences	97
---	-----------

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**Специфика многосторонней дипломатии в Юго-Восточной Азии и ее
влияние на социально-экономические процессы: кейс АСЕАН**

Хэ Миндзюнь¹

В условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности в различных регионах мира актуализируется необходимость разработки более адекватных механизмов многосторонней дипломатии. Актуальность темы обусловлена тем, что позиции Юго-Восточной Азии в мировой политике и экономике постоянно укрепляются; страны АСЕАН демонстрируют экономический рост, они стали важным звеном глобальных производственных цепочек (особенно после того, как многие компании начали переносить свои мощности из Китая в другие страны Азии), и одновременно с этим регион превращается в пространство острой геополитической конкуренции между США и Китаем. Цель исследования — проанализировать особенности многосторонней дипломатии на пространстве Юго-Восточной Азии, выявить ее сильные и слабые стороны, а также перспективы развития в современных условиях. Методы исследования включают общенаучные (анализ, системный подход, обобщение) и специальные приемы: исторический, сравнительно-правовой, документальный метод работы с официальными. Теоретическую основу работы составляют труды российских и зарубежных специалистов по международным отношениям и региональной дипломатии, а также нормативно-правовые и политические документы АСЕАН. Автор приходит к выводу о том, что многосторонняя дипломатия в Юго-Восточной Азии представляет собой уникальную модель, которая сформировалась под воздействием колониального прошлого, биполярного противостояния в годы холодной войны и необходимости сосуществования государств с разными культурами, религиями и политическими системами, что представляет научный интерес и — для некоторых государств и их объединений, например в Африке, — возможна адаптация этого опыта как перспективного и эффективного.

Ключевые слова: многосторонняя дипломатия, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, «АСЕАНовский путь», социально-экономическое развитие, интеграционные процессы.

JEL коды: F01, F02, F15.

Введение

Многосторонняя дипломатия занимает все более важное место в современной системе международных отношений и оказывает все более растущее влияние на социально-

¹ Хэ Миндзюнь — кандидат экономических наук, старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

экономические процессы, как усиливая их, так и тормозя (например, санкции западных стран против многих государств Евразии и других макрорегионов мира).

В отличие от более традиционной двусторонней дипломатии, которая предполагает прямое взаимодействие двух государств, многосторонний формат подразумевает одновременное участие нескольких государств в дипломатическом процессе — от трех до максимально возможного числа участников (Олеандров, 2013).

Как отмечают эксперты, уделяющие достаточно много внимания исследованию вопросов многосторонней дипломатии, она возникла еще в древности, однако особенно широкое развитие получила во 2-й половине XX и в первой четверти XXI вв. вследствие того, что международные отношения стали приобретать общемировой, глобальный характер (Лебедева, 2019), а государства приступили к активному поиску направлений и возможностей создания (а в современных условиях — и трансформации) новой системы международного регулирования процессов глобального управления и деятельности международных организаций, среди которых особое место занимает ООН, региональные форматы (ШОС, БРИКС, АТЭС и др.), межстрановые конференции, саммиты, многосторонние переговоры и консультации, гибкие формы взаимодействия, многосторонние миротворческие операции и др., выступающие сегодня основными формами многосторонней дипломатии. Так, по мнению экспертов, «Модель регионального сотрудничества в рамках «Шанхайской пятерки» отличалась такими особенностями, как: совместная инициатива, приоритет безопасности, взаимовыгодное взаимодействие больших и малых государств» (Шкваря, 2007. С. 108), где политика выстраивания межгосударственных отношений нового типа вносит в хаотичный мир ценную стабильность и предсказуемость. Кроме того, растущее значение в современных многосторонних международных отношениях приобретают научные и бизнес-коммуникации (Соловьёва, Шкваря, 2012), которые усиливают доверие между странами и, соответственно, увеличивают их взаимодействие, что всегда можно рассматривать как положительный момент.

Важной чертой современной многосторонней дипломатии стал переход к «сетевой» модели. Государства все чаще выстраивают гибкие коалиции и платформы взаимодействия, что особенно заметно в АТР, при этом полномочными субъектами многосторонней дипломатии по-прежнему остаются суверенные государства и созданные ими межгосударственные организации (Соловьёва, 2016; Solovieva et al., 2017). Транснациональные корпорации и НПО влияют на процесс, но, как правило, через национальные делегации или лоббирование (Лебедева, 2015).

Цель исследования — проанализировать особенности многосторонней дипломатии на пространстве Юго-Восточной Азии, выявить ее сильные и слабые стороны, а также перспективы развития в современных условиях. Методы исследования включают комбинацию общенаучных (анализ, системный подход, обобщение) и специальных приемов: исторический, сравнительно-правовой, документальный метод работы с официальными. Теоретическую основу работы составляют труды российских и зарубежных специалистов по международным отношениям и региональной дипломатии, а также нормативно-правовые и политические документы АСЕАН.

Результаты исследования

Формирование особой модели многосторонней дипломатии в Юго-Восточной Азии (ЮВА) необходимо рассматривать в связи с историческим контекстом второй половины XX в. После завершения процессов деколонизации и обретения политической независимости, зачастую формальной, государства региона столкнулись с проблемами, требовавшими совместного решения. К их числу относится необходимость преодоления длительных социально-экономических последствий колониального правления, урегулирование многочисленных внутренних конфликтов, в том числе межэтнического и идеологического характера, а также выработка механизмов взаимодействия в условиях нараставшего геополитического давления со стороны сверхдержав в рамках биполярного противостояния. Именно совокупность этих факторов обусловила создание в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Это объединение, как показал исторический опыт, во многом стало механизмом региональной безопасности и социально-экономического развития (Шкваря, 2019). Правовые и политические основы регионального сотрудничества в АСЕАН были заложены в Бангкокской декларации от 8 августа 1967 г. В тексте Декларации, подписанной главами государств-основателей — Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом (рис. 1) — было зафиксировано намерение государств «ускорить экономический рост, социальный прогресс и культурное развитие в регионе» и «способствовать региональному миру и стабильности» (The ASEAN Declaration, 1964).

Рис. 1. Главы правительств Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда и Сингапура и встретились, чтобы подписать Бангкокскую декларацию в 1967 г.

Источник: History.

Принципиально важно, что уже в этом учредительном документе были закреплены положения о приверженности принципам равенства и партнерства, а также концепция коллективной ответственности подписавших его стран за поддержание стабильности в регионе и стремление оградить региональное пространство от внешнего вмешательства во внутренние дела.

Следующим значительным этапом в развитии формирующейся дипломатической модели в ЮВА/АСЕАН стало принятие в 1971 г. в Куала-Лумпуре Декларации о формировании в регионе зоны мира, свободы и нейтралитета, известной как *ZOPFAN*. Данный документ отразил стремление стран Юго-Восточной Азии минимизировать степень влияния внерегиональных держав на внутрирегиональные политические процессы и создать условия для обеспечения его нейтрального статуса в контексте глобальной конфронтации (Declaration, 1971). Принятие *ZOPFAN* свидетельствовало о том, что государства-члены АСЕАН осознанно стремились к формированию автономного пространства безопасности, свободного от прямого вмешательства извне.

Дальнейшее нормативное развитие эта модель получила в 1976 г. в связи с подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (*Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia*) (см. рис. 2).

Рис. 2. Главы правительств Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура и Филиппин встретились, чтобы подписать Соглашение о сотрудничестве на первом саммите АСЕАН на Бали в 1976 году.

Источник: Jones (2024).

Данный договор закрепил в качестве фундаментальных и обязательных для всех участников норм внутрирегионального взаимодействия следующие принципы: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательство во

внутренние дела друг друга, мирное разрешение возникающих споров и конфликтов, а также отказ от применения силы или угрозы ее применения. Совокупность этих принципов легла в основу того подхода к межгосударственным отношениям, который в академической литературе и политической практике получил наименование «АСЕАНовского пути» (*ASEAN Way*). Под данным термином понимается специфический, неформальный стиль дипломатической работы, который базируется на принятии решений исключительно на основе консенсуса и ориентирован на выстраивание долгосрочного доверия между участниками, проявление терпимости к различиям в позициях и последовательное избегание открытой публичной конфронтации (Jones, 2024).

Формирование «АСЕАНовского пути» происходило под прямым и длительным воздействием нескольких ключевых факторов, среди которых необходимо особо выделить исторический опыт колониального подчинения, выработавший у страновых элит отторжение любых форм внешнего диктата, стремление к обеспечению максимально возможной региональной автономии, наличие глубоких культурных традиций принятия решений через неформальные согласования, а также объективную стратегическую необходимость постоянного балансирования между интересами и давлением таких внерегиональных игроков, как США, Китай, СССР и их союзники (Шкваря, 2019).

Значительным шагом на пути дальнейшей институционализации данной дипломатической модели стало подписание Хартии АСЕАН в 2007 г. Этот документ придал Ассоциации более структурированный и формализованный характер, однако при этом сохранил в неизменном виде базовые принципы консенсусного принятия решений и невмешательства во внутренние дела государств-членов, которые продолжают составлять нормативный фундамент организации.

В результате АСЕАН превратилась в крупное интеграционное объединение. Современный этап эволюции АСЕАН характеризуется углублением интеграционных процессов в экономической, политической и социокультурной сферах, причем в основу концептуального развития Ассоциации была положена идея всеобъемлющей безопасности, которая, по оценке Е. В. Колдуновой, «выступала связующим звеном всех трех опор-сообществ и основой для широкого подхода к проблемам укрепления политической, экономической и социальной стабильности в регионе» (Колдунова, 2017). С этой характеристикой традиционно согласны и другие исследователи (Захарова, Русакович 2014; Акимов, 2024; Панченко и др., 2026).

По данным *UNCTAD*, на 2026 г. численность населения АСЕАН достигла порядка 703,2 млн человек (с прогнозами дальнейшего устойчивого демографического роста), его плотность составила 162 чел./км², уровень урбанизации в среднем находится на уровне 53,5% (около 376,7 млн горожан), а медианный возраст составляет 31,2 года. Благодаря многостороннему сотрудничеству, в АСЕАН сокращается уровень бедности и голода. Тем не менее, проблема голода и отсутствия продовольственной безопасности все еще актуальна для интеграционного объединения. Наряду с социально-экономическим прогрессом имеет место рост внешней, в том числе взаимной, торговли стран АСЕАН. По мнению экспертов, совокупный объем торговли стран-участниц объединения в ближайшие 10 лет увеличится на 1,2 трлн долларов (Меланьина, Вереникина, 2024), а совокупный ВВП стран АСЕАН по результатам 2026 г. прогнозируется на уровне около 4 трлн долларов. АСЕАН остается 5-й по величине экономикой мира, при этом ожидается высокий рост ВВП отдельных стран, таких как

Вьетнам, с прогнозом роста до 7,5–7,6% в 2026 г. На этой основе МВФ прогнозировал, что уже к 2030 г. АСЕАН займет 4-е место по стоимостному объему ВВП в мире (рис. 3).

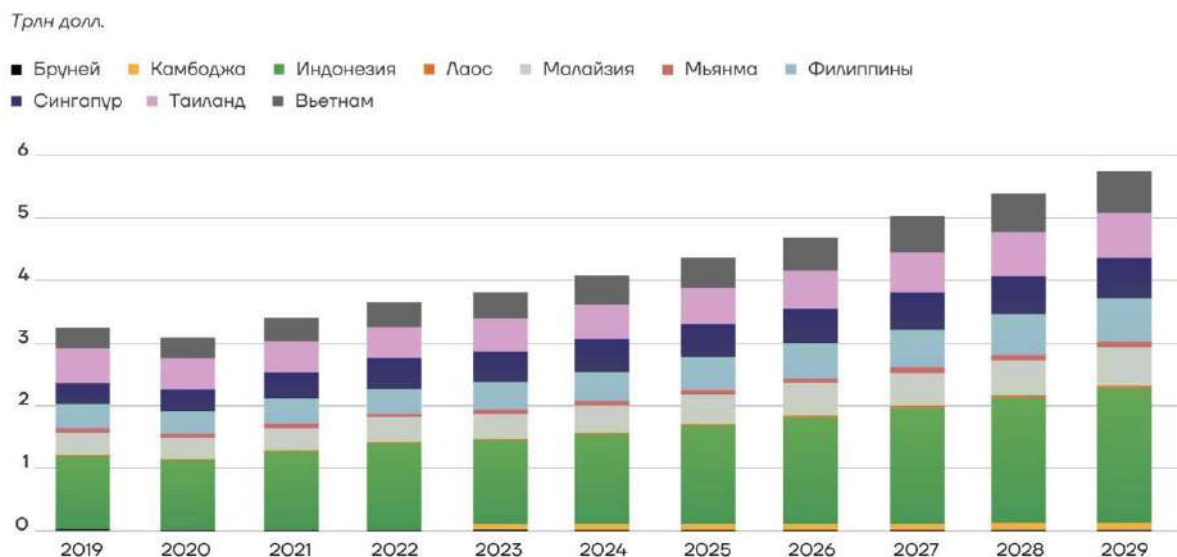

Рис. 3. ВВП стран АСЕАН в 2019–2029 гг. (оценка и прогноз), трлн долларов.
Источник: МВФ, 2024.

В то же время сохранение значительной дифференциации как в объемах, так и в темпах роста экономик и социального прогресса в странах АСЕАН остается одной из проблем объединения и требует дополнительных мер, в том числе и на уровне многосторонней дипломатии. Ситуация в АСЕАН как раз демонстрирует прямую и тесную взаимосвязь (и необходимость ее усиления) между процессами многосторонней дипломатии и направлениями социально-экономических процессов в условиях роста международных конфликтов в XXI в. (рис. 4). Ситуация 2026 г. подтверждает дальнейшую их эскалацию.

Рис. 4. Динамика геополитических угроз и конфликтов в 1946–2021 гг.
Источник: МВФ, 2026.

Однако, с учетом конфликта на Ближнем Востоке в 2026 г., эксперты этой организации произвели пересмотр приведенных ранее данных о конфликтах из-за нанесенного ими мировой экономике ущерба. В 2026 г. МВФ обосновывает точку зрения о том, что современный кризис в Ормузском заливе будет оказывать негативное влияние на региональную и даже глобальную социально-экономическую динамику в течение как минимум последующих пяти лет после его завершения и утверждает, что крупные военные конфликты наносят ущерб мирохозяйственным процессам в большей мере, чем другие потрясения, такие как стихийные бедствия, банковские и валютные кризисы и др. (МВФ, 2026).

Сложившаяся ситуация заставляет страны АСЕАН активизироваться в направлении многосторонней дипломатии. Логика развития АСЕАН как центрального регионального института традиционно ориентирована не на принудительное урегулирование, а на формирование благоприятной среды, в которой конфликты и споры не достигают критической остроты.

Параллельно с углублением внутренней интеграции развивались и внешние связи организации, которая сформировала систему диалоговых партнерств с ведущими мировыми державами и региональными объединениями. АСЕАН выступила инициатором создания таких многосторонних форматов, как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), объединяющий страны, имеющие отношение к безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, формат «АСЕАН+3» с участием Китая, Японии и Республики Корея, а также Восточноазиатский саммит (Верхолюмов, 2024). АСЕАН все более активно сотрудничает с Россией, с США, ЕС и другими партнерами (Huang, Ho, 2024). Таким образом, многие эксперты обращают внимание на балансирование стран АСЕАН и объединения в целом между региональными и внерегиональными партнерами и международными инициативами (Чжан, 2025), что требовало дальнейшего (и перманентного) развития и совершенствования механизмов многоуровневой многосторонней дипломатии. При этом отмечается, что «идея создания сообщества безопасности АСЕАН имела и более широкую, внешнюю составляющую — способствовать миру и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, вовлекая в данный процесс партнеров по диалогу и укрепляя роль АСЕАН как ведущей силы Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ)» (Колдунова, 2017. С. 58).

Сопоставительный анализ трех основных расширенных форматов сотрудничества АСЕАН — АРФ, АСЕАН+ и ВАС (Восточноазиатского саммита) — позволяет выявить как их общие характеристики, так и различия, которые в систематизированном виде представлены в табл. 1. Данные табл. 1 подтверждают, что при всем различии состава участников и конкретных сфер деятельности, все три формата объединяет несколько характеристик. Во-первых, все они функционируют на основе консенсусного принципа принятия решений, это обеспечивает возможность учета интересов всех участников. Во-вторых, для всех трех форматов характерен относительно невысокий уровень институционализации, что выражается в отсутствии жестких юридически обязывающих норм и опоре на регулярные встречи, как в ЕС. В-третьих, и это представляется наиболее важным, во всех трех случаях АСЕАН сохраняет за собой роль организационного центра, председательствующего и определяющего повестку, что позволяет государствам Юго-Восточной Азии, большинство из которых относятся к категории средних и малых держав, удерживать инициативу в отношениях с гораздо более мощными внерегиональными игроками.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика расширенных диалоговых форматов с участием АСЕАН

Критерий	АРФ	АСЕАН+3	ВАС
Год создания	1994	1997	2005
Количество участников	27	13	18
Основная сфера деятельности	Безопасность	Экономика и финансы	Стратегический диалог
Ключевые внерегиональные участники	США, Китай, Россия, Индия, ЕС, Япония, Республика Корея, Австралия	Китай, Япония, Республика Корея	США, Китай, Россия, Индия, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия
Метод принятия решений	Консенсус	Консенсус	Консенсус
Уровень институционализации	Низкий	Средний	Низкий
Основной механизм работы	Трехстадийный процесс (меры доверия, превентивная дипломатия, урегулирование конфликтов)	Саммиты, министерские встречи, Чиангмайская инициатива	Ежегодные саммиты лидеров, встречи старших должностных лиц
Роль АСЕАН	Ведущая, председательство	Ведущая, председательство	Центральная, председательство

Источник: составлено на основе: Шатерников, 2024; Master Plan, 2025.

Показательно, что эффективность и дальнейшая судьба этих механизмов сегодня вызывают дискуссии среди экспертов. В частности, П. С. Шатерников обращает внимание, и не безосновательно, на исчерпание потенциала сложившихся форматов. В своей работе он указывает: «Форматы АСЕАН+ в своем нынешнем состоянии также исчерпали свой потенциал — в их основе заведомо крылись противоречия крупных и средних акторов в рамках АТР, поэтому за последние 30 лет эти форматы перешли от обсуждения глобальных вопросов к локальным вещам» (Шатерников, 2024. С. 39).

Государства Ассоциации, стремясь сохранить нейтралитет, вынуждены балансировать между экономическим притяжением Китая, активно продвигающего инициативу «Один пояс, один путь», и военно-политическим присутствием США, которые через Индо-Тихоокеанскую стратегию пытаются создать альтернативные структуры влияния в регионе. В этой связи для привлечения членов АСЕАН на свою сторону КНР использует экономическое сотрудничество, а США в основном сфокусированы на взаимодействии в сфере безопасности. Но «американский зонтик» в действии относительно стран Персидского залива мир увидел в 2026 г. в Ормузском проливе. В ответ на попытки внешних сил подорвать единство

Ассоциации страны Юго-Восточной Азии рассматривают возможность перестроения диалоговых механизмов.

Следовательно, несмотря на кризисные явления, расширенные форматы сохраняют свой потенциал как механизмы многосторонней дипломатии, но их дальнейшее развитие требует адаптации к новым геополитическим реалиям, с одной стороны, и задачам обеспечения социально-экономического прогресса и комплексной безопасности региона, с другой.

Заключение

Итак, многосторонняя дипломатия в АСЕАН превратилась на практике в основной инструмент поиска согласованных решений в условиях глобализации и полицентричности мира. В глобальном и региональном аспектах ее эффективность зависит от региональных условий и готовности государств адаптировать универсальные принципы к местным традициям, и именно это определяет специфику многосторонней дипломатии в Юго-Восточной Азии (ЮВА), которая формировалась исторически и эволюционировала на протяжении десятилетий. Эта модель, которая получила в литературе и политической практике название «АСЕАНовский путь», базируется на трех основных принципах:

- 1) Принятие решений исключительно на основе консенсуса.
- 2) Невмешательство во внутренние дела друг друга.
- 3) Избегание открытой конфронтации.

Данные принципы с 1967 г. обеспечивали региону мир и стабильность и позволяли странам-членам АСЕАН постепенно наращивать взаимное доверие, сосредоточиться на экономическом развитии, не отвлекаясь на конфликты друг с другом.

Анализ институциональной структуры АСЕАН и ее расширенных диалоговых форматов (Регионального форума по безопасности, Восточноазиатского саммита, механизма «АСЕАН+3») показал, что Ассоциация занимает центральное положение в системе многосторонних отношений Азиатско-Тихоокеанского региона, так как она выступает не только пространством для взаимодействия государств-членов, но и координационным центром, где проводятся более широкие форматы с участием США, Китая, России, Индии, Японии и других внерегиональных игроков.

Однако эффективность этих форматов сегодня снижается из-за углубляющегося американо-китайского соперничества, в том числе в ЮВА и в целом в АТР, тайско-камбоджийского пограничного конфликта 2008–2011 гг. и территориальных споров в Южно-Китайском море. Эти и другие примеры показывают, что принципы «АСЕАНовского пути» встречаются с ограничениями, когда речь заходит о вооруженных конфликтах или о ситуациях, в которых интересы великих держав сталкиваются напрямую. Поэтому странам АСЕАН и в целом государствам ЮВА важно разрабатывать и формировать новые подходы и системы международной многосторонней дипломатии для стабильного социально-экономического прогресса.

Анализ исторических условий второй половины XX и начала XXI вв. позволяет сделать вывод о том, что именно данный период определил главные характеристики многосторонней дипломатии Юго-Восточной Азии, к числу которых относятся приоритет обеспечения внутривосточной стабильности и защиты государственного суверенитета, предпочтение неформальных механизмов взаимодействия, а также использование консенсусного метода как

основного инструмента принятия решений. Эти особенности сохраняют свою актуальность и продолжают определять положение международных отношений в регионе вплоть до настоящего времени.

Исследование показывает, что институциональная эволюция АСЕАН демонстрирует постепенное, но последовательное движение от объединения, построенного на неформальных договоренностях, к более структурированной международной организации, которая при этом сохраняет верность своим базовым принципам, и это представляется прогрессивным и своевременным. Так, сочетание формальных институциональных механизмов, введенных Хартией от 2007 г., с традиционными процедурами консенсусного принятия решений и невмешательства, обеспечивает Ассоциации достаточную гибкость для адаптации к меняющимся внешним условиям при одновременном поддержании внутренней сплоченности, и именно это сочетание формальных и неформальных элементов продолжает определять уникальный характер модели многосторонней дипломатии АСЕАН и ее центральную роль в поддержании региональной стабильности.

Дальнейшее развитие расширенных форматов сохраняет свой потенциал как механизмов многосторонней дипломатии, но требует адаптации к новым геополитическим реалиям. На взгляд автора, механизмы многосторонней дипломатии могли бы найти применение на практике в странах Африки, остро нуждающихся как в устойчивом социально-экономическом прогрессе, так и в новых механизмах развития бесконфликтных и консенсусных международных отношений и снижении внешнего (внерегионального) влияния на внутриконтинентальные процессы.

Список литературы

1. Акимов А. А. (2024) Дальневосточный центр мировой экономики // Полицентричный мир. 1 (1–2). С. 51–63. [Akimov A. V. (2024). Far Eastern Center of the World Economy. Polycentric World. Vol. 1. No. (1–2). Pp. 51–63. (In Russian).] DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-51-63
2. Верхолотов С. А. (2024) Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX — начале XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 17. № 2. С. 121–134. [Verkholotov S. A. (2024) Transformation of international relations in East Asia at the end of the XX and beginning of the XXI century // Contours of global transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 17. No. 2. Pp. 121–134. (In Russian).]
3. Захарова Е. В., Русакович В. И. (2014) АСЕАН в мировой экономике: реалии XXI века // Инновационная экономика. № 4 (1). С. 3. [Zakharova E. V., Rusakovich V. I. (2014) ASEAN in the world economy: the realities of the 21st century // Innovative Economics. No. 4 (1). P. 3. (In Russian).]
4. Колдунова Е. В. (2017) «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. Т. 15. № 3 (50). С. 55–66. [Koldunova E. V. (2017) «Dialogue partnerships» in the ASEAN foreign policy // International processes. Vol. 15. No. 3 (50). Pp. 55–66. (In Russian).]
5. Лебедева О. В. (2015) Многосторонняя дипломатия в современных международных отношениях // Право и управление. XXI век. № 1 (34). С. 86–91. [Lebedeva O. V. (2015) Multilateral diplomacy in modern international relations // Law and management. The 21st century. No. 1 (34). Pp. 86–91. (In Russian).]

6. Лебедева О. В. (2019) Институты многосторонней дипломатии: учебное пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс. 268 с. [Lebedeva O. V. (2019) Institutes of multilateral diplomacy: a textbook for universities. Moscow: Aspect Press. 268 p. (In Russian).]
7. МВФ (2024, апрель) Перспективы развития мировой экономики. Стабильно, но медленно: устойчивость на фоне расхождений. [The IMF (April 2024) Prospects for the development of the global economy. Stable, but slow: stability against a background of discrepancies. (In Russian).] URL: <https://www.imf.org/ru/publications/weo/issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>
8. МВФ (2026, апрель) Войны приводят к долговременным экономическим издержкам, а увеличение расходов на оборону связано с необходимостью принятия трудных решений. [IMF (April 2026) Wars lead to long-term economic costs, and increased defense spending is associated with the need to make difficult decisions. (In Russian).] URL: <https://www.imf.org/ru/blogs/articles/2026/04/08/wars-impose-lasting-economic-costs-while-more-defense-spending-means-hard-choices>
9. Меланьина М. В., Вереникина А. Ю. (2024) Взаимная торговля стран-участниц АСЕАН в контексте региональной экономической интеграции: эмпирический анализ // Россия и Азия. № 2 (28). С. 53–70. [Melanyina M. V., Verenikina A. Yu. (2024) Mutual trade of the ASEAN member countries in the context of regional economic integration: an empirical analysis // Russia and Asia. No. 2 (28). Pp. 53–70. (In Russian).]
10. Олеханов В. Л. (2013) Многосторонняя дипломатия // Право и управление. XXI век. № 2 (27). С. 69–76. [Oleandrov V. L. (2013) Multilateral diplomacy // Law and management. The 21st century. No. 2 (27). Pp. 69–76. (In Russian).]
11. Панченко Е. Ю., Родникова О. Ю., Федорова А. В. (2026) АСЕАН в мировой экономике: эмпирический анализ // Международная торговля и торговая политика. Т. 12. № 1 (45). С. 183–193. [Panchenko E. Yu., Rodnikova O. Yu., Fedorova A. V. (2026) ASEAN in the world economy: an empirical analysis // International Trade and Trade Policy. Vol. 12. No. 1 (45). Pp. 183–193. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2026-1-183-193
12. Соловьёва Ю. В. (2016) Страны АТЭС: передача технологий как фактор развития // Азия и Африка сегодня. № 8(709). С. 42–47. [Solovieva Yu.V. (2016) APEC countries: technology transfer as a development factor // Asia and Africa Today. No. 8 (709). Pp. 42–47. (In Russian).]
13. Соловьёва Ю. В., Шкваря Л. В. (2012) Научные и бизнес-коммуникации как ключевой фактор экономической интеграции. Москва : Астрей-центр. 182 с. [Solovieva Yu. V., Shkvarya L. V. (2012) Scientific and business communications as a key factor of economic integration. Moscow : Astrea-center. 182 p. (In Russian).]
14. Чжан М. (2025) Балансирование АСЕАН между инициативой «Пояс и путь» и Индо-Тихоокеанской стратегией: история вопроса и перспективы развития ситуации // Общество: философия, история, культура. № 10. С. 313–319. [Zhang M. (2025) Balancing ASEAN between the Belt and Road Initiative and the Indo-Pacific Strategy: background and prospects for the development of the situation // Society: Philosophy, History, Culture. No. 10. Pp. 313–319. (In Russian).] DOI: 10.24158/fik.2025.10.41
15. Шатерников П. С. (2024) Межформатное сотрудничество как возможная стратегия дипломатии АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. № 2 (63). С. 34–44. [Shaternikov P. S. (2024) Inter-format cooperation as a possible strategy of ASEAN diplomacy //

Southeast Asia: current development issues. No. 2 (63). Pp. 34–44. (In Russian).]
DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-034-044

16. Шкваря Л. В. (2019) Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. Москва. [Shkvarya L. V. (2019) International economic integration in the global economy. Ser. Higher education Bachelor's degree. Moscow. (In Russian).]

17. Шкваря Л. В. (2007) Шанхайская организация сотрудничества: современная специфика интеграционных процессов // Вестник Российской таможенной академии. № 1. С. 103–111. [Shkvarya L. V. (2007) Shanghai Cooperation Organization: modern specifics of integration processes // Bulletin of the Russian Customs Academy. No. 1. Pp. 103–111. (In Russian).]

18. Declaration on the Zone of Peace, Freedom and Neutrality in Southeast Asia (Kuala Lumpur Declaration). Signed on November 27, 1971. Kuala Lumpur, 1971. 3 p.

19. History. URL: <https://asean.org/about-asean>

20. Huang C. H., Ho S. (2024) Introduction: Domestic Determinants of Southeast Asia's Relations with the United States and China // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. Vol. 46. Is. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.1355/cs46-1a

21. Jones W. J. (2024) Enduring Foundation ASEAN's Treaty of Amity and Cooperation // East Asia Forum Quarterly. Vol. 16. No. 3. Pp. 30–32. DOI: 10.1355/cs46-1a

22. Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Adopted on September 6, 2016. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. 122 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/01/47.-December-2017-MPAC2025-2nd-Reprint-.pdf>

23. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. (2017) Transfer of technology in Asian-Pacific economic cooperation states. Regional development models // Journal of Applied Economic Sciences. Vol. 12. No. 5(51). Pp. 1473–1484.

24. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, August 8, 1967. 5 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/0719.pdf>

The specifics of multilateral diplomacy in Southeast Asia and its impact on socio-economic processes: the ASEAN case

He Mingjun,

PhD of Economics, Senior lecturer at the Law Faculty of Kunming Polytechnic University, Kunming, China.

In the context of growing geopolitical and geo-economic instability in various regions of the world, the need to develop more adequate mechanisms for multilateral diplomacy is becoming urgent. The relevance of the topic is due to the fact that the position of Southeast Asia in world politics and economics is constantly strengthening.; The ASEAN countries are showing economic growth, they have become an important link in global production chains (especially after many companies began to move their facilities from China to other Asian countries), and at the same time the region is becoming an area of intense geopolitical competition between the United States and China. The purpose of the study is to analyze the features of multilateral diplomacy in Southeast Asia, identify its strengths and weaknesses, as well as development prospects in modern conditions. The research methods include general scientific (analysis, systematic approach, generalization) and special

techniques: historical, comparative legal, documentary method of working with official ones. The theoretical basis of the work consists of the works of Russian and foreign experts on international relations and regional diplomacy, as well as the regulatory, legal and political documents of ASEAN. The author comes to the conclusion that multilateral diplomacy in Southeast Asia is a unique model that was formed under the influence of the colonial past, the bipolar confrontation during the Cold War and the need for the coexistence of states with different cultures, religions and political systems, which is of scientific interest to some states and their associations, for example In Africa, it is possible to adapt this experience as promising and effective.

Keywords: *multilateral diplomacy, Southeast Asia, ASEAN, the ASEAN Way, socio-economic development, integration processes.*

JEL codes: *F01, F02, F15.*

Статья поступила в редакцию 26.15.2026 г.

Подходы к определению понятия «энергетический переход»: конкурирующие концепции и альтернатива

Грозыкин Максим Геннадьевич¹

В представленной статье рассматриваются конкурирующие подходы к определению термина «энергетический переход» (ЭП) как актуального глобального процесса. В статье доказывается, что этот термин на практике используется не как единое понятие, а как система взаимосвязанных, часто несовместимых, определений, имеющих в виду решение различных задач. В статье анализируются основные подходы к определению энергетического перехода как экономической категории и как глобального процесса — технический, исторический, политический, социотехнический и институциональный. Цель — выявить ранее не включенные в объект исследования аспекты данного процесса, так как имеющиеся определения не охватывают все его аспекты. Основной аргумент автора заключается в том, что общепринятые определения, в том числе принятые международными организациями, содержат предположения об открытых рынках капитала, передаче технологий и доступе к платежным системам, которые не применимы к развивающимся экономикам или государствам, подвергшимся санкциям. В статье предлагается альтернативное, основанное на принципе государственного суверенитета, определение, в котором приоритет отдается энергетической безопасности и самодостаточности национальной экономики и страны в целом в течение фиксированного периода обезуглероживания, а затем проводится его сравнение с энергетической траекторией России на период после 2022 г. Исследование показывает, что предложенное автором определение хорошо объясняет диверсификацию валют и рынков, но его ограничения проявляются из-за провала импортозамещения, демонстрируя, что суверенитет как цель политики не гарантирует суверенитет как результат.

Ключевые слова: энергетический переход (ЭП), декарбонизация, международные энергетические организации, санкционные ограничения, развивающиеся страны.

JEL коды: F51, F53, O13, P48, Q47.

Введение

В современной мировой экономике и энергетике все субъекты последней, начиная с Международного энергетического агентства и заканчивая нефтегазовыми корпорациями, рассматривают возможность перехода от ископаемого топлива к более чистым и устойчивым источникам энергии. Однако за этим поверхностным подходом к трактовке энергетического перехода (ЭП) скрывается множество совершенно разных и зачастую несовместимых теорий его интерпретации.

¹ Грозыкин Максим Геннадьевич — начальник управления ГКУ «Дирекция заказчика ЖКХиБ СВАО г. Москвы», Москва, Россия.

Основные цели данного исследования заключаются в следующем: во-первых, рассмотреть имеющиеся научные и институциональные подходы к определению понятия «энергетический переход» — от узких технических определений до широких социотехнических и социо-экономических подходов; во-вторых, выявить, как ведущие международные организации в области энергетики — *IRENA* и *IEA* — реализуют эту концепцию на практике и как их определения эволюционировали с учетом времени; в-третьих, и это наиболее существенно, доказать, что большинство существующих определений содержат предположения о доступе к капиталу, передаче технологий и рыночной интеграции, которые не применимы к развивающимся экономикам или государствам, действующим под санкциями. Автором предлагается альтернативное определение, основанное на принципе суверенитета и разработанное с учетом этого актуализирующегося сегодня контекста. В качестве доказательства оно применяется к современной России и ее нефтегазовым корпорациям — государству и организациям, энергетическая траектория которых с 2022 г. находится под существенным внешним давлением.

В основе аргументации лежит не утверждение о том, что определения энергетического перехода, связанные с изменением климата или декарбонизацией, неверны, а то, что энергетический переход — это не столько единое понятие, сколько совокупность связанных, но отличающихся друг от друга, определений. Очень важно четко конкретизировать, какая именно версия этого понятия используется, так как этот термин, на взгляд автора, зачастую применяется как форма мягкого давления со стороны более богатых и обеспеченных энергоресурсами (и другими ресурсами) государств на более бедные, слабые или изолированные.

Основные подходы к определению понятия энергетический переход

Наиболее распространенное определение, отражающее технократический подход, сужает понятие энергетического перехода до устойчивой смены основных источников производства и потребления энергии — угля, нефти и природного газа, — к солнечной, ветровой, гидро, ядерной, геотермальной и другим низкоуглеродным источникам. Это определение поддается измерению: аналитики могут отслеживать долю поставок первичной энергии, мощности по производству электроэнергии или конечное потребление энергии, приходящееся на каждый вид топлива, с течением времени и описывать переход, используя точные цифры (Прокофьев, Разумнова, 2023). Его слабость заключается в том, что оно не опирается на социальные, политические или экономические условия, при которых происходит изменение структуры топливной системы, рассматривая энергетическую систему, как существующую независимо от институтов, рынков капитала и рабочей силы, которые ее строят и эксплуатируют. На таком определении остановились Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC, 2024) и многие ведущие ученые, например В. Смил (Smil, 2017).

Согласно второму определению, политико-экономическому, которое преобладает в официальных правительственных документах, международных соглашениях и корпоративных отчетах об устойчивом развитии, энергетический переход — это целенаправленная, спланированная на уровне государственной политики реструктуризация национальных или региональных энергетических систем, направленная на достижение конкретных климатических целей, чаще всего заключающихся в достижении нулевого уровня

выбросов парниковых газов к 2050 г. в соответствии с температурными целями Парижского соглашения. Это определение закреплено в программе «*Fit for 55*» Европейского союза (European Council, 2021), в большинстве национальных законов о борьбе с изменением климата, а также в обязательствах по достижению нулевого уровня выбросов, взятых на себя 140 странами. В отличие от технического определения, этот вариант носит явно нормативный характер и ориентирован на достижение конкретных целей: энергетическая система страны не просто меняется, она перестраивается таким образом, чтобы достичь определенного, количественно измеримого состояния, согласованного на международном уровне, и в сроки, установленные в основном на международном уровне, а не исходя из внутренних приоритетов развития конкретной страны.

Третье определение — социотехническое. Академические исследования в области энергетики, особенно работы, основанные на многоуровневой перспективе, разработанной Ф. Гилсом и другими учеными (Geels, 2011), доказывают, что энергетический переход нельзя сводить к замене источников топлива. С этой точки зрения ЭП — это совместная эволюция совокупности факторов (технологий, инфраструктуры, рынков, институтов, нормативно-правовой базы и повседневных практик потребителей энергии), которые развиваются параллельно и усиливают друг друга. Солнечная панель сама по себе не служит признаком энергетического перехода. Для перехода нужны новые финансовые инструменты (Подбиралина и др., 2024), новая архитектура энергосистем (Кузьмина, 2021), новые категории регулирования (Perelman et al., 1981), новые потребительские привычки, а зачастую и упадок традиционных отраслей и политических объединений, сформировавшихся вокруг прежних традиций (Yergin, 2021). Это определение богато аналитическими возможностями, но его сложнее преобразовать в простые показатели, поскольку оно требует отслеживания изменений во множестве взаимодействующих систем одновременно, а не по одному показателю, например доле возобновляемых источников энергии.

Наконец, крупнейшие международные организации, в том числе *IRENA* и *IEA*, пришли к более широкому и целостному определению, объединяющему несколько элементов из вышеперечисленных подходов: переходный период — это трансформация энергетического сектора в масштабах всей экономики, охватывающая предложение, спрос, эффективность, инфраструктуру и выбросы, а не только один вид топлива. Это определение намеренно сформулировано столь емким, отчасти потому, что оно должно учитывать государства-члены с совершенно разными отправными точками, обеспеченностью ресурсами и политической экономией, а отчасти потому, что оно позволяет этим институтам заявлять о своей значимости практически во всех аспектах энергетической политики.

Рассмотрим, как международные организации реализуют концепцию энергетического перехода на практике. *IRENA* (IRENA, 2024) определяет энергетический переход как постепенный, устойчивый сдвиг в глобальном потреблении энергии — от ископаемого топлива к системе с нулевым выбросом углерода — к середине XXI столетия, позиционируя этот переход как основной механизм, с помощью которого мир может удержать потепление на уровне 1,5 градуса по шкале Цельсия выше доиндустриального уровня. Агентство организует свою практическую работу на основе трех взаимодополняющих принципов: создание общей базы знаний о преобразовании энергетического сектора, ведение подробных данных об энергетических системах всех стран (субъектов хозяйствования) и возможности их моделирования, а также оказание прямой поддержки национальным правительствам в планировании их собственных путей перехода (т. е. разработка стратегий этого перехода,

скорее всего, на основе тех представлений об эффективности, необходимости и важности, которая есть у *IRENA*, а не у соответствующего государства).

Что примечательно и на чем стоит остановиться подробнее, так это то, что за последние несколько лет определение *IRENA* заметно расширилось, включив социально-экономический аспект, который в значительной степени отсутствовал в первой версии. В опубликованном обзоре «*World Energy Transitions Outlook*» (*IRENA*, 2024) этот переходный процесс рассматривается как механизм повышения устойчивости экономики, создания новых рабочих мест, а также недорогого доступа к энергии для потребителей. Важно отметить, что, основываясь на собственном анализе, *IRENA* подтверждает, что даже оптимально реализованный глобальный переходный процесс, скорее всего, приведет к существенному неравенству в благосостоянии между богатыми и бедными регионами мира.

IEA, созданная США, сравнительно меньше вкладывает средств в разработку единого четкого определения ЭП и вместо этого реализует концепцию эмпирически, используя набор отслеживаемых показателей: траектории выбросов, сопоставляемые с траекториями нулевого уровня выбросов, соотношение инвестиций в экологически чистые энергетические технологии по сравнению с сохранением инфраструктуры, работающей на ископаемом топливе, и темпы внедрения конкретных технологий (электромобили, тепловые насосы, сетевые хранилища и т. д.), необходимые для достижения заявленных климатических целей. Ее флагманская дорожная карта «Чистый ноль к 2050 году» (*IEA*, 2021) функционирует не столько как определение, сколько как техническая спецификация того, что потребуется для успешного перехода от сектора к сектору — энергетике, транспорту, строительству, промышленности — рассматривая переход как процесс реструктуризации всей экономики, а не как изменение, ограниченное только сектором электроэнергетики.

В совместных публикациях, в частности, в работе, подготовленной для конкретных процессов ЭП, *G20*, *IRENA* и *IEA* сходятся в определении, четко привязанном к целевому показателю температуры: переход в энергетическом секторе, согласующийся с ограничением глобального повышения температуры до уровня значительно ниже двух градусов по шкале Цельсия, с особым акцентом на масштаб инвестиций, необходимых для производства электроэнергии, транспорта, строительства, а тяжелая промышленность должна оставаться на этом пути (*IRENA*, *IEA*, 2023), и, напротив, без акцента на экономическую и энергетическую безопасность (*WEF*, 2025).

Результаты исследования

Почти во всех международных институциональных определениях прослеживаются две структурные особенности: во-первых, ориентация на достижение конкретных целей в области температуры или выбросов, а не на обеспечение внутренних (национальных) целей в области развития; во-вторых, переходный процесс рассматривается как системный и общеэкономический, а не просто как замена топлива.

Каждое из рассмотренных выше определений — даже наиболее ориентированные на справедливость и равенство, — сохраняют неточности. Так, в версии *IRENA* содержится ряд исходных допущений, которые редко излагаются прямо, потому что они справедливы только для богатых развитых экономик, из которых исходит большая часть имеющейся отраслевой литературы. Эти допущения включают: относительно открытый доступ к международным рынкам капитала и льготному климатическому финансированию; возможность лицензировать

или импортировать передовые экологически чистые энергетические технологии от мировых поставщиков без политических препятствий; участие в глобальной торговле и платежных системах, не опасаясь исключения; и достаточно стабильную внутреннюю политическую ситуацию и экономику, чтобы покрыть краткосрочные издержки реструктуризации в обмен на долгосрочные выгоды от обезуглероживания.

Для страны, находящейся под действием режима активных (и при этом зачастую весьма жестких) санкций, отрезанной от западных рынков капитала, лишенной доступа к технологиям и комплектующим западного производства, а также столкнувшейся с ограничениями на проведение транзакций в валютах, доминирующих в мировой торговле энергоресурсами, эти определения неверны. Для такой страны определение энергетического перехода, привязанное к целевому показателю достижения нулевого уровня выбросов к 2050 г., финансируемое в значительной степени за счет капитала, контролируемого Западом, и осуществляемое с помощью платежной инфраструктуры, контролируемой Западом, не является нейтральным техническим ориентиром. По сути, это требование, чтобы страна выбрала такой путь энергетического перехода, при котором ее основные геополитические противники будут контролировать финансирование и технологические ресурсы. Это структурная основа утверждения, которое все чаще озвучивают политики и ученые из развивающихся стран и государств (Шкваря, 2025; Бяшарова и др., 2025; Byasharova et al, 2025), находящихся под санкциями, о том, что «энергетический переход» в его традиционном (западном) понимании — это форма мягкого давления, которая не обязательна в своих климатических целях, но функционально асимметрична с точки зрения распределения затрат, выгод и контроля.

Основываясь на этой критике, можно предложить альтернативное определение, специально разработанное для применения к странам, для которых стандартные определения либо не подходят, либо активно противоречат заявленным национальным интересам.

Предлагаемое автором определение — энергетический переход для развивающихся стран и стран, подвергшихся санкциям — это осуществляемая под руководством государства и исключительно в интересах этого государства реструктуризация энергетического баланса и инфраструктуры страны с целью повышения энергетической безопасности, самодостаточности и экономической устойчивости с использованием любого сочетания внутренних ресурсов, местных технологий и имеющихся партнерских (внешних) отношений, отвечающих приоритетам национального развития, а не фиксированные сроки или топливный баланс, навязываемые внешними субъектами, зачастую противоречащими национальным интересам.

Это определение отличается от рассмотренных выше институциональных версий по нескольким аспектам:

Во-первых, оно меняет порядок приоритетов. В то время как в определениях *IRENA* и *IEA* декарбонизация ставится на первое место, и энергетическая безопасность рассматривается как вторичная сопутствующая выгода, в предложенном автором определении безопасность и суверенитет конкретной страны ставятся на первое место, а декарбонизация рассматривается как одно из возможных, но не обязательных, средств достижения этой цели. Для государства, которое столкнулось с финансовой изоляцией или опасается ее, вопрос энергетического перехода не должен звучать «как быстро могут сократиться выбросы», а должен быть сформулирован «насколько быстро может быть снижена зависимость от какого-либо одного внешнего поставщика, лицензиара на технологию или международной платежной системы».

Диверсификация энергетического баланса, которая может включать в себя увеличение внутренних мощностей по добыче угля, газа, гидро- или атомной энергии наряду с возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ), в полной мере рассматривается как переходный период в рамках этой концепции, а не как отказ от декарбонизации.

Во-вторых, отменяются фиксированные конечные сроки. Ориентир чистого нулевого показателя к 2050 г. рассчитан в соответствии с глобальным углеродным бюджетом, но страна, исключенная из программы льготного финансирования борьбы с изменением климата и передачи технологий, не может реально поддерживать те же темпы, что и страна, имеющая полный доступ и к тому, и к другому. В этом определении переходный процесс рассматривается как направленный, а не конечный: прогресс измеряется увеличением разнообразия, эффективности и жизнестойкости по сравнению с исходной точкой страны, а не приближением к установленному извне сроку.

В-третьих, вместо того чтобы определять ЭП как переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, важно определять его как любое расширение собственного технического и промышленного потенциала страны по производству, переработке или генерации энергии внутри страны. Импортозамещение и самодостаточность должны стать законными результатами переходного периода, исходя из того, что цепочки поставок импортируемых компонентов экологически чистой энергии могут использоваться в качестве инструментов геополитического давления.

В-четвертых, и это, на наш взгляд, самое важное, — доступ к финансированию и технологиям рассматривается в рамках предложенного автором подхода как переменная, требующая решения, а не как нечто само собой разумеющееся. В то время как в традиционных определениях по умолчанию предполагается, что капитал и передача технологий более или менее свободно поступают в любую страну, стремящуюся к декарбонизации, в данном предложенном автором определении диверсификация финансовых и технологических партнеров — а не только источников топлива — рассматривается как ключевой компонент перехода к низкоуглеродной экономике.

Стоит отметить и ограничения предлагаемого автором определения. Это реальная позиция, которой придерживается значительное число политиков и ученых из развивающихся стран, и она исправляет реальную асимметрию в том, как разрабатываются и финансируются основные определения. Однако это не нейтральная и не бесспорная альтернатива. Сторонники традиционных определений целевых показателей в области климата резонно возразят, что физический углеродный бюджет — это общее планетарное ограничение, а не произвольное требование какого-то отдельного блока стран, и что механизмы, специально разработанные для устранения асимметрии, на которую указывает приведенное и обоснованное в данной статье наше определение, уже существуют, пусть и не всегда получают достаточное финансирование и внедряются неравномерно (Tang, Solovieva, 2024). Определение, основанное на принципе суверенитета, следует рассматривать не как замену определениям целевых показателей в области климата, а как корректирующий фактор, который становится особенно полезным и необходимым при применении к государствам, действующим вне привычных каналов международного финансирования борьбы с изменением климата.

С 2022 г. Россия представляет собой особенно показательный пример для применения этого определения, поскольку сочетает в себе ресурсную зависимость, характерную для стран с развивающейся экономикой, и самый масштабный санкционный режим в отношении крупной экономики за всю новейшую историю. Применение определения, основанного на

принципе суверенитета, к энергетической политике России позволяет сделать ряд важных выводов, ряд из которых подтверждают обоснованность авторского подхода, а по крайней мере один из них указывает на его ограничения.

1. Диверсификация валют и способов расчетов. Столкнувшись с невозможностью использовать платежные системы, в которых доминируют западные страны, Россия перешла на расчеты в рублях, юанях и рупиях, одновременно усилив государственный контроль над доходами от продажи (экспорта) энергоресурсов. Согласно традиционному определению климатической политики, этот сдвиг не имеет никакого отношения к энергетическому переходу — это вопрос уклонения от санкций и финансовой политики, не связанный с топливно-энергетическим балансом. Однако согласно предложенному здесь автором определению, основанному на принципе суверенитета, это можно считать настоящей мерой по переходу к низкоуглеродной экономике: она снижает зависимость России от единой финансовой архитектуры, которая уже продемонстрировала свою готовность и способность исключать российских участников, а это как раз тот случай, когда существует риск возникновения «единой точки отказа», на выявление которого и направлено данное определение.

2. Диверсификация покупателей и рынков сбыта. Экспорт энергоносителей из России в значительной степени переориентирован на Азию, при этом Китай становится основным покупателем российского газа по сниженным ценам и заключает гибкие краткосрочные контракты, что укрепляет переговорные позиции Пекина. В то же время ряд других стран, в том числе Индонезия, Таиланд, Малайзия, Вьетнам и Шри-Ланка, перешли на импорт российской нефти в рамках собственных стратегий по диверсификации поставок, принимая на себя связанные с этим финансовые и репутационные риски. Это частично соответствует определению, в котором делается акцент на диверсификации торговых партнеров, хотя в лучшем случае это можно назвать относительным успехом: Россия заменила узкую зависимость от европейских покупателей на существенную и еще более узкую зависимость от меньшего числа азиатских покупателей, что снижает для отечественной экономики одну из уязвимостей, но создает новую, вместо того чтобы приблизиться к полному суверенитету в сфере экспортных отношений.

3. Поворот в сторону внутреннего спроса — наиболее очевидное эмпирическое соответствие. Именно в этом случае определение, основанное на понятии суверенитета, находит наиболее яркое подтверждение на примере России. Поскольку доходы от экспорта сократились из-за введения западных ценовых ограничений, резко вырос внутренний спрос на электроэнергию (Atlantic Council, 2024), в значительной степени обусловленный потребностями растущей оборонно-промышленной базы, и гидроэнергетика вновь стала стратегическим резервным источником выработки электроэнергии внутри страны. Программа по расширению внутреннего использования газа — ускорение газификации регионов, расширение производства малотоннажного сжиженного природного газа и продвижение природного газа в качестве транспортного топлива — близка к иллюстрации того, что государство ставит энергетическую безопасность и внутреннюю устойчивость выше любых целей по декарбонизации, в точности как это было бы в соответствии с определением, основанным на суверенитете прогнозировать состояние, находящееся под всеобъемлющим внешним давлением.

4. Импортозамещение — когда определение соответствует жесткому ограничению. Это тот момент, когда применение этого определения к России становится действительно

неудобным для самой системы. Российская политика импортозамещения — наращивания внутреннего потенциала для замены технологий и оборудования иностранного производства — по большинству независимых оценок (Center on Global Energy Policy at Columbia, 2025), начиная с 2022 г., не принесла существенных результатов. Успешные образцы оборудования отечественного производства, как правило, относятся к низкотехнологичным категориям или в значительной степени зависят от зарубежных компонентов и опыта, в то время как цели по приобретению более совершенного оборудования и технологий в значительной степени не достигнуты из-за слабого внутреннего промышленного потенциала, плохой координации между секторами и стремления к получению ренты в рамках государственной промышленной политики. В результате Россия все больше полагается на импорт и локализацию технологий от западных поставщиков, вместо того чтобы добиваться реального внутреннего замещения. Это имеет большое значение для определения, основанного на суверенитете, поскольку в определении предполагается, что государство, уделяющее приоритетное внимание наращиванию внутреннего потенциала, может фактически создать этот потенциал, если оно того пожелает. Пример России показывает, что это не происходит само собой: санкции и технологическая изоляция могут блокировать переход, предусмотренный данным определением, даже при наличии политической воли и легитимности определения. Суверенитет как заявленная политическая цель не гарантирует суверенитета как достигнутого результата.

Заключение

Согласно предложенному в этой статье авторскому определению, основанному на принципе национального суверенитета, энергетическая стратегия России на период после 2022 г. представляет собой настоящий, пусть и частичный, и неравномерный, энергетический переход: произошла существенная диверсификация по валютам, экспортным рынкам и структурам внутреннего спроса. Но правильнее всего было бы охарактеризовать его как вынужденный и незавершенный переход, а не как полностью реализованный. Провал политики импортозамещения выступает здесь самым важным показателем, поскольку он демонстрирует, что определение, ориентированное на национальный суверенитет, может описывать стремление к чему-то, но не гарантирует наличие промышленной и технологической базы, необходимой для достижения этой цели. Согласно данному определению, государство может демонстрировать и декларировать высокие политические и экономические амбиции, но на практике не оправдывать их — потому, что санкции и технологическое эмбарго могут опережать возможности даже хорошо обеспеченного ресурсами государства по созданию импортозамещающих производств внутри страны.

Также стоит отметить, что использование термина «энергетический переход» применительно к экономической адаптации России в условиях текущего времени само по себе спорно. Критики справедливо заметят, что речь идет об адаптации к санкциям и экономической мобилизации в интересах оборонно-промышленного сектора, а вовсе не о переходе в смысле климатической политики, и что столь широкое использование этого термина рискует лишить его какого-либо стабильного аналитического смысла. Это справедливое возражение, и оно в чуть меньшей степени применимо к предложенному здесь более широкому определению, основанному на принципе суверенитета: чем дальше определение отходит от основного принципа сокращения выбросов, тем больше оно рискует

превратиться в общую теорию экономической самодостаточности в условиях геополитического давления, применимую практически к любой экономике, находящейся под санкциями или в осаде, независимо от ее фактической энергетической траектории.

Энергетический переход — это не одно понятие, а система взаимосвязанных, иногда конкурирующих между собой, утверждений: техническое описание изменения топливного баланса, долгосрочная историческая закономерность, политическая цель, привязанная к глобальному предельному сроку выбросов, совместно развивающаяся социотехническая система, справедливое перераспределение затрат и выгод, или целостная институциональная трансформация, охватывающая предложение, спрос и эффективность. Международные организации, такие как *IRENA* и *IEA*, пришли к емким, ориентированным на достижение конкретных целей определениям, которые все чаще включают формулировку справедливости, но эти определения по-прежнему содержат предположения об открытых рынках капитала, доступе к технологиям и участии в платежных системах, которые не применимы к развивающимся экономикам или государствам, находящимся под санкциями.

Определение, основанное на суверенитете, предложенное в этой статье, — ориентация на энергетическую безопасность, самодостаточность и диверсификацию партнеров в рамках фиксированного топливного баланса или крайнего срока — дает, на наш взгляд, более точную характеристику того, как на самом деле ведут себя такие государства, и более честное объяснение, почему традиционное определение может восприниматься как внешнее давление, а не как угроза. Применительно к России это определение хорошо объясняет валютную диверсификацию, диверсификацию покупателей и изменение внутреннего спроса, в то время как его ограничения проявляются в постоянных неудачах в области импортозамещения и сохраняющейся взаимной зависимости в ядерном секторе. Дело не в том, что одно определение верное, а другое — нет, а в том, что любой серьезный анализ энергетической траектории развития страны должен четко указывать, какое именно определение «перехода» используется, поскольку от этого зависит, какие страны будут считаться успешными, а какие — нет, и чьим приоритетам (интересам) в конечном счете служит этот термин.

Список литературы

1. Бяшарова А. Р., Тюрина О. А., Сизова Д. А. (2025) Трансформация глобального нефтяного рынка в условиях усиления роли объединения БРИКС // Вестник ученых-международников. № 3 (33). С. 258–267. [Byasharova A. R., Tyurina O. A., Sizova D. A. (2025) The transformation of the global oil market in the context of the growing role of the BRICS association // Bulletin of International Scientists. No. 3 (33). Pp. 258–267. (In Russian).]
2. Кузьмина Т. И. (2021) Адаптация угольной отрасли РФ к условиям «энергетического перехода» // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 08 октября. Чебоксары: Издательский дом «Среда». С. 104–106. [Kuzmina T. I. (2021) Adaptation of the coal industry of the Russian Federation to the conditions of the «energy transition» // Law, economics and management: current issues: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, October 08. Cheboksary: Publishing House «Sreda». Pp. 104–106. (In Russian).] DOI: 0.31483/r-99622.]
3. Подбиралина Г. В., Уразова М. У., Эркенова Д. А. (2024) Экономика устойчивого развития: инвестиции в «зеленые» технологии как драйвер экономического роста // Экономика

и управление: проблемы, решения. Т. 20. № 12 (153). С. 116–121. [Podbiralina G. V., Urazova M. U., Erkenova D. A. (2024) Economics of sustainable development: investments in «green» technologies as a driver of economic growth // Economics and management: problems, solutions. Vol. 20. No. 12 (153). Pp. 116–121. (In Russian).] DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.20.016

4. Прокофьев В. А., Разумнова Л. Л. (2023) Главные приоритеты энергетического перехода // Валютное регулирование. Валютный контроль. № 5. С. 43–56. [Прокофьев В. А., Razumnova L. L. (2023) The main priorities of the energy transition // Currency regulation. Currency control. No. 5. Pp. 43–56. (In Russian).]

5. Шкваря Л. В. (2025) Декарбонизация как глобальная тенденция и ее основные характеристики // Международная торговля и торговая политика. Т. 11. № 3 (43). С. 5–16. [Shkvarya L. V. (2025) Decarbonization as a global trend and its main characteristics // International trade and trade policy. Vol. 11. No. 3 (43). Pp. 5–16. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2025-3-5-16.

6. Atlantic Council, The effect of sanctions on the Russian energy industry, 2024. URL: <https://www.atlanticcouncil.tv/videos/the-effect-of-sanctions-on-the-russian-energy-industry-05-23-2024-15-06-09>

7. Byasharova A. R., Dianova V. Y., Tyurina O. A. (2025) Cooperation between China and the GCC countries in the field of renewable energy sources // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 11. No. 2. P. 39–47.

8. Center on Global Energy Policy at Columbia, Q&A: How Will New US Sanctions Affect Russia's Energy Sector, 2025. URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/qa-how-will-new-us-sanctions-affect-russias-energy-sector/>

9. European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fit-for-55/>

10. Geels F. (2011) The multi-level perspective on sustainability transitions: Responses to seven criticisms // Environmental Innovation and Societal Transitions. Vol. 1. Is. 1. Pp. 24–40.

11. IEA, IRENA and UN Climate Change High-Level Champions (2023), The Breakthrough Agenda Report: Accelerating Sector Transitions through Stronger International Collaboration, International Energy Agency, International Renewable Energy Agency and UN Climate Change High-Level Champions, Paris, Abu Dhabi and Geneva.

12. International Energy Agency, Net Zero by 2050. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050>

13. IPCC, Special Report on Climate Change and Cities, 2024. URL: <https://www.ipcc.ch/report/special-report-on-climate-change-and-cities/>

14. IRENA, Global Renewables Outlook, 2024. URL: <https://www.irena.org/Energy-Transition/Outlook>

15. Perelman L. J., Giebelhaus A. W., Yokel M. D. (1981) Energy Transitions: Long Term Perspectives, Boulder : AAAS.

16. Smil V. (2017) Energy Transitions: Global and National Perspectives, Second edition, Praeger.

17. Tang Zh., Solovieva Yu. V. (2024) Empirical Analysis and Research of Low-Carbon Economy Development Trends in China, Japan and South Korea // Russian and Chinese Studies. Vol. 8. No. 1. Pp. 37–45. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).37-45.

18. World Economic Forum, The energy transition is not a rival of energy security, 2025. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/davos-2025-do-we-really-have-to-choose-between-energy-security-and-the-energy-transition/>

19. Yergin D. (2021) The new map: energy, climate and the clash of nations // International Affairs. Vol. 97. Pp. 247–249. DOI: 10.1093/ia/iaa227.

Approaches to defining the concept of «energy transition»: competing concepts and alternatives

Maxim G. Grozykin,

Head of the Department of the State Institution «Directorate of the customer of Housing and Communal Services of the SVAO Moscow», Moscow, Russia.

The presented article examines competing approaches to the definition of the term «energy transition» (ET) as an actual global process. The article proves that this term is used in practice not as a single concept, but as a system of interrelated, often incompatible definitions, referring to the solution of various tasks. The article analyzes the main approaches to defining the energy transition as an economic category and as a global process — technical, historical, political, sociotechnical and institutional. The aim is to identify aspects of this process that were not previously included in the object of research, since the available definitions do not cover all its aspects. The author's main argument is that generally accepted definitions, including those adopted by international organizations, contain assumptions about open capital markets, technology transfer, and access to payment systems that are not applicable to developing economies or sanctioned States. The article proposes an alternative definition based on the principle of state sovereignty, which gives priority to energy security and self-sufficiency of the national economy and the country as a whole during a fixed period of decarbonization, and then compares it with Russia's energy trajectory for the period after 2022. The study shows that the definition proposed by the author explains the diversification of currencies and markets well, but its limitations are manifested due to the failure of import substitution, demonstrating that sovereignty as a policy goal does not guarantee sovereignty as a result.

Keywords: energy transition, decarbonization, international energy organizations, sanctions restrictions, developing countries.

JEL codes: F51, F53, O13, P48, Q47.

Статья поступила в редакцию 13.06.2026.

Инвестиционное сотрудничество БРИКС: динамика, возможности роста и влияние на мировую финансовую архитектуру

Охотский Александр Игоревич¹

В статье произведен анализ современного положения стран БРИКС в финансовом разрезе, включая как внутригрупповые, так и внешние инвестиционные потоки, с учетом расширения странового состава объединения и его влияния на перераспределение капитала. Цель данной статьи — проанализировать текущее состояние и перспективы инвестиционного сотрудничества БРИКС, выявить ключевые факторы, и стимулирующие, и сдерживающие инвестиционный потенциал объединения, а также оценить его роль в трансформации глобальной финансовой архитектуры. В статье показано, что рост масштабов инвестиционных потоков способствует развитию экономик и их конкурентоспособности, ведет к созданию рабочих мест, открывает доступ к технологиям и знаниям. Вместе с тем наблюдается определенный дисбаланс в инвестиционных потоках в БРИКС, связанный с тем, что Китай выступает крупнейшим получателем и инвестором в объединении. Текущие инвестиционные показатели БРИКС уступают развитым государствам, а доля взаимных инвестиций внутри БРИКС остается ниже, чем с третьими странами. Тем не менее, в статье делается вывод о том, что, несмотря на низкие относительные показатели БРИКС, усиление инвестиционных связей способно стать катализатором структурных изменений, повысить глобальную конкурентоспособность блока и способствовать формированию более многополярной и справедливой глобальной финансовой системы. Развитие инвестиционного сотрудничества БРИКС обладает потенциалом стать дополнительным катализатором структурных изменений в системе, в том числе через диверсификацию источников финансирования, развития внутренних рынков капитала, дедолларизации при расширении возможностей осуществления инвестиций в национальных валютах.

Ключевые слова: БРИКС, мировая финансовая архитектура, инвестиционные потоки, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), портфельные инвестиции, инвестиционное сотрудничество.

JEL коды: F02, F21, F33.

Введение

Мировая экономика находится в фазе глубоких трансформаций, сопровождающихся стремлением ряда крупных развивающихся стран реформировать глобальную финансовую архитектуру. Ключевую позицию в этом процессе занимает объединение БРИКС, которое продвигает идею более справедливого и многополярного мироустройства, снижения доминирования доллара США в международных расчетах и расширения роли развивающихся

¹ Охотский Александр Игоревич — аспирант кафедры мировой экономики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

экономик в глобальных процессах. Участники БРИКС инициируют создание альтернативных финансовых структур, наращивают практику расчетов в национальных валютах и укрепляют экономическое взаимодействие.

Анализ инвестиционной активности внутри БРИКС приобретает особую актуальность, так как он отражает не только текущее положение в экономиках, но и их потенциальное влияние на глобальные финансовые процессы. Укрепление инвестиционных связей между странами БРИКС способно дать импульс углублению экономической интеграции с передачей технологий и созданием рабочих мест, формированием новых цепочек добавленной стоимости, расширением локальных финансовых рынков и смещением фокуса с традиционных финансовых центров на динамично развивающиеся регионы.

Целью данного исследования служит комплексный анализ динамики и структуры инвестиций в БРИКС, а также оценка их влияния на глобальные финансовые процессы и препятствия на пути становления организации как крупного финансового и инвестиционного центра. Кроме того, на основе исследования озвучиваются варианты совершенствования стратегий развития БРИКС, способствующих углублению инвестиционного сотрудничества и, таким образом, реализации потенциала объединения в рамках реформирования глобальной финансовой системы.

Результаты исследования

Активное участие стран, входящих в БРИКС, в движении мировых потоков капитала началось еще с конца XX в. и было обусловлено проводимыми экономическими реформами, способствующими открытию рынков и созданию благоприятных инвестиционных климатов. Каждая страна реализовала собственный путь развития, обусловленный социальными, политическими и экономическими факторами (Охотский, 2025; Соловьёва, 2015). В результате, с 2000 г. страны БРИКС продемонстрировали значительный, хотя и неравномерный, рост потоков прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) (рис. 1).

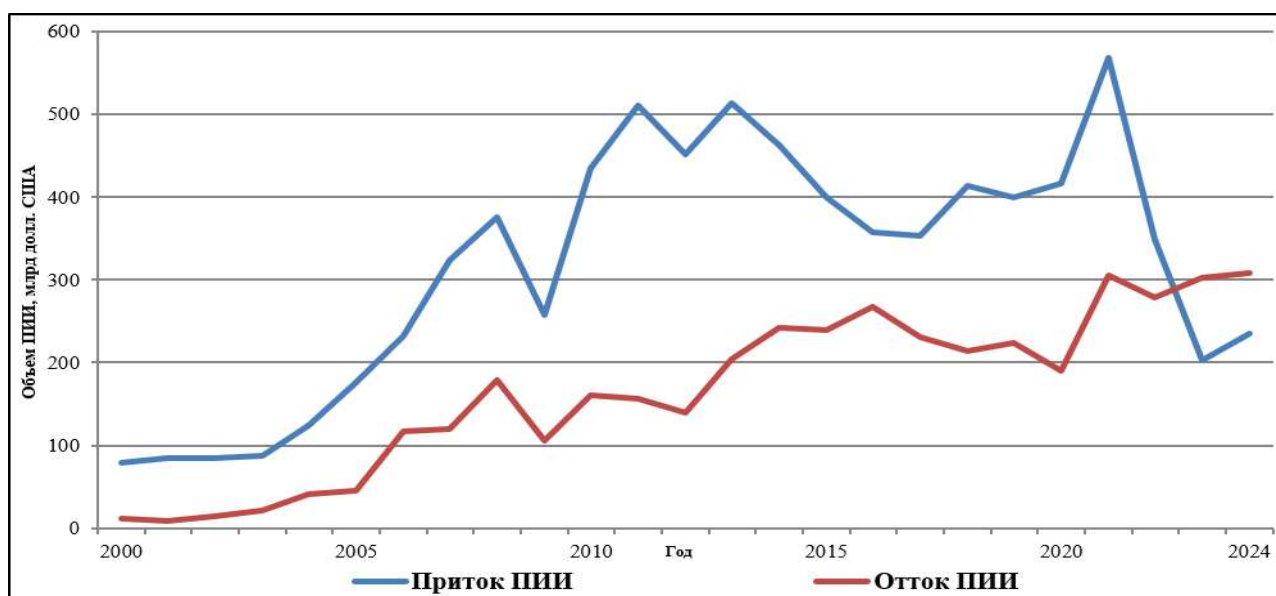

Рис. 1. Чистый приток и отток ПИИ в БРИКС в 2000–2024 гг., млрд долл.

Источник: составлено автором по: World Bank.

Объем чистого притока ПИИ стран объединения увеличился за исследуемый период в 3 раза (с 79 млрд долл. в 2000 г. до 235 млрд долл. в 2024 г.), тогда как чистого оттока — в 27 раз (с 12 млрд долл. в 2000 г. до 308 млрд долл. в 2024 г.). Одновременно выросла и их доля в глобальных потоках ПИИ (как по притоку, так и по оттоку — с 5% до 15% и с 1% до 18% соответственно за тот же период). Данная тенденция свидетельствует о фундаментальной трансформации развивающихся рынков БРИКС, которые становятся не только ключевыми направлениями для глобальных инвесторов, но и значительными источниками инвестиционных потоков на мировой арене.

Отраслевая структура ПИИ в БРИКС разнообразна и отражает их экономический профиль, ресурсный потенциал и стратегические приоритеты. Ключевые сектора, привлекающие инвестиции, включают энергетику, металлургию, телекоммуникации, сельское хозяйство и другие отрасли.

Стоит отметить, что наиболее интенсивный рост ПИИ пришелся на 2000-е гг., в то время как в 2010-е гг. их динамика обуславливалась комплексом внешних и внутренних факторов в том числе общей стагнацией глобальной инвестиционной среды (Авдокушин, Жариков, 2024). Тем не менее, даже в условиях ограничений БРИКС демонстрировали опережающие среднемировые темпы роста в сфере международной миграции капитала, а их доля в глобальных потоках ПИИ продолжала увеличиваться. Однако в период с 2021 по 2023 гг. чистый приток ПИИ в БРИКС сократился в 2,8 раз, что было связано с ограничениями инвестиций в Россию и Китай, а также формирования тренда на реглобализацию, сопровождающегося переориентацией инвестиционных стратегий.

Анализ динамики потоков ПИИ в странах БРИКС и «Большой семерки» (далее — G7) демонстрирует постепенное сокращение разрыва между группами (рис. 2). Так, в 2000 г. объем притока ПИИ в БРИКС составлял 9% от показателя G7, а объем оттока — 1% от уровня G7. К 2021 г. данные показатели выросли до 61% и 26% соответственно. Стоит отметить, что, как и в БРИКС, в G7 в 2020-е гг. наблюдается снижение инвестиционной активности. Иными словами, темпы роста объемов капиталовложений (как внутренних, так и иностранных) в этих странах сократился. Одной из причин появления этой тенденции в БРИКС стало замедление деловой активности в Китае, начавшееся в 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19*, а затем и нарастанием внутренних противоречий и дисбалансов (Русакович, 2023), и эта ситуация на протяжении ряда лет сдерживала миграцию капитала как с участием этой страны, так и других государств-участников БРИКС. В то же время, кроме глобальной пандемии, которая нанесла мощный удар по инвестиционной активности в мире в целом, можно выделить такие факторы, как геополитическая нестабильность и углубление китайско-американской «торговой войны» (Шкваря, 2025), антироссийские санкции и в целом рост протекционистских настроений в мире. Конфликты, санкционные угрозы и общая напряженность в мире делают бизнес-среду непредсказуемой, что нарушает и дестабилизирует инвестиционные процессы. В частности, введение высоких пошлин администрацией США (и даже угроз их введения) нарушает глобальные цепочки создания стоимости и транспортно-логистические пути и заставляет компании сворачивать инвестиционные проекты. Высокие процентные ставки также служат серьезным препятствием. Так, из-за высокой инфляции в G7 поднимали ставки, что сделало кредиты дорогими. Это «остудило» как инвестиции бизнеса, так и государственные расходы.

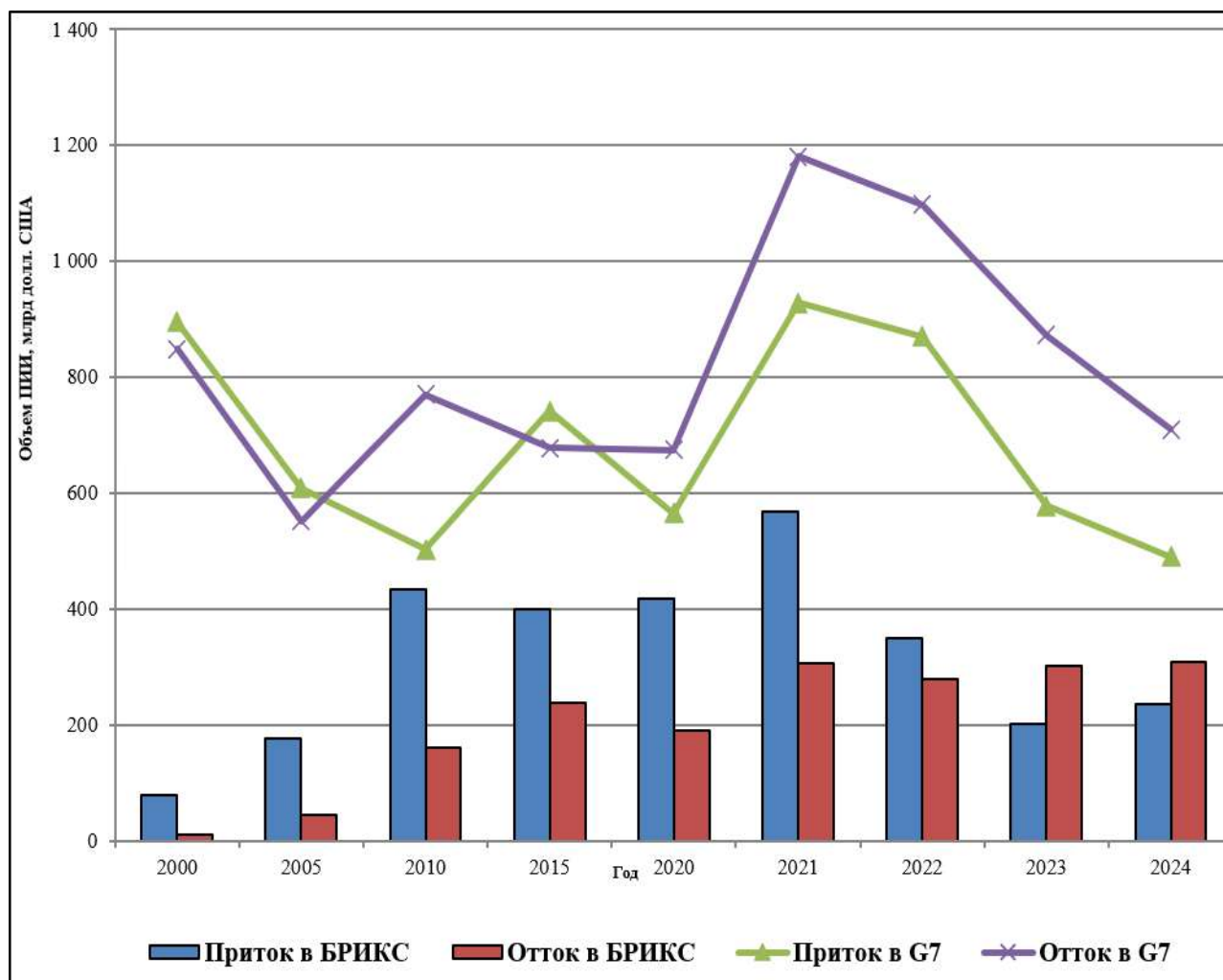

Рис. 2. Чистый приток и отток ПИИ в БРИКС и G7 в 2000–2024 гг., млрд долл.

Источник: составлено автором по: World Bank.

Таким образом, в 2020-е гг. мир вступил в фазу «инвестиционной паузы». И богатые страны Запада, и гигантские развивающиеся экономики БРИКС столкнулись с общими вызовами, которые снизили их инвестиционную активность. И даже рост торговли внутри БРИКС (Русакович, 2014) не ведет к активизации инвестиционной деятельности.

Среди членов БРИКС на протяжении 2000–2020 гг. Китай выступал основным направлением ПИИ, аккумулируя от 50% до 60% совокупного притока иностранного капитала в объединение, что характеризует ключевую роль государства как драйвера инвестиционного роста БРИКС (табл. 1). Однако в 2022–2024 гг. на фоне растущей геополитической нестабильности и увеличения производственных и операционных издержек, а также нарастания внутрикитайских экономических проблем, объемы поступлений ПИИ в Поднебесную сократились в 1,5 раза — до 19 млрд долл. В результате это способствовало перераспределению инвестиционных потоков в пользу других стран БРИКС. В последние годы существенный приток ПИИ демонстрируют Бразилия (на долю которой приходится порядка 32% притока в БРИКС), ОАЭ (19%), Индия (12%) и Индонезия (10%), что связано с их богатыми природными запасами, стремлением к диверсификации, наличию множества специальных экономических зон и работе государственных инвестиционных программ.

Таблица 1.

Чистый приток и отток ПИИ в БРИКС в 2000–2024 гг. по странам–членам, млрд долл.

Год	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Приток ПИИ						
Бразилия	33,0	15,5	82,4	64,7	38,3	74,1
Египет	1,2	5,4	6,4	6,9	5,9	46,6
ОАЭ	-0,5	10,9	8,8	8,6	19,9	45,6
Индонезия	-4,6	8,3	15,3	19,8	19,2	24,3
Индия	3,6	7,3	27,4	44,0	64,4	27,1
Китай	42,1	104,1	243,7	242,5	253,1	18,6
Эфиопия	0,1	0,3	0,3	2,6	2,4	4,0
ЮАР	1,0	6,5	3,7	1,5	3,2	2,3
Иран	0,0	2,9	3,7	2,1	1,3	1,5
Россия	2,7	15,5	43,2	6,9	9,5	-9,4
БРИКС, всего	78,7	176,6	434,8	399,5	417,0	234,7
Отток ПИИ						
Китай	4,6	13,7	58,0	174,4	153,7	172,2
ОАЭ	0,4	3,8	2,0	16,7	18,9	77,2
Бразилия	2,5	2,9	26,8	3,1	-3,5	26,3
Индия	0,5	2,6	16,0	7,5	11,1	24,3
Индонезия	-	3,1	4,2	9,1	5,0	8,4
Египет	0,1	0,1	1,2	0,2	0,3	0,5
Иран	0,0	0,4	0,2	0,1	0,1	0,1
ЮАР	0,3	0,9	-0,2	5,5	-1,9	-1,3
Россия	3,2	17,9	52,6	22,1	5,9	-0,2
БРИКС, всего	11,6	45,4	160,8	238,7	189,7	307,6

Источник: составлено автором по: World Bank.

Стоит отметить рекордный приток ПИИ в Египет в 2024 г., составивший 47 млрд долл., что было обусловлено крупной сделкой с ОАЭ в рамках проекта в регионе Рас-эль-Хикма на 35 млрд долл. Эфиопия и Иран, в свою очередь, уступают по объемам инвестиций ввиду социально-политических факторов и международных санкций, однако активно стремятся модернизировать экономики.

Среди БРИКС крупнейшим экспортером капитала остается Китай, инвестируя за рубеж от 150 до 225 млрд долл. ежегодно. Китай вкладывается в строительство инфраструктуры, добычу полезных ископаемых и энергетику Африки и Латинской Америки, автомобильные и полупроводниковые сектора в Юго-Восточной Азии и Европе, металлургию и горнодобывающую промышленность в Азии (Соколан, 2023). Таким образом, Китай обеспечивает развитие инфраструктуры в странах–партнерах, обеспечивает собственную ресурсную и технологическую безопасность, диверсифицирует партнеров и укрепляет свои геополитические позиции в ключевых регионах через экономические проекты.

Основной объем как входящих, так и исходящих инвестиций приходится на такого партнера КНР, как Гонконг, 99% потоков с которым сформировано Китаем (рис. 3; рис. 4).

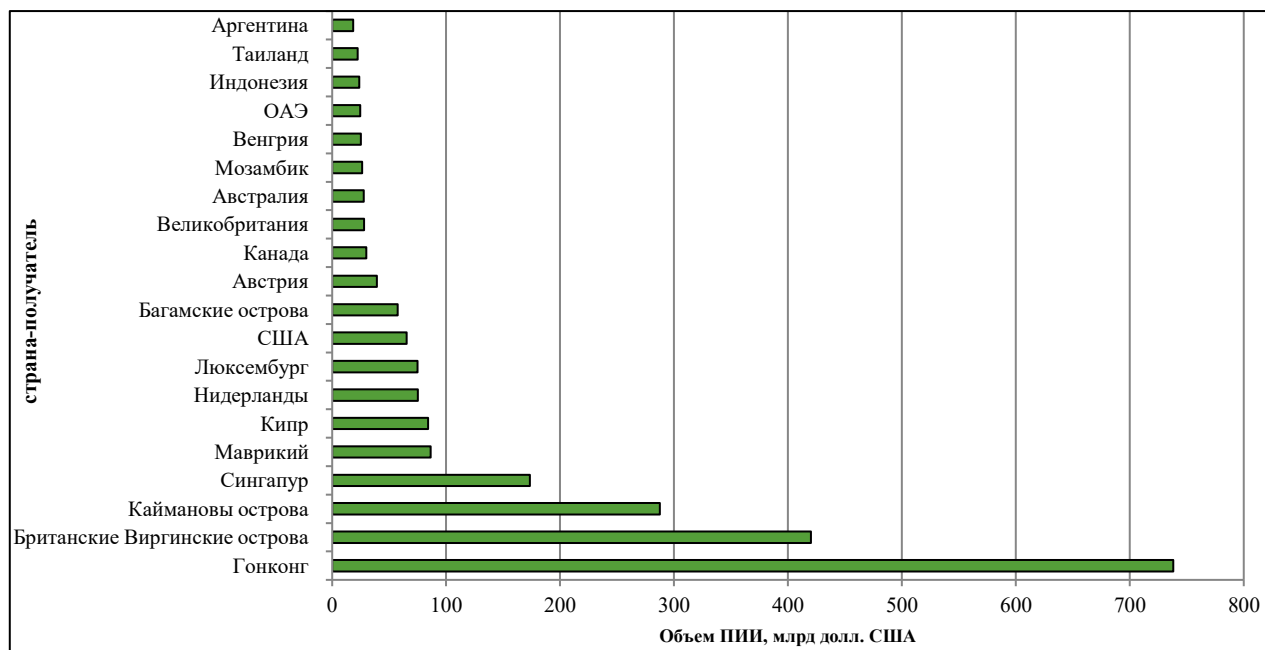

Рис. 3. Страны–получатели ПИИ из БРИКС в 2024 г., млрд долл.

Источник: составлено автором по: IMF.

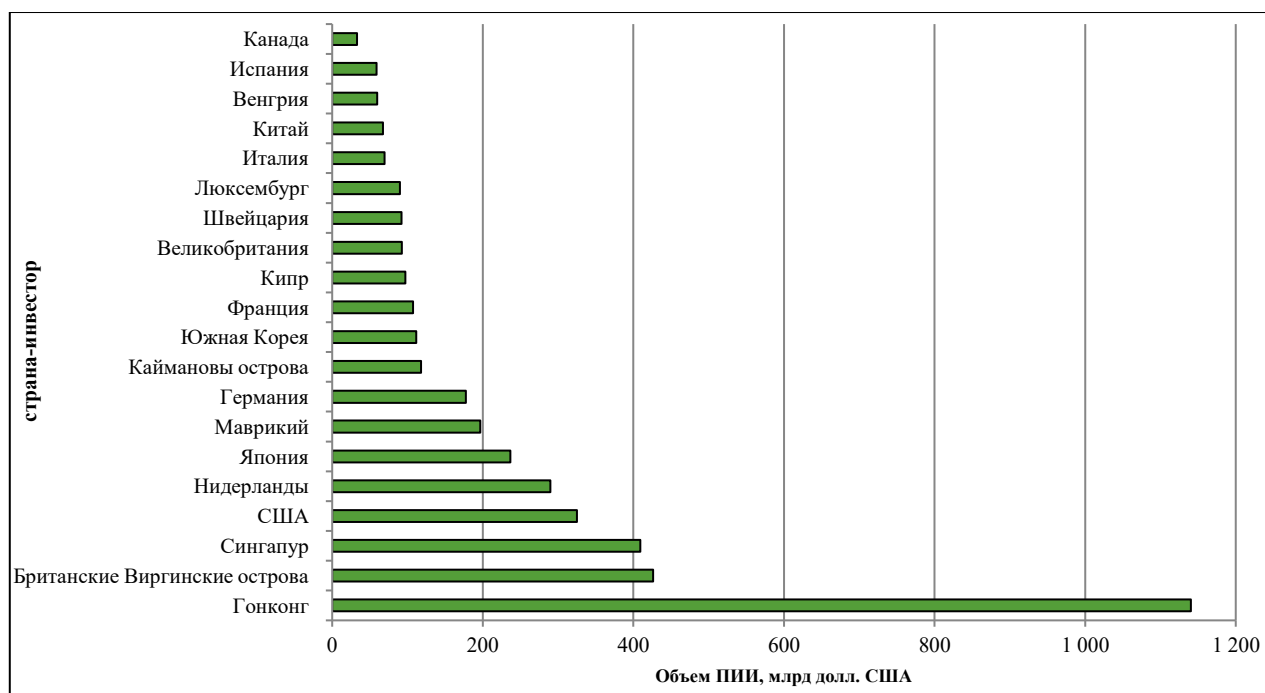

Рис. 4. Страны–инвесторы ПИИ в БРИКС в 2024 г., млрд долл.

Источник: составлено автором по: IMF.

Важную роль в источниках и направлениях инвестиций БРИКС сохраняют международные финансовые центры такие, как Япония, Нидерланды, Швейцария и др. При этом существенные суммы ПИИ БРИКС проходят через офшорные юрисдикции, такие как

Кипр, Виргинские и Каймановы острова и др., что связано с установленными в них выгодными налоговыми режимами и возможностями оптимизации финансовых потоков.

Говоря об инвестиционных процессах внутри БРИКС, в 2010–2020-е гг. наблюдалась устойчивая динамика их развития (рис. 5).

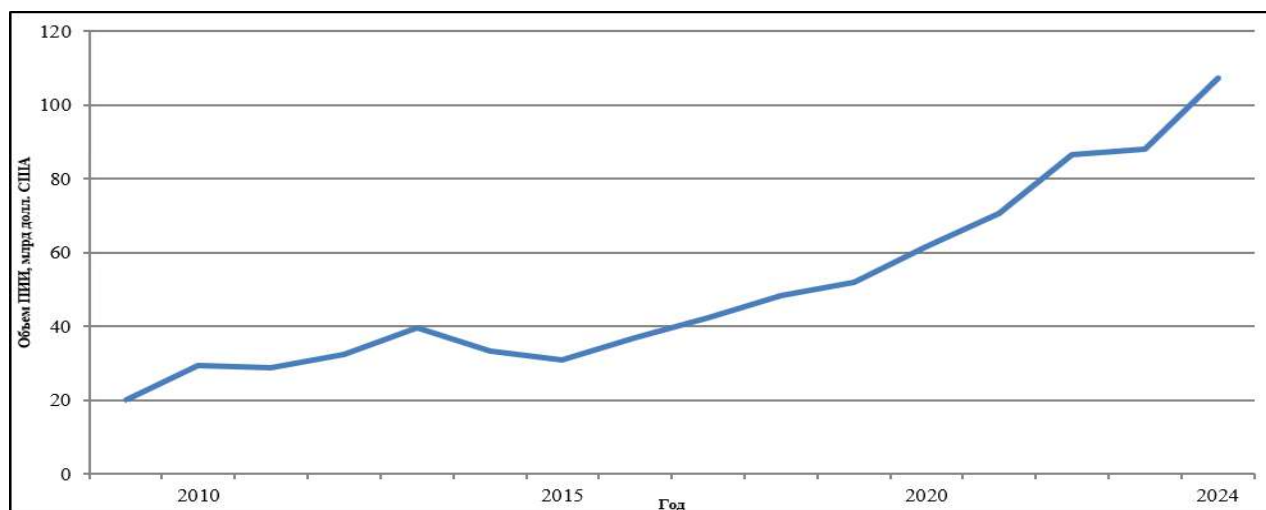

Рис. 5. Совокупный объем ПИИ между странами БРИКС в 2009–2024 гг., млрд долл. Источник: составлено автором по: IMF.

Так, в 2024 г. объем внутригрупповых потоков ПИИ достиг 107 млрд долл. (рост в 3 раза за 10 лет). Однако взаимные инвестиции остаются не самым приоритетным направлением вложений — в 2024 г. в структуре источников ПИИ на страны-партнеры по объединению приходится всего 5,7%, а в структуре направлений — 3,1%. При этом сравнительный анализ динамики за предшествующие периоды показывает, что в 2014 г. соответствующие показатели оттока и притока составляли 1,3% и 3,4%, а в 2019 г. — 1,6% и 3,6% соответственно, что свидетельствует о постепенном росте относительного уровня внутригрупповых вложений в рамках объединения. Дополнительно следует отметить, что значительная часть инвестиционных потоков БРИКС направляется через офшорные финансовые центры и, следовательно, реальный объем взаимных инвестиций между членами может быть недооценен.

Основными инвесторами остаются Китай, который вложил в страны БРИКС в 2024 г. порядка 67,5 млрд долл. (63% ПИИ в БРИКС), а также ОАЭ (15 млрд долл., или 14%) и Индия (14 млрд долл., или 13% ПИИ) (рис. 6). Главными получателями ПИИ в 2024 г. стали ОАЭ (25 млрд долл., или 23%), Индонезия (24 млрд долл., или 22%), Россия (16 млрд долл., или 15%) и Индия (16 млрд долл., или 15%). При этом странами, которые наиболее активно наращивали инвестиции в партнеров по БРИКС, оказались Бразилия (средний ежегодный прирост в 2019–2024 гг. составил 113%), Индия (24%), ОАЭ (22%) и Китай (17%), а лидерами по приросту притока выступают Индия (31%), Россия (28%) и Индонезия (25%).

В экономиках БРИКС ряд отраслей оказались главными бенефициарами инвестиционного сотрудничества — производство энергоносителей, средств связи и коммуникационного оборудования, автомобилестроение, металлургия, строительство и др. Инвестиции между членами блока реализуются в разных формах — от создания предприятий «с нуля» (как, например, китайский проект солнечной энергии *Redstone Concentrated Solar*

Thermal Power в ЮАР), и совместных предприятий (проект по разработке аккумуляторов для электромобилей китайского *CATL* и индонезийских *PT Aneka Tambang* и *PT Industri Baterai Indonesia*) до сделок по слиянию и поглощению (приобретение компанией *AD Ports Group* из ОАЭ бразильского оператора терминалов *Corredor Logística e Infraestrutura*).

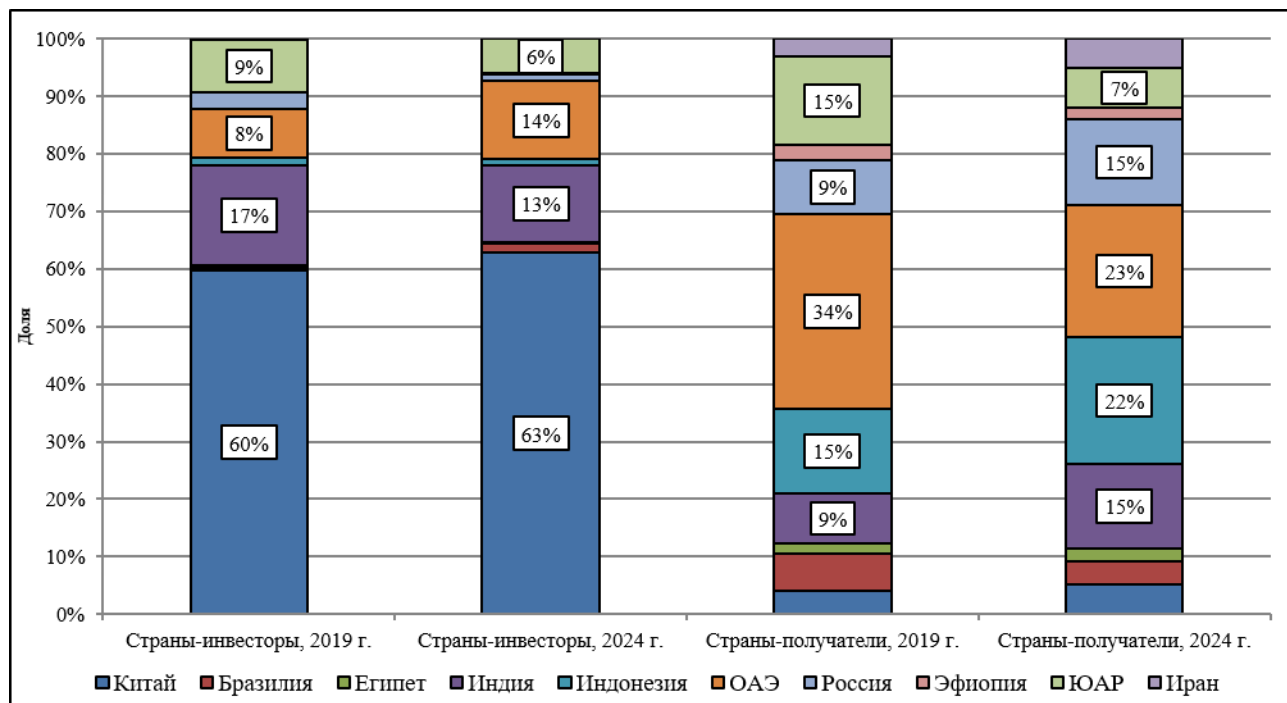

Рис 6. Структура взаимных ПИИ между странами БРИКС в 2009–2024 гг., %.

Источник: составлено автором по: IMF.

Положительная динамика отмечается в БРИКС и по показателям портфельных инвестиций (рис. 7).

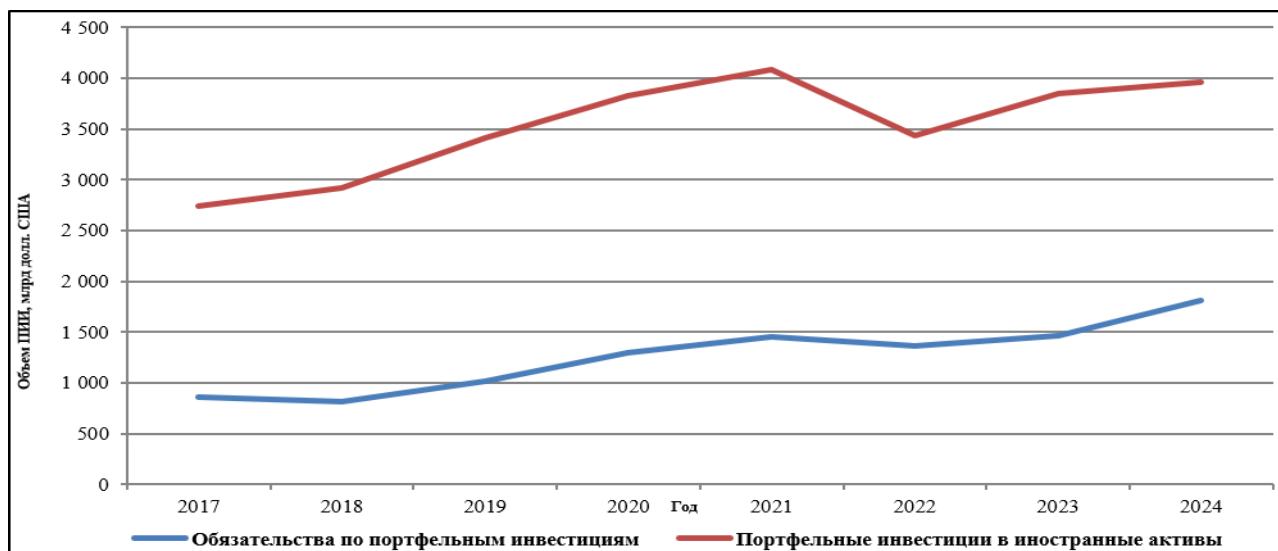

Рис 7. Чистый приток и отток портфельных инвестиций в БРИКС в 2017–2024 гг., млрд долл.

долл.

Источник: составлено автором по: IMF.

Как видно из представленных статистических данных, в 2024 г. совокупный объем привлеченных иностранных портфельных инвестиций в БРИКС достиг порядка 4 трлн долл., что на 16% больше показателя 2019 г. Параллельно наблюдается расширение масштабов инвестиционной активности национальных инвесторов из БРИКС — в 2024 г. объемы вложений в активы на мировом рынке составили около 2 трлн долл., увеличившись с 2019 г. на 16%. Таким образом, можно отметить возрастающую интеграцию БРИКС в глобальные финансовые потоки. Главной страной в объединении по объемам как входящих, так и исходящих портфельных инвестиций оставался КНР, показатели которого достигают 2 трлн долл. в год.

Примечательно, что основная часть как входящих, так и исходящих потоков портфельных инвестиций связана с партнерами из развитых стран Европы и США, что подчеркивает сохраняющуюся зависимость объединения от глобальных финансовых центров. В то же время внутригрупповые инвестиционные связи остаются сравнительно незначительными. Так, совокупный объем портфельных инвестиций внутри БРИКС составляет 19 млрд долл., что соответствует лишь 0,9% объема вложений национальных инвесторов в иностранные активы и 0,5% иностранных инвестиций в национальные активы. Подобный низкий уровень взаимного инвестирования указывает на недостаточную развитость финансовых связей внутри объединения и слабую кооперацию между участниками в сфере портфельных вложений, а также наличие технических проблем их сотрудничества в финансовой сфере. Более того, показатели исходящих и входящих инвестиций БРИКС в 12 и 20 раз соответственно уступают *G7*, что отражает сохраняющееся доминирование развитых экономик в глобальных финансовых потоках и указывает на необходимость целенаправленных усилий со стороны БРИКС по укреплению взаимных инвестиционных связей.

Тем не менее, на основе положительной динамики инвестиционных потоков между странами БРИКС можно ожидать дальнейшего увеличения инвестиций в рамках объединения. Данный тренд будет подкрепляться рядом факторов, в том числе расширением внутрирегиональной торговли (рис. 8), что создает новые возможности для инвестиций в производственные мощности, логистику и другие сферы, связанные с обслуживанием растущих торговых потоков.

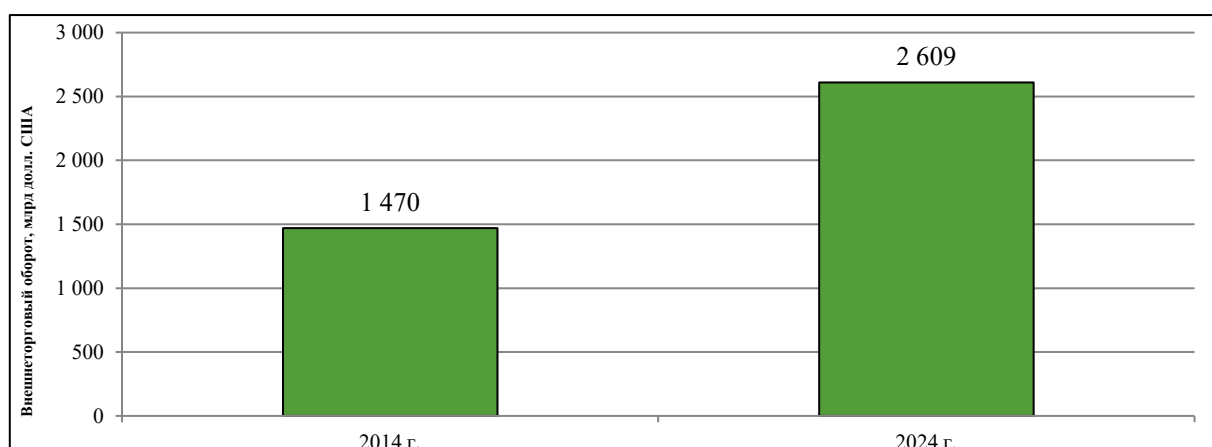

Рис. 8. Внешнеторговый оборот между странами БРИКС в 2014 и 2024 гг., млрд долл.
Источник: составлено автором по: UNCTADstat.

Укрепление инвестиционного сотрудничества в рамках БРИКС способно оказать комплексное положительное влияние как на развитие самих стран-участниц, так и на трансформацию глобальной финансовой архитектуры. С одной стороны, активизация инвестиционных процессов ведет к диверсификации инвестиционных потоков и источников финансирования, стимулирует развитие и повышение капитализации фондовых рынков БРИКС, а также усиливает региональную экономическую интеграцию, что, в свою очередь, формирует более тесную и устойчивую экономическую экосистему внутри объединения (Андрианов, 2025; Андропова, 2017), снижая влияние внешних негативных факторов и угроз. Открываются дополнительные возможности для обмена технологиями и практиками, что в долгосрочной перспективе способствует росту производительности, повышению конкурентоспособности и наращиванию инновационного потенциала экономик (Маглинова и др., 2025; Соловьёва, Шкваря, 2012).

С другой стороны, наращивание инвестиционных потоков в рамках БРИКС актуализирует необходимость становления новых финансовых инструментов и платформ, способных эффективно обслуживать расширяющееся сотрудничество, так как на сегодня их развитие явно недостаточно. Внедрение таких решений, как система для трансграничных платежей и клиринговых механизмов, позволит минимизировать валютные риски и сократить транзакционные издержки, предлагая жизнеспособную альтернативу традиционной системе *SWIFT* и тем самым повышая автономность объединения в сфере международных расчетов. Рост инвестиций, сопровождаемый увеличением товарооборота в БРИКС, закономерно порождает потребность в построении соответствующей платежной и расчетной инфраструктуры, создавая благоприятные условия расширения использования национальных валют в трансграничных операциях, что повысит их ликвидность и укрепит к ним доверие (Зуев и др., 2024; Федотова, Дворникова, 2024). Постепенная интернационализация национальных валют стран БРИКС может в перспективе снизить доминирование доллара в мировой финансовой системе и сделать международные расчеты более многополярными.

Кроме того, уже существующие альтернативные финансовые механизмы БРИКС такие, как Новый банк развития (НБР) и Пул условных валютных резервов (ПУВР), служат инструментами снижения зависимости от западных финансовых институтов, и приток инвестиций может усилить их потенциал и расширить сферу влияния (Сенюк, 2025; Костин и др., 2025). Так, повышение инвестиций в страны-члены НБР поспособствует экономической стабильности и платежеспособности, расширяя их участие в проектах Банка в роли заемщиков или соинвесторов и увеличивая портфель проектов НБР. Фирмы, привлекающие инвестиции из БРИКС, выступают более надежными партнерами для инфраструктурных инициатив, финансируемых Банком. Кроме того, экономический рост, подпитываемый внешними вложениями, повысит способность государства вносить более весомый вклад в ПУВР, тем самым расширяя его ресурсную базу.

Тем не менее, инвестиционное взаимодействие в рамках БРИКС сталкивается с рядом сложностей, сдерживающих его развитие. Сохраняющиеся различия в социально-экономическом уровне, политических системах, стратегических целях и режимах инвестирования осложняют согласование совместных действий и снижают эффективность реализации совместных проектов. Экономические связи внутри объединения пока уступают по показателям *G7*. Дополнительными барьерами становятся бюрократические препятствия и различия в регуляторных системах, среди которых правовые и административные нормы, требования к инвесторам, механизмы защиты капиталовложений (Ярыгина, Герасимов, 2024).

Невысокие кредитные рейтинги и слабые институциональные условия, отражающиеся в международных оценках, влияют на стоимость привлечения финансирования и поведение глобальных инвесторов (табл. 2).

Таблица 2.

Позиции БРИКС в международных рейтингах в 2025 г., ед. (место)

Страна	Кредитный рейтинг <i>S&P</i>	Индекс глобальной конкурентоспособности	Глобальный инновационный индекс	Индекс восприятия коррупции
Бразилия	<i>BB</i>	46,4 (54)	32,9 (52)	35 (107)
Россия	<i>NR</i>	–	30,3 (60)	22 (157)
Индия	<i>BBB</i>	64,2 (38)	38,2 (38)	39 (91)
Китай	<i>A+</i>	82,1 (16)	56,6 (10)	43 (76)
ЮАР	<i>BB</i>	42 (59)	30,1 (61)	41 (81)
Египет	<i>B</i>	–	24,7 (86)	30 (130)
Индонезия	<i>BBB</i>	64,3 (37)	31,3 (55)	34 (109)
Иран	–	–	28,5 (70)	23 (153)
ОАЭ	<i>AA</i>	96,1 (5)	44,2 (30)	69 (21)
Эфиопия	<i>SD</i>	–	14,4 (134)	38 (96)

Источник: составлено автором по: TradingEconomics; IMD; WIPO; Transparency International.

Для повышения инвестиционной привлекательности БРИКС и укрепления сотрудничества необходимо принимать меры по улучшению делового климата и эффективности институтов, в том числе расширяя доступ на рынки, снижая бюрократическую нагрузку, обеспечивая надежную защиту прав инвесторов, содействуя развитию инфраструктуры и фондовых рынков и пр. Развитие децентрализованной инфраструктуры депозитарного учета и расчетов в рамках БРИКС в виде разрабатываемых *BRICS Bridge* и *BRCS Clear* также может способствовать взаимным инвестициям за счет сокращения транзакционных издержек и повышения ликвидности, в связи с чем необходимо обеспечение эффективной работы данных платформ и усиление их имиджа на мировой арене.

Значимым решением может выступить разработка многосторонней инвестиционной конвенции БРИКС, которая установит стремление к гармонизации регуляторных рамок, закрепляя единые принципы инвестирования, правовой статус инвесторов, стандарты защиты их прав, прозрачные механизмы урегулирования споров. Помимо этого, может быть предложено использование Делового совета БРИКС как площадки для выявления и устранения препятствий в инвестиционных связях. Совет может способствовать формированию рабочих групп по поддержке инвестиций и координации усилий в приоритетных отраслях, а также содействовать развитию механизмов государственно-частного партнерства между членами.

Более того, НБР также располагает значительными возможностями для стимулирования инвестиционных процессов, прежде всего через механизмы снижения рисков. Предоставление гарантий по проектам и участие НБР в их капитале сделает вложения в странах БРИКС более выгодными. При этом важно учитывать, что масштабные инвестиции могут влиять на динамику валютных курсов и, как следствие, на экспортную конкурентоспособность. В таких случаях инструменты ПУВР могут выступить для

сглаживания колебаний и минимизации негативных последствий. Наличие подобного страхового механизма повысит доверие инвесторов к экономикам стран–реципиентов, дополнительно стимулируя инвестиционную активность. Однако для полноценной реализации потенциала ПУВР требуется преодолеть ряд ограничений, среди которых технические сложности во взаимодействии центральных банков, отсутствие специализированного надзорного подразделения, а также тот факт, что на текущий момент ПУВР не задействован в практической работе, и для повышения его эффективности может потребоваться расширение ресурсной базы.

Заключение

Положительная динамика БРИКС в сфере потоков иностранных прямых и портфельных инвестиций как на внутригрупповом, так и на мировом уровне отражают растущую экономическую мощь объединения. Рост масштабов инвестиционных потоков способствует развитию экономик и их конкурентоспособности, ведет к созданию рабочих мест, открывает доступ к технологиям и знаниям. Вместе с тем наблюдается определенный дисбаланс в потоках, связанный с тем, что Китай выступает крупнейшим получателем и инвестором в БРИКС. Однако расширение состава открывает новые перспективы для инвестиционных потоков. Так, членство ОАЭ, характеризующихся благоприятным бизнес-климатом, привело к их вхождению в список лидеров БРИКС по объемам инвестиций.

Текущие инвестиционные показатели БРИКС в настоящее время уступают развитым государствам, а доля взаимных инвестиций внутри БРИКС остается ниже, чем с третьими странами. Более того, факторами, сдерживающими инвестиционный потенциал БРИКС — как в сотрудничестве внутри объединения, так и в укреплении позиций на мировой арене в качестве финансовых центров — остаются несовершенство институциональной среды, проблемы в отдельных социально-экономических областях, различия в регуляторных основах, политические и санкционные риски и пр. Данные барьеры влияют на стоимость привлечения капитала и формируют осторожное отношение международных инвесторов к проектам в объединении.

Вместе с тем БРИКС выражают стремление к реформированию глобальной финансовой архитектуры. Развитие инвестиционного сотрудничества обладает потенциалом стать дополнительным катализатором структурных изменений в системе, в том числе через диверсификацию источников финансирования, развития внутренних рынков капитала, дедолларизации при расширении возможностей осуществления инвестиций в национальных валютах. Реализация данного потенциала требует преодоления внутренних барьеров, углубления координации, эффективной реализации альтернативных финансовых механизмов и платежных систем, а также расширения инструментария финансовых институтов БРИКС.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф., Жариков М. В. (2024) Страны БРИКС в современной мировой экономике : монография. М.: ИНФРА–М. [Avdokushin E. F. Zharikov M. V. (2024) The BRICS countries in the modern world economy : a monograph. Moscow: INFRA–M. (In Russian).]
2. Андрианов В. Д. (2025) Создание новой мировой валютной системы: роль стран БРИКС+ // Международный бизнес. № 2 (12). С. 43–66. [Andrianov V. D. (2025) Creating a new

Global monetary system: the role of the BRICS+ countries // International Business. No. 2 (12). Pp. 43–66. (In Russian).]

3. Андропова Н. Э. (2017) Страны БРИКС в мировой финансовой и экономической архитектуре в XXI в. // Экономика и предпринимательство. № 1 (78). С. 1047–1051. [Andronova N. E. (2017) BRICS countries in the global financial and economic architecture in the 21st century // Economics and Entrepreneurship. No. 1 (78). Pp. 1047–1051. (In Russian).]

4. Зуев В. Н., Островская Е. Я., Грибанова Д. М., Горшколепов К. А. (2024) Дихотомия торговли и инвестиций в БРИКС // Международная жизнь. № Специальный выпуск. С. 112–127. [Zuev V. N., Ostrovskaya E. Ya., Gribanova D. M., Gorshkolepov K. A. (2024) The dichotomy of trade and investment in BRICS // International Life. No. Special issue. Pp. 112–127. (In Russian).]

5. Костин К. Б., Малевич Ю. В., Анисимова Я. А. (2025) Развитие международных инвестиционных соглашений в странах БРИКС в период экономической нестабильности // Экономика, предпринимательство и право. № 3. С. 2175–2188. [Kostin K. B., Malevich Yu. V., Anisimova Ya. A. (2025) The development of international investment agreements in the BRICS countries during the period of economic instability // EP. No. 3. Pp. 2175–2188. (In Russian).]

6. Маглинова Т. Г., Манакова М. В., Паршин Д. С. (2025) Инвестиционный потенциал БРИКС // Вектор экономики. № 6 (108). [Maglinova T. G., Manakova M. V., Parshin D. S. (2025) The investment potential of BRICS // Vector of Economics. No. 6 (108). (In Russian).]

7. Охотский А. И. (2025) Факторы и способы формирования БРИКС как нового мирового финансового центра // Россия и Азия. № 3 (33). С. 39–49. [Okhotskiy A. I. (2025) Factors and ways of forming BRICS as a new global financial center // Russia and Asia. No. 3 (33). Pp. 39–49. (In Russian).]

8. Русакович В. И. (2014) Возможности и ограничения развития внешней торговли стран БРИКС / В сборнике: БРИКС: сотрудничество в целях развития. материалы IV Международной научной конференции. Национальный комитет по исследованию БРИКС; Российский университет дружбы народов. С. 85–98. [Rusakovich V. I. (2014) Opportunities and limitations of the BRICS countries' foreign trade development / In the collection: BRICS: cooperation for development. proceedings of the IV International Scientific Conference. National Committee for BRICS Research; Peoples' Friendship University of Russia. Pp. 85–98. (In Russian).]

9. Русакович В. И. (2023) Стремительный рост китайской экономики и накопление структурных противоречий: возможно ли восстановление? // Россия и Азия. № 4 (26). С. 6–18. [Rusakovich V. I. (2023) The rapid growth of the Chinese economy and the accumulation of structural contradictions: is recovery possible? // Russia and Asia. No. 4 (26). Pp. 6–18. (In Russian).]

10. Сенюк Н. Ю. (2025) БРИКС как глобальный институциональный вызов и создатель новой системы международной торговли и инвестиций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. № 4. С. 5–30. [Senyuk N. Y. (2025) BRICS as a global institutional challenge and creator of a new system of international trade and investment // Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 9. Oriental and African Studies. No. 4. Pp. 5–30. (In Russian).]

11. Соколан Д. С. (2023) Инвестиционная деятельность Китая в странах БРИКС // Геоэкономика энергетики. Т. 24. № 4. С. 6–22. [Sokolan D. S. (2023) China's investment activity in the BRICS countries // Geoeconomics of Energy, vol. 24, No. 4, Pp. 6–22. (In Russian).]

12. Соловьева Ю. В. (2015) Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // Экономический журнал. № 4(40). С. 85–96. [Solovieva Yu. V. (2015) Technology

transfer in the BRICS countries: problems and prospects // Economic Journal. No. 4 (40). Pp. 85–96. (In Russian).]

13. Соловьёва Ю. В., Шкваря Л. В. (2012) Научные и бизнес-коммуникации как ключевой фактор экономической интеграции. Москва. [Solovieva Yu. V., Shkvarya L. V. (2012) Scientific and business communications as a key factor of economic integration. Moscow. (In Russian).]

14. Федотова А. В., Дворникова Ю. В. (2024) Финансовая интеграция стран БРИКС: текущая инфраструктура, риски и возможности будущего развития совместных платежей // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12–1. С. 136–141. [Fedotova A. V., Dvornikova Yu. V. (2024) Financial integration of the BRICS countries: current infrastructure, risks and opportunities for future development of joint payments // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. No. 12–1. Pp. 136–141. (In Russian).]

15. Шкваря Л. В. (2025) Торговая война Трампа: каковы перспективы для мировой экономики и торговли? // Вопросы новой экономики. № 2 (74). С. 4–14. [Shkvarya L. V. (2025) Trump's trade war: what are the prospects for the global economy and trade? // Issues of the new economy. No. 2 (74). Pp. 4–14. (In Russian).]

16. Ярыгина И. З., Герасимов В. И. (ред.) (2024) БРИКС в мировых финансах и экономике. М.: МГИМО. [Yarygina I. Z., Gerasimov V. I. (ed.) (2024) BRICS in Global Finance and Economics. Moscow: MGIMO. (In Russian).]

17. IMF. URL: <https://data.imf.org>

18. TradingEconomics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/rating>

19. Transparency International. URL: <https://www.transparency.am/en/cpi>

20. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre>

21. WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html>

22. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

BRICS investment cooperation: dynamics, growth opportunities, and impact on the global financial architecture

Alexander I. Okhotskiy

Postgraduate Student of the Department of World Economy,

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russia.

The article analyzes the current financial situation of the BRICS countries, including both intra-group and external investment flows, taking into account the expansion of the country composition of the association and its impact on the redistribution of capital. The purpose of this article is to analyze the current state and prospects of BRICS investment cooperation, identify key factors that stimulate and restrain the investment potential of the association, and assess its role in the transformation of the global financial architecture. The article shows that the growth of investment flows contributes to the development of economies and their competitiveness, leads to job creation, opens up access to technology and knowledge. At the same time, there is a certain imbalance in investment flows in the BRICS, due to the fact that China is the largest recipient and investor in

the association. The current investment performance of the BRICS is inferior to that of developed countries, and the share of mutual investments within the BRICS remains lower than with third countries. Nevertheless, the article concludes that, despite the low relative performance of the BRICS, strengthening investment ties can become a catalyst for structural change, increase the global competitiveness of the bloc and contribute to the formation of a more multipolar and equitable global financial system. The development of BRICS investment cooperation has the potential to become an additional catalyst for structural changes in the system, including through the diversification of sources of financing, the development of domestic capital markets, and de-dollarization while expanding investment opportunities in national currencies.

Keywords: BRICS, global financial architecture, investment flows, foreign direct investment (FDI), portfolio investments, investment cooperation.

JEL codes: F02, F21, F33.

Статья поступила в редакцию 20.06.2026.

Основные тренды развития международного туризма: взгляд географа¹

Родионова Ирина Александровна²

Международный туризм остается одним из крупнейших, и при этом растущих, сегментов мировой экономики, оказывающих все более заметное влияние на страновые и глобальную хозяйственные системы. В докладе представлены данные о росте в мире прибытий как тенденции, хотя показатель этот значительно дифференцирован как по регионам, так и по отдельным странам. Обращает на себя внимание высокая зависимость динамики туристического сектора от общеэкономической ситуации в мире и в отдельных странах, а также от состояния туристической индустрии. При этом национальные экономики ряда стран напрямую зависят от результатов деятельности сектора туристической индустрии (доходов от международного туризма), которые сохраняют тенденцию к росту. Показана сохраняющаяся географическая дифференциация международного туризма с точки зрения различий количества туристических прибытий по регионам и странам мира и доходов от туризма при сохранении тенденции к расширению международных туристических направлений — регионов и стран. Представлены факторы конкурентоспособности стран и регионов мира на мировом рынке туристических услуг, где тесно переплетены интересы населения, культуры, транспорта, безопасности, гостиничного бизнеса и т. д. Появляются новые тренды в развитии туристической отрасли, но геополитическое влияние на сферу международного туризма остается одним из основополагающих факторов. Автор приходит к выводу о том, что Российской Федерации, обладающей значительными туристическими и рекреационными ресурсами, важно активнее включаться в систему международного туризма с точки зрения активизации диверсификации национальной экономики.

Ключевые слова: международный туризм, международные туристические прибытия, туристическая индустрия, региональная дифференциация туризма, география туризма, туристические направления, мировой рынок туристических услуг.

JEL коды: L 83, M 29.

Международный туризм приобретает все более широкое распространение в мире как социально-экономическое и географическое явление и как отрасль мировой экономики и национальных хозяйств, в нее интегрирующихся (Нагиев, Байрамов, 2024). Эксперты подчеркивают, что «Туризм — это экономическое, социальное и политическое явление, значимо влияющее на мироустройство и экономику многих стран и регионов. Значение туризма в мировом хозяйстве постоянно растет, что связано с ростом влияния этой сферы

¹ Доклад на XI Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма», Крым. Ялта. 21–2 мая 2026 г.

² Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, независимый эксперт, Москва, Россия.

деятельности на экономику многих стран мира, где она выполняет ряд важных функций» (Волков, Трубачева, 2014. С. 314).

Международный туризм пережил за свою послевоенную историю множество метаморфоз, но в XXI веке он все же демонстрирует уверенный рост. Прежде всего, обращает на себя внимание положительная динамика международного туризма, выраженная в количестве прибытий в мире в целом (табл. 1).

Таблица 1.

Количество международных туристических прибытий в 1950–2025 гг.
и прогноз до 2030 г.

	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2019	2020	2025	2030
Количество человек	25	69	166	277	435	669	1,0	1,5	410	1,5	1,8
	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млрд	млн	млрд	млрд

Источник: World Tourism Organization (UN Tourism).

<https://www.untourism.int/ru/news/international-tourism-up-2-in-q1-2026-amid-growing-uncertainty>

Как видно из табл. 1, в 1950–1970-е гг. каждое десятилетие происходило удваивание количества туристов, затем динамика роста несколько снизилась. В 2019 г. количество международных прибытий достигло 1,5 млрд человек, и в 2020 г. в связи с глобальной пандемией этот показатель продемонстрировал резкое падение по сравнению с предыдущим годом, более чем на 2/3 по количеству прибытий, при соответствующем сокращении рабочих мест и инвестиций в отрасли. Так, Испания, Греция, Мальта, Кипр и др. претерпели сокращение доходов свыше 70%. В Германии, Польше, Чехии, Венгрии, Италии, Румынии, Португалии и др. странах Европы данный показатель варьировался от 30 до 70% (Леонидова, 2021). И это негативное воздействие пандемии сохранялось еще на протяжении нескольких лет — при общей динамике отрасли к восстановлению (рис. 1).

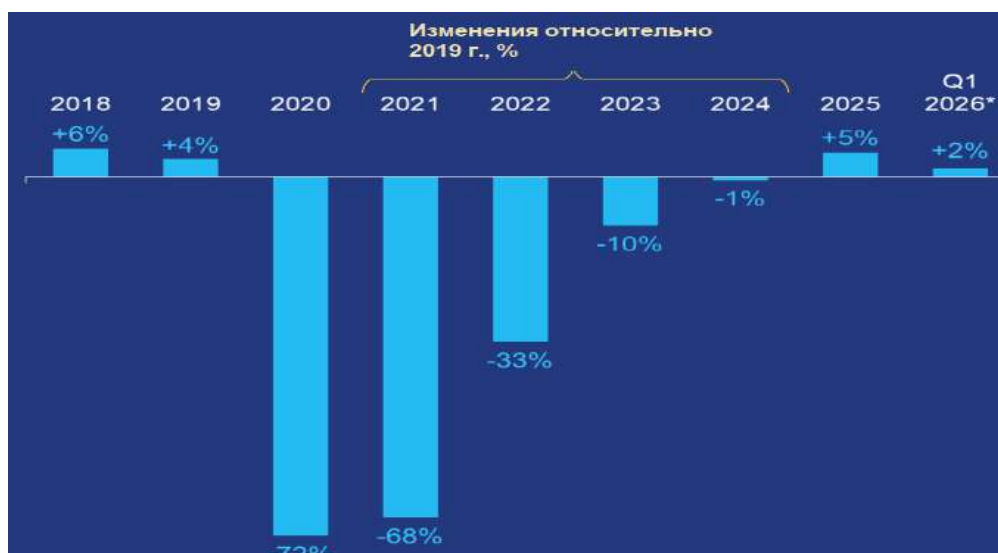

Рис. 1. Число международных туристических прибытий в 2018–2026 гг., % изменения (год к году).

Примечание: * 1-й квартал 2026 г. оценка.

Источник: World Tourism Barometer, 2025.

В то же время в странах ОЭСР около 40% всех ночевек приходится всего на 3 месяца в году, а 47% — на 10 регионов (OECD Tourism Trends and Policies, 2026). Это создает колоссальную нагрузку на инфраструктуру и зачастую вызывает конфликты с местными жителями из-за воздействия туризма на окружающую среду и некоторые виды бизнеса, например рыболовство.

Число международных прибытий в мире в 2025 г. составило 1,52 млрд чел. (примерно 219 тыс. международных прибытий в день). Международные доходы от туризма в мире достигли 1,9 трлн долларов (Общий объем экспортных доходов от туризма, включающий эти поступления и доходы от пассажирских перевозок за 2025 г., достиг рекордной отметки в 2,2 трлн долларов). Согласно данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, в 2025 г. общий вклад сектора в мировой ВВП составил 11,7 трлн долларов, что эквивалентно 10,3% глобального ВВП — абсолютный максимум за всю историю наблюдений. Предполагается, что в 2026 г. вклад международного туризма в мировой ВВП составит 3,2%, или 12 трлн долларов, увеличившись более чем на 2% относительно предыдущего года (International tourism, 2026).

Однако не все регионы мира вносят равный вклад в этот процесс, так как сложилась, и даже укрепляется, значительная дифференциация по уровню развития международного туризма и привлекательности тех или иных регионов, стран и городов для путешественников (рис. 2).

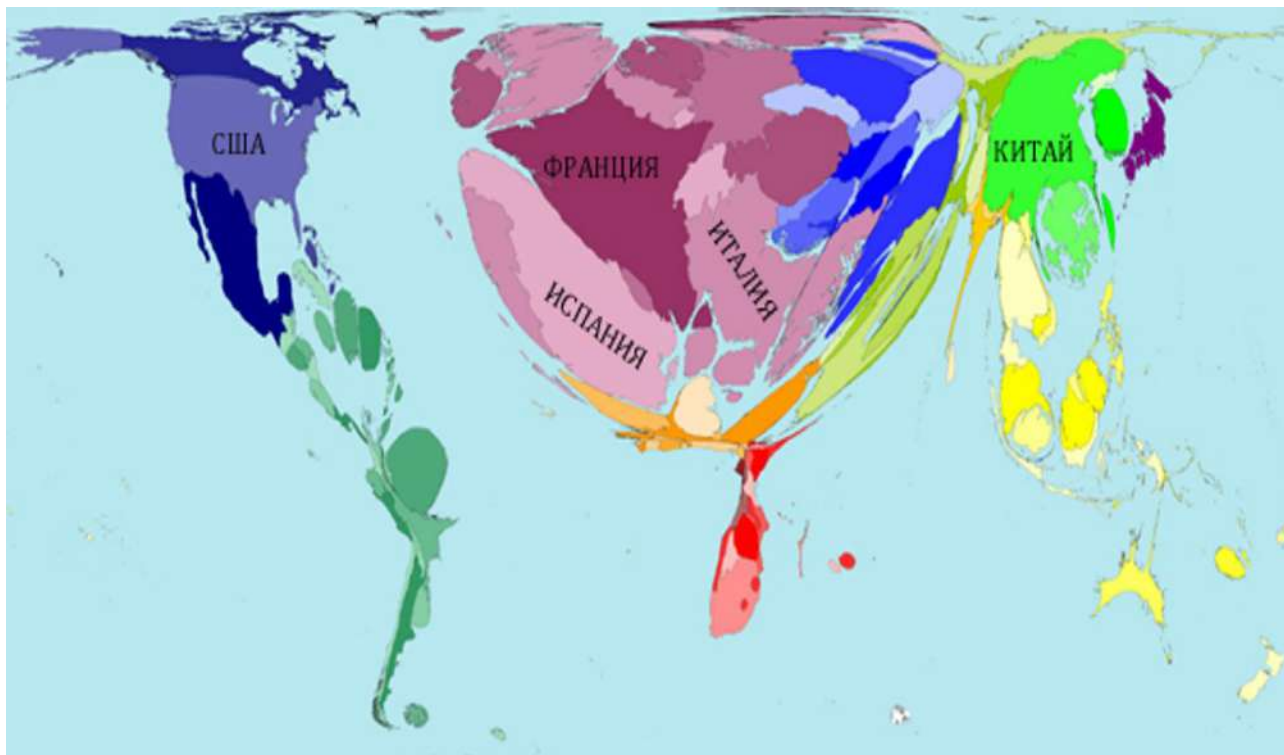

Рис. 2. Карта–анаморфоза: Прибытие туристов в страны мира в 2025 г., млн человек. Размер территории показывает пропорцию мировых международных туристических поездок.

Источник: <https://travelask.ru/system/images/files/001/256/783/wysiwyg/0028-028-Anamorfoza-mezhdunarodnykh-turisticheskikh-poezdok.jpg?1547668994>

Так, традиционными направлениями в международном туризме традиционно остаются страны Европы, прежде всего Франция, Италия, Испания. При этом конкурентоспособность

отдельных туристических дестинаций имеет тенденцию к изменению, например, постепенно растет интерес к Китаю как туристическому направлению, а также к другим странам с развивающимися рынками (Rakhimov, 2024). Эта тенденция, по-видимому, сохранится в перспективе до 2030 г. (рис. 3) из-за изменения конкурентоспособности туристической индустрии в различных регионах мира (Граур, Титова, 2022) и состояния комбинации присущих им факторов, влияющих на состояние и развитие международного туризма, в том числе геополитическое положение и инфляцию.

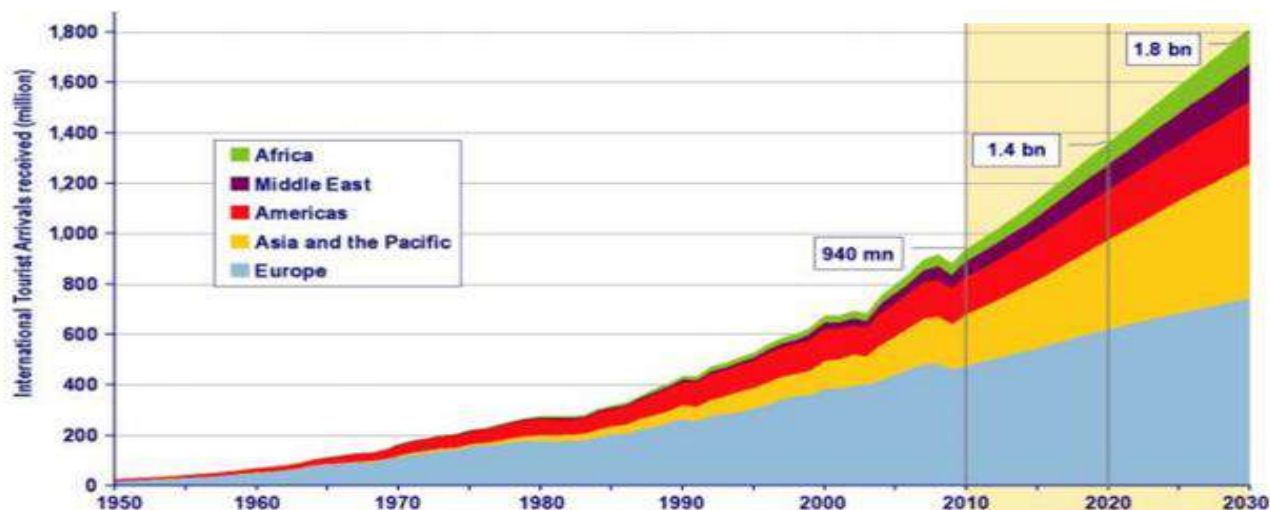

Рис. 3. Динамика роста туристских прибытий по регионам мира (прогноз до 2030 г.).
Источник: World Tourism Barometer : November 2025.

Драйверами роста международного туризма могут стать различные крупные (мирового или регионального уровня) события — культурные, спортивные и др. Например, чемпионат мира по футболу в 2026 г. стал самым посещаемым, а США в связи с этим событием ожидали притока «...более 10 млн иностранных туристов. Это принесет 30 млрд долларов в экономику США и создаст 200 тысяч рабочих мест для американцев» (США ожидают, 2026). Соответственно, доходы от туризма также дифференцированы по регионам (рис. 4).

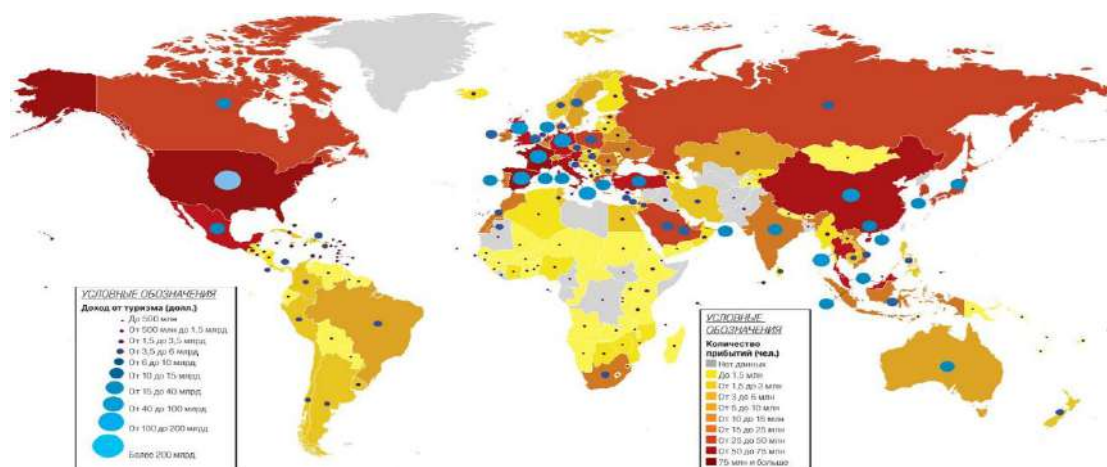

Рис. 4. Международный туризм (прибытия и доходы от туризма).
Источник: World Tourism Barometer : November 2025.

В то же время для повышения уровня конкурентоспособности туристической индустрии, который весьма дифференцирован по регионам мира (рис. 5), и достижения прогнозного роста индустрии туризма к 2030 г. эксперты обосновывают необходимость трансформации отрасли, и с этим можно согласиться (Воскресенский, 2021).

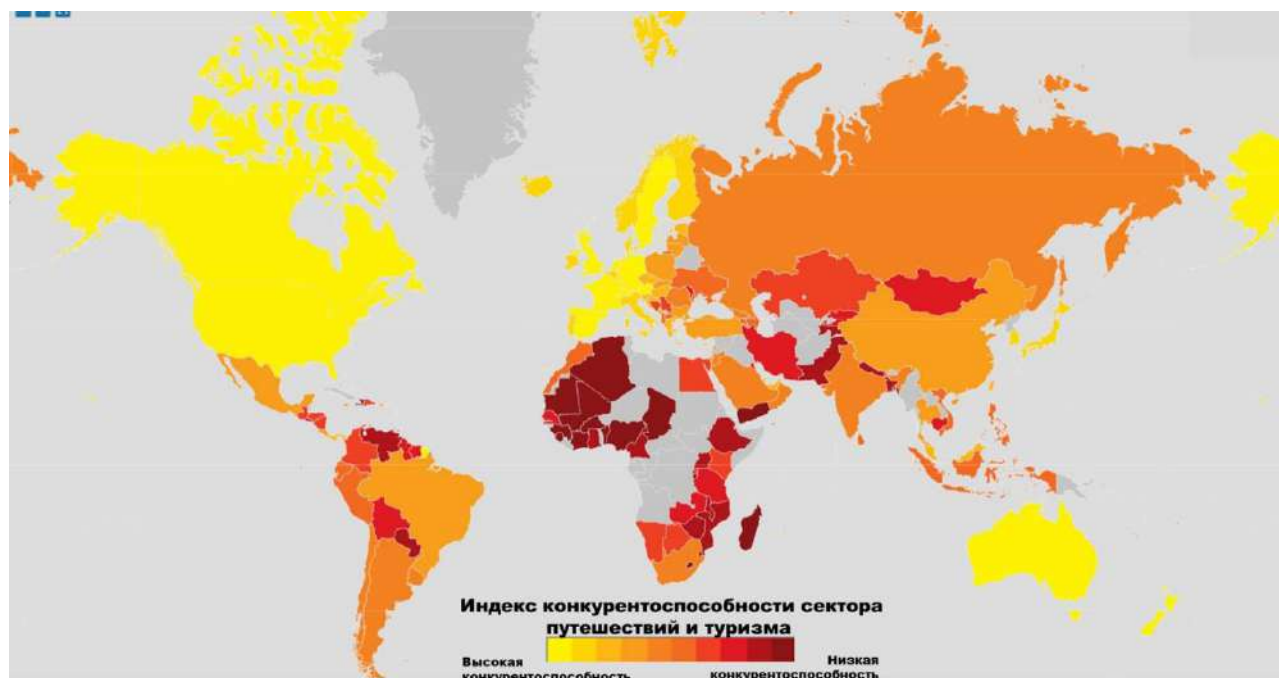

Рис. 5. Индекс конкурентоспособности в сфере международного туризма.

Источник: World Tourism Barometer : November 2025.

Индекс развития сферы путешествий и туризма (TTDI) публикуется раз в 2 года Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), и оценивает страны по нескольким основным субиндексам: нормативно-правовая база, деловая среда и инфраструктура, а также человеческие, культурные и природные ресурсы (всего 17 показателей развития сферы путешествий и туризма — *Travel & Tourism — T&T*). А. Благоприятная среда: 1. Деловая среда; 2. Безопасность; 3. Здоровье и гигиена; 4. Человеческие ресурсы и рынок труда; 5. Готовность к ИКТ. В. Политика *T&T* и благоприятные условия: 6. Приоритетность *T&T*; 7. Открытость для *T&T*; 8. Ценовая конкурентоспособность. С. Инфраструктура и услуги: 9. Инфраструктура воздушного транспорта; 10. Наземная и портовая инфраструктура; 11. Туристические услуги и инфраструктура. D. Ресурсы *T&T*: 12. Природные ресурсы; 13. Культурные ресурсы; 14. Ресурсы, не связанные с досугом. Е. Устойчивость сферы путешествий и туризма (*T&T*): 15. Экологическая устойчивость; 16. Социально-экономическое воздействие; 17. Устойчивость спроса на *T&T*. Топ–10 стран с наивысшими баллами (2024): Япония (5,25), США (5,20), Испания (5,15), Франция (5,12), Германия (5,06), Швейцария (5,02), Австралия (5,00), Великобритания (4,97), Сингапур (4,96) (The Travel & Tourism Development Index, 2024).

Для сохранения и повышения конкурентоспособности в сфере *T&T*, в частности, важно шире применять в отрасли цифровые возможности, и не только в гостиничном бизнесе и транспортной сфере. Некоторые авторы отмечают появление новых трендов и видов развития туризма, например, «музыкальный туризм», «агенты влияния», скайвэй (*skyways*), умный консьерж, «облегченный» бизнес-класс (Граур, Моисеева, 2023), которые важно учитывать в

формировании и моделировании туристических направлений. Важным направлением повышения конкурентоспособности в сфере международного туризма, по оценкам экспертов, станут инвестиции: «США сохраняют за собой позицию крупнейшего в мире рынка инвестиций в туризм с объемом в 245 млрд долларов, в то время как Китай занимает 2-е место с 175 млрд долларов. Ожидается, что к 2036 г. Китай превзойдет США, увеличив свои ежегодные инвестиции в туризм до 402 млрд долларов. В Индии прогнозируется, что инвестиции в туризм будут расти в среднем на 7,9% в год до 2036 г., достигнув 116 млрд долларов» (Мировой туризм, 2026). Кроме того, «В предстоящий период успех туристических направлений будет определяться не только количеством принимаемых туристов, но и экономической ценностью, которую они создают благодаря туризму, расходами посетителей, продолжительностью туристического сезона в течение года, диверсификацией рынков сбыта, доступностью и инвестиционным потенциалом» (Мировой туризм, 2026).

Также важно учитывать то обстоятельство, что туризм — ресурсоемкая отрасль, и ответом на это становится «регенеративный туризм» — подход, при котором путешествия не просто минимизируют вред экологии, включая голубую экономику, а активно способствуют восстановлению экосистем и поддержке местных сообществ. Например, в Индонезии с 1 апреля 2026 г. правительство ограничило количество посещений туристами Национального парка Комодо (1000 туристов в день и, соответственно, около 360 тыс. в год). В 2025 г. регион посетили 429 509 человек, из которых 68% составили иностранные туристы, что превысило расчетную пропускную способность Национального парка Комодо (Ministry of Forestry, 2026).

Рис. 6. Туристы на острове Падар, в районе национального парка Комодо (Теннесси) в Западной Манггарай, провинция Восточная Нуса Тенггара (NTT).

Источник: Komodo National Park, 2026.

Причиной такого решения Министерства леса стала экологическая перегрузка, которая ведет к деградации экосистемы, изменения поведения драконов Комодо и ухудшению состояния коралловых рифов (Komodo National Park, 2026).

Стоит отметить, что в некоторых странах ЕС также устанавливаются ограничения на посещения туристов. Например, в Венеции власти с 2021 г. запретили заход крупных круизных лайнеров и грузовых судов в Венецианскую лагуну (Венеция в 1987 г. включена в Список Всемирного наследия человечества), чтобы защитить ее хрупкую экосистему и исторический центр от деградации и разрушений — крупные суда создают высокую волновую нагрузку, подмывающую фундамент сооружений, а также загрязняют акваторию (В Венецианскую лагуну, 2021). Кроме того, в Италии вводятся экологические ограничения и в других популярных туристических местах и парках. Например, в Национальном парке Чинкве-Терре для управления потоками туристов (около 3 млн в год) вводятся меры, включающие организацию одностороннего движения по тропам для безопасности и снижения нагрузки на экосистему, а Национальный парк Стельвио проводит мониторинг с помощью 76 счетчиков, чтобы определить предельно допустимую нагрузку на различные зоны и маршруты (Tourist flows, 2026).

А что же Российская Федерация? Наша страна обладает богатыми туристическими ресурсами в ее различных регионах, включая экологические, туристические, исторические и другие аспекты (рис. 7, 8).

Рис. 7. Камчатка (Российская Федерация).

Источник: фото автора.

Опыт нашей страны в международном туризме в последние годы — это история активного восстановления и переориентации на новые рынки.

Основные характеристики российской туристической отрасли за 2025 г. (Д. Чернышенко, 2026):

- Число въездных турпоездов в 2025 г. по сравнению с 2024 г. выросло на 13% — это порядка 5,8 млн иностранных туристов;
- Число турпоездов по стране превысило показатели на 4,1% (92 млн поездок);

Рис. 8. «Здесь начинается Россия».

Источник: Интернет

- Доля туризма в ВВП составила 3,1%, объем экспорта туруслуг — 8,75 млрд долларов, что почти на 20% больше показателя 2024 г. Количество классифицированных номеров — более 1 млн.

- Регионами-лидерами роста по количеству турпоездов за 2025 г. стали Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Тверская область, Москва, Владимирская область. По динамике турпоездов — Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Чукотский автономный округ, Тверская область, Еврейская автономная область.

- За январь–февраль 2026 г. рост въездного туризма составил 37,5%. Число турпоездов по стране за 2 месяца увеличилось на 2,6% в сравнении с 2025 г.

- Перед отраслью поставлена задача к 2030 г. увеличить въездной турпоток до 16 млн человек.

Если резюмировать вышеизложенное, то можно говорить о том, что XXI в. сделал туризм более массовым, но и вместе с тем более требовательным — к безопасности, устойчивости и глубине впечатлений. Если смотреть на цифры, то въездной поток растет, но пока еще далек от поставленных страной амбициозных целей.

Что касается новых рынков въездного туризма в Российскую Федерацию в 2025 г., то они представлены на рис. 9.

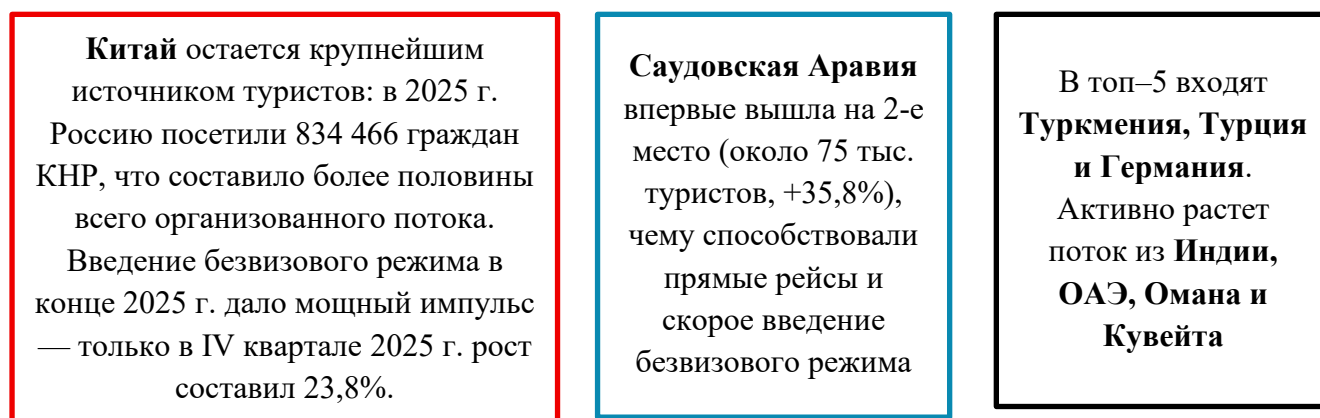

Рис. 9. Основные страны въездного туризма в Российскую Федерацию в 2025 г.

Источник: составлено автором по данным: Въездной турпоток в Россию, 2026; Russia expects, 2026; Турэксперт Горин, 2026).

В российской туристической отрасли сохраняется ряд барьеров и ограничений, из которых важнейшими, как представляется, остаются 3 (рис. 10). Они до настоящего времени сдерживают рост въездного внутреннего туризма, что остается проблемой для отечественной отрасли, требующей своего решения.

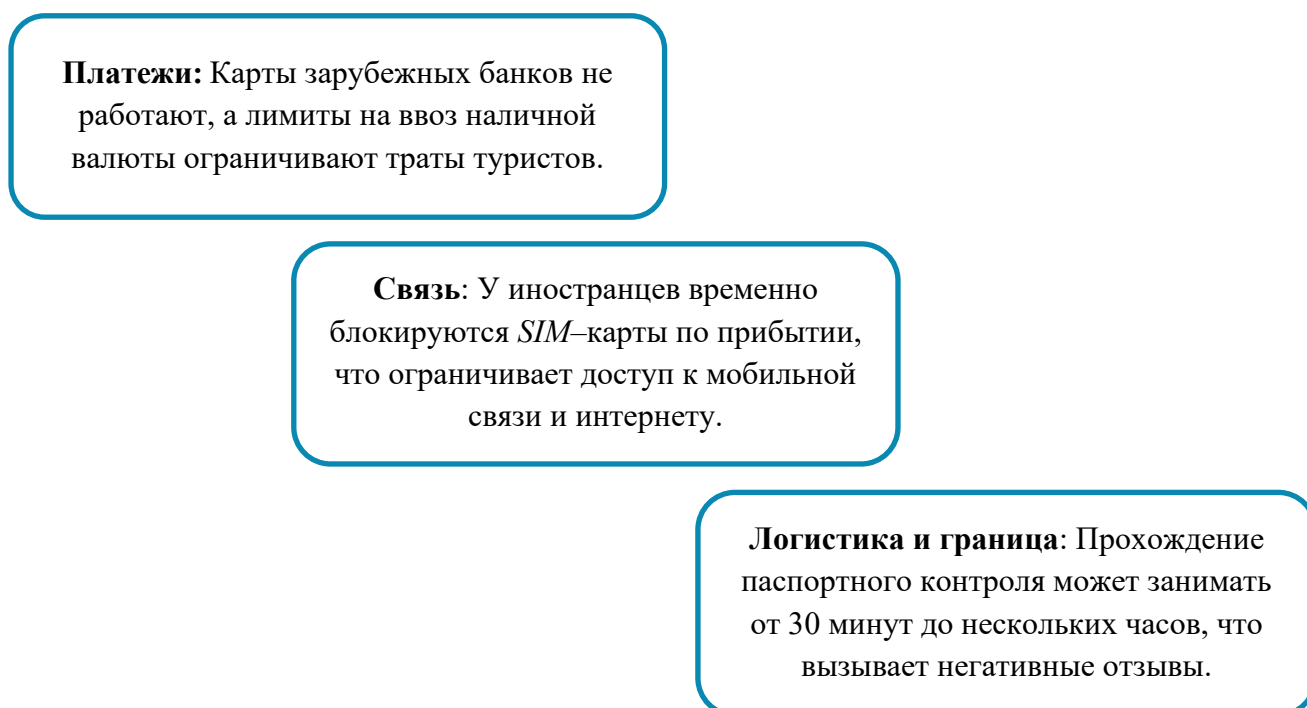

Рис. 10. Ключевые барьеры, сдерживающие (ограничивающие) рост въездного туризма в Российской Федерации.

Источник: разработано автором.

Решение этих вопросов, наряду с дальнейшим упрощением визового режима (переговоры ведутся с Малайзией, Бахрейном, Кувейтом, Индией), рассматриваются как ключ

к достижению целевых показателей развития туризма в Российской Федерации. Российской Федерации, обладающей значительными туристическими и рекреационными ресурсами, важно активнее включаться в систему международного туризма с точки зрения активизации диверсификации национальной экономики.

Список литературы

1. В Венецианскую лагуну больше не будут заходить круизные лайнеры (2021) [Cruise ships will no longer enter the Venetian Lagoon (2021) (In Russian).] URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_venecianskuyu_lagunu_bolshe_ne_budut_zahodit_kruiznye_lainery-1750705
2. Волков С. К., Трубачева О. И. Факторы развития международного туризма в условиях глобализации / Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. Международная конференция SCIENCE ONLINE XXIII: информационные ресурсы, сервисы и аналитические системы для науки и образования. Сочи, Красная Поляна, 26 сентября – 3 октября. С. 314–318. [Volkov S. K., Trubacheva O. I. Factors of development of international tourism in the context of globalization / Actual directions of scientific research of the XXI century: theory and practice. International Conference SCIENCE ONLINE XXIII: information resources, services and analytical systems for science and education. Sochi, Krasnaya Polyana, September 26 – October 3. Pp. 314–318. (In Russian).]
3. Воскресенский В. Ю. (2021) Современные тенденции в международном туризме // Российский внешнеэкономический вестник. № 6. С. 33–39. [Voskresenskiy V. Yu. (2021) Modern trends in international tourism // Russian Foreign Economic Bulletin, No. 6. Pp. 33–39. (In Russian).]
4. Въездной турпоток в Россию в 2025 году вырос на 15% (2026) [The inbound tourist flow to Russia increased by 15% in 2025 (2026) (In Russian).] URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2026/02/27/1179414-vezdnoi-turpotok-v-rossiyu-v-2025-godu-viros-na-15?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch#1
5. Граур В. Ю., Моисеева И. И. (2023) Международный туризм: оценка текущего состояния и тенденции развития // Инновационная экономика и право. No 4 (27). С. 104–110. [Graur V. Yu., Moiseeva I. I. (2023) International tourism: assessment of the current status and development trends // Innovative economy and environment. No. 4 (27). Pp. 104–110. (In Russian).] DOI: 10.53015/2782-263X 202341 04.
6. Граур В. Ю., Титова О. В. (2022) Оценка и перспективы развития международного туризма в регионе // Инновационная экономика и право. № 3 (22). С. 22–28. [Graur V. Yu., Titova O. V. (2022) Assessment and prospects for the development of international tourism in the region // Innovative economics and law. No. 3 (22). Pp. 22–28. (In Russian).] DOI: 10.53015/2782-263X_2022_3_22
7. Д. Чернышенко: число въездных турпоездок в 2025 году выросло на 13%. (2026) [D. Chernyshenko: the number of inbound tourist trips increased by 13% in 2025 (2026) (In Russian).] URL: www.akm.ru/news/d_chernyshenko_chislo_vezdnykh_turpoezdok_v_2025_godu_vyroslo_na_13/?sphrase_id=913019

8. Долгова Е. Г., Казимирова И. С., Кузнецова Ю. А., Николаева Е. А. (2021) К вопросу развития глобальных (транснациональных) университетов в проекции перспектив и рисков развития высшего образования в Российской Федерации // Экономические науки. № 195. С. 49–52. [Dolgova E. G., Kazimirova I. S., Kuznetsova Yu. A., Nikolaeva E. A. (2021) On the issue of the development of global (transnational) universities in the projection of the prospects and risks of the development of higher education in the Russian Federation // Economic sciences. No. 195. Pp. 49–52. (In Russian).]
9. Интернет [The Internet (In Russian).] URL: <https://static.tildacdn.com/tild3635-6562-4563-b437-306539323233/1.jpg>
10. Леонидова Е. Г. (2021) Оценка влияния пандемии *COVID-19* на туристский сектор региона // Проблемы развития территории. Т. 25. № 5. С. 37–51. [Leonidova E. G. (2021) Assessment of the impact of the COVID-19 pandemic on the tourism sector of the region // Problems of territorial development. Vol. 25. No. 5. Pp. 37–51. (In Russian).]
11. Мировой туризм выходит на уровень в \$12 триллионов в 2026 году! [Global tourism is reaching the level of \$12 trillion in 2026! (In Russian).] URL: <https://amos-hotels.ru/tpost/irczhsf9o1-mirovoi-turizm-vihodit-na-uroven-v-12-tr>
12. Нагиев С. К., Байрамов И. А. (2024) Международный туризм как фактор глобализации // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. Т. 17. № 4. С. 33–41. [Nagiyev S. G., Bayramov I. A. (2024) International tourism as a factor of globalization // Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”. Vol. 17. No. 4. Pp. 33–41. (In Russian).]
13. США ожидают до 10 миллионов иностранных туристов на ЧМ–2026 по футболу. [The United States expects up to 10 million foreign tourists at the 2026 FIFA World Cup. (In Russian).] URL: https://matchtv.ru/football/matchtvnews_NI2274864_SShA_ozhidajut_do_10_millionov_inostrann_yh_turistov_na_ChM2026_po_futbolu?ysclid=mt5t75w1z497698595
14. Турэксперт Горин рассказал, что сдерживает рост въездного туризма в России (2026). [Tour expert Gorin told what is holding back the growth of inbound tourism in Russia (2026). (In Russian).] URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/turekspert-gorin-rasskazal-cto-sderzhivaet-rost-vezdnogo-turizma-v-rossii/amp/#1>
15. Komodo National Park limits tourist visits to 1,000 per day, 2026. URL: <https://en.antaranews.com/news/412205/komodo-national-park-limits-tourist-visits-to-1000-per-day#1>
16. Ministry of Forestry Limits Tourist Quota to Visit Komodo National Park, 2026. URL: <https://rri.co.id/voice-of-indonesia/environment/2337309/ministry-of-forestry-limits-tourist-quota-to-visit-komodo-national-park#1>
17. International tourism up 2% in Q1 2026 amid growing uncertainty. URL: <https://www.untourism.int/news/international-tourism-up-2-in-q1-2026-amid-growing-uncertainty>
18. OECD Tourism Trends and Policies 2026. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-tourism-trends-and-policies-2026_3fd3cd75-en/full-report/tourism-trends-performance-and-outlook_e87d10cf.html#4
19. Rakhimov S. Kh. (2024) International tourism and the modern world // Economics and tourism: trends and prospects. No. 1 (1). Pp. 134–139.
20. Russia expects foreign tourist flow to reach 6.5 mln in 2026 — minister (2026). URL: <https://tass.com/economy/2117437>

21. Tourist flows and sustainability in the Parks (2026). URL: <https://www.parchialpicozie.it/en/news/2026/04/29/flussi-turistici-e-sostenibilita-nei-parchi/>
22. World Tourism Barometer: November 2025 URL: <https://en.unwto-ap.org/news/world-tourism-barometer-november-2025/>
23. World Tourism Organization (UN Tourism). URL: www.untourism.int/ru/news/international-tourism-up-2-in-q1-2026-amid-growing-uncertainty

The main trends in the development of international tourism: a geographer's view¹

Irina A. Rodionova,

Doctor of Geographical Sciences, independent expert, Moscow, Russia.

International tourism remains one of the largest, and at the same time growing, segments of the global economy, exerting an increasingly noticeable impact on national and global economic systems. The report presents data on the growth of arrivals in the world as a trend, although this indicator is significantly differentiated both by region and by individual countries. Attention is drawn to the high dependence of the dynamics of the tourism sector on the general economic situation in the world and in individual countries, as well as on the state of the tourism industry. At the same time, the national economies of a number of countries directly depend on the performance of the tourism industry sector (income from international tourism), which continue to grow. The continuing geographical differentiation of international tourism is shown in terms of differences in the number of tourist arrivals by regions and countries of the world and income from tourism, while maintaining the trend towards the expansion of international tourist destinations — regions and countries. The article presents the factors of competitiveness of countries and regions of the world in the global market of tourist services, where the interests of the population, culture, transport, security, hotel business, etc. are closely intertwined. New trends are emerging in the development of the tourism industry, but the geopolitical impact on the sphere of international tourism remains one of the fundamental factors. The author comes to the conclusion that it is important for the Russian Federation, which has significant tourist and recreational resources, to become more actively involved in the international tourism system in terms of enhancing the diversification of the national economy.

Keywords: *international tourism, international tourist arrivals, tourism industry, regional differentiation of tourism, geography of tourism, tourist destinations, global market of tourist services.*

JEL codes: *L 83, M 29.*

Статья поступила в редакцию 14.08.2026.

¹ Report at the XI International Scientific and Practical Conference «Priority areas and problems of development of domestic and international tourism», Crimea. Yalta. May 21-2, 2026.

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

**Мировой рынок зерна, позиции Российской Федерации как глобального
производителя и экспортера и современные условия их формирования¹****Фролов Андрей Александрович²**

Роль мирового рынка зерна актуализируется в глобальной экономике, так как этот продукт остается важнейшим продовольственным товаром. Также мировой рынок зерна важен для Российской Федерации, так как наша страна удерживает на протяжении десяти лет первенство в мировом экспорте пшеницы, несмотря на сезонную волатильность валовых сборов урожая и ряд негативных глобальных факторов. Вместе с тем, сохраняется отставание продуктивности гектара в Российской Федерации от ведущих европейских производителей, а ценовое преимущество отечественных поставщиков частично нивелируется сужением дисконта к зерну конкурентов, что отражает преимущественно экстенсивный характер наращивания предложения субъектами российского АПК. Мировой рынок зерна охарактеризован в статье как структура с высокой концентрацией экспортного предложения, на которой ограниченный круг стран–поставщиков формирует ценовые параметры торговли. В статье представлен анализ структуры и особенностей мирового зернового рынка: ключевых участников и тенденций развития. Автором систематизированы факторы формирования конкурентных преимуществ стран–экспортеров зерна. Показано воздействие западных санкций на российскую сельскохозяйственную сферу как инструмента регулирования международной торговли аграрной продукцией. Санкционное давление на агропроизводство в Российской Федерации в последнее десятилетие реализуется через 3 устойчивых контура: финансово-расчетный, логистический и страховой. Эмпирическая часть работы опирается на экономико-статистический метод, методы анализа динамических рядов, структурного и сравнительного анализа, а также на графический и табличный методы представления и интерпретации данных.

Ключевые слова: мировой рынок зерна, трансформация мирового рынка зерна, Российская Федерация, агропромышленный комплекс, экспорт зерна, страны–экспортеры, Глобальный Юг, санкции.

JEL коды: F14, F51, F52, O13.

¹ Публикация выполнена в рамках проекта № 060510-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов (Российский университет дружбы народов — РУДН).

² Фролов Андрей Александрович — кандидат экономических наук, доцент (1) кафедра экономической политики и мировой экономики ИнЭУ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; (2) научный сотрудник, кафедра региональной экономики и географии, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

Введение

Мировой рынок зерна остается одним из наиболее капиталоемких, социально-значимых и динамичных рынков мира, влияние на который оказывает как объективный фактор (природно-климатический), так и субъективный (политика стран-экспортеров, импортеров, перевозчиков, разработчиков технологий, а также развитие глобальных процессов, таких как военные конфликты, санкции и др.). Все это подтверждают как события последних 5–10 лет, так и отечественная и зарубежная научная мысль, в которой большое внимание уделяется различным аспектам мирового рынка зерна. Так, в центре исследовательского интереса находятся такие аспекты мирового рынка зерна, включая спрос и предложение, как роль торговли зерном как одного из ключевых индикаторов продовольственной безопасности, который во многом обеспечивает макроэкономическую и социальную стабильность на глобальном, региональном и страновом уровнях (Бунина, Солнцева, 2022; Хайруллина, 2025; Решетникова, 2020). При этом отмечается, что мировой рынок зерна, будучи весьма подвижным и изменчивым, в последние 10 лет проходит процесс весьма существенной трансформации, в том числе структурной (Чухарев, Шкваря, 2025), под влиянием ряда факторов, в том числе цифровизации (Ревенко, 2021), поэтому важным аспектом исследований остаются перспективы мирового рынка зерна (Шалаева, 2023).

Поскольку одним из важных аспектов трансформации мирового рынка зерна стало превращение Российской Федерации в одного из важнейших его участников как экспортера, присутствию и позициям России в этом сегменте уделяется большое внимание. В частности, экспертов привлекают такие аспекты, как пространственное развитие сельского хозяйства в России (Папцов, 2021); конкурентоспособность зернового хозяйства отечественного АПК (Зюкин, 2024); его экспортные возможности (Килимник, 2024; Крылатых, Белова, 2018) с учетом необходимости обеспечения внутренних потребностей (Алтухов, Рахманов, 2022; Папцов, 2020), а также факторы, оказывающие воздействие на отечественный экспорт. Среди последних особенно выделяются такие, как санкции, введенные западными государствами против экономики Российской Федерации (Мигел и др., 2024; Шкваря, 2017), а также регуляторное регулирование отечественного экспорта зерна на зарубежные рынки (Сеитов, 2022).

Все эти исследования отражают те или иные системообразующие аспекты мирового рынка зерна и российского участия в его функционировании. Однако процессы последних пяти лет, и особенно события 2026 г., серьезно изменяют состояние этого рынка, позиции отдельных участников и его перспективы, прежде всего возможности России. Анализ этих вопросов посвящена данная статья.

Результаты исследования

Структура и особенности мирового зернового рынка: ключевые экспортеры

Мировой рынок зерна, как и любой другой в мировой торговле, представляет собой совокупность предложения и спроса. Предложение, в свою очередь, предопределяется прежде всего возможностями производства зерна, особенно пшеницы как универсального товара, теми или иными странами (табл. 1).

Таблица 1.

Производство пшеницы по основным странам в 2018–2027 гг. (прогноз), млн тонн

	Страна / Регион	2018	2019	2020	2021	2022	2023/24	2024/25	2025/26	2026/27 (прогноз)
1.	Европейский союз	145,3	145,3	145,3	145,3	134,5	135,4	121,1–122,1	136,6–145,1	134,2
2.	Китай	137,2	136,0	136,0	136,0	137,2	136,6	140,1	140,1	141,0
3.	Индия	106,8	109,0	109,0	109,0	106,8	110,6	113,3	117,9	121,0
4.	Россия	74,3	74,3	74,3	74,3	92,0	91,5	81,6	83,0–90,3	88,5
5.	США	74,3	74,3	74,3	74,3	62,8	62,8	53,7	52,3	н/д
6.	Канада	31,7	31,7	31,7	31,7	34,9	33,4	35,0–35,9	36,0–40,0	35,0
7.	Австралия	н/д	н/д	н/д	н/д	40,5	26,0	34,1	31,0–36,0	28,0
8.	Пакистан	26,0	26,0	26,0	26,0	26,2	28,2	31,8	28,4	29,0
9.	Украина	н/д	н/д	н/д	н/д	21,5	23,0	23,4	23,0–24,1	25,4
10.	Турция	н/д	н/д	н/д	н/д	17,3	21,0	19,0	16,8	22,5
11.	Аргентина	19,5	19,5	19,5	19,5	12,6	15,9	18,5	20,0–27,9	21,0
12.	Казахстан	н/д	н/д	н/д	н/д	16,4	12,1	18,6	14,5–19,3	16,0

Примечания:

- н/д — нет данных в открытых источниках за указанный период.
- Данные за 2018–2022 гг. в основном приведены по календарному году (источник — FAO, 2024).
- Данные начиная с сезона 2023/24 приведены по маркетинговому году (источник — USDA, 2025).
- Цифры за 2025/26 и 2026/27 гг. являются прогнозными оценками USDA и могут быть пересмотрены.
- Для России, Европейского союза и США данные за 2018–2021 гг. являются оценочными.

Источник: составлено автором по данным FAO, 2024 и USDA, 2025.

Многие страны мира, расположенные в определенном географическом поясе, выступают производителями зерновых, в том числе пшеницы. Как видим из табл. 1, имеет место заметный разброс динамики (волатильность объемов) основных производителей пшеницы. Так, данные по Российской Федерации демонстрируют рост за исследуемый период, по США — сокращение, ЕС и Казахстан обнаруживают относительную стабильность производства.

Если говорить о странах–экспортерах произведенного зерна, то они характеризуются высокой географической концентрацией, так как на долю лишь семи стран мира приходится порядка 85% мирового экспорта пшеницы на мировой рынок, что следует из табл. 2.

Таблица 2.

Структура мирового экспорта пшеницы в разрезе ведущих стран–экспортеров в сезонах 2021/22–2025/26 гг., млн тонн

	Страна–экспортер	2021/22	2022/23	2023/24	2024/25	2025/26	Доля в мировом экспорте 2025/26, %
1.	Россия	33,0	47,0	52,0	43,5	44,0	19,5
2.	Европейский союз	30,0	36,0	38,0	26,5	34,0	15,1
3.	Канада	15,0	21,0	25,0	27,0	28,0	12,4
4.	Австралия	25,0	29,0	23,0	25,0	27,0	12,0
5.	США	21,0	21,0	20,0	22,3	24,4	10,7
6.	Украина	19,0	17,0	18,0	16,0	14,1	6,3
7.	Аргентина	16,0	6,0	7,0	11,0	19,0	8,4
	Прочие страны	14,0	15,0	24,0	33,3	~35,2	15,6
	Мировой экспорт, всего	173,0	192,0	207,0	204,6	~225,7	100,0

Источник: составлено автором по данным USDA, 2025.

В то же время, будучи высокконцентрированным, зерновой сегмент не является примером монопольного рынка (ни одна страна не контролирует долю более 25% продаж на этом рынке, что повышает чувствительность мировых цен в те или иные периоды к внутристрановым процессам основных экспортеров и к глобальным шокам, влияющим на их производственную деятельность и возможности экспорта), также остается волатильным в аспекте подвижности доли и позиции той или иной страны–экспортера, особенно в последнее десятилетие. При этом все экспортеры имеют собственные характеристики, тенденции, динамику, как следует из табл. 3, та или иная корректировка которых весьма заметно изменяет ситуацию на мировом рынке зерна в целом и пшеницы, в частности. Например, Европейский союз концентрирует в себе производственный и экспортный потенциал не одной, а нескольких стран сразу (Франция, Германия, Польша, Румыния, Болгария), что отражается на его возможностях как экспортера.

Российская Федерация также весьма неоднородна по производству зерна и пшеницы по своим регионам, а также по годам, что служит причиной колебаний объемов ее экспорта.

Таблица 3.

Основные страны–экспортеры: новая расстановка сил

Страна	Изменение статуса	Ключевые изменения в 2026 г.
RU Россия	Сохраняет лидерство, но под давлением	Остается крупнейшим экспортером пшеницы с долей ~20%. Прогноз по экспорту снижен с 47,5 до 46 млн тонн из-за логистических проблем, хотя <i>USDA</i> прогнозирует 47 млн тонн. В ответ Россия обнулила экспортные пошлины до конца 2026 г., чтобы стимулировать поставки.
UA Украина	Значительная потеря влияния	Экспортный потенциал сильно ограничен логистикой. Прогноз экспорта пшеницы снижен до 13–13,5 млн тонн. Экспорт зерна в первой половине августа упал на 75%.
EU Европейский Союз	Укрепление позиций	Наращивает экспорт, компенсируя потери из Причерноморья. Прогноз экспорта повышен до 31 млн тонн. Цены на пшеницу из ЕС выросли на 25 долларов за тонну с июля.
US США	Потеря доли рынка	Производство упадет на 21% (на 11,5 млн тонн). Экспорт сократится на 3 млн тонн — до 21,5 млн.
CA Канада	Укрепление позиций	Выигрывает от переориентации покупателей. Прогноз экспорта повышен на 1 млн тонн (до 28,5 млн).
KZ Казахстан	Укрепление позиций	Аналогично Канаде, прогноз экспорта повышен на 1 млн тонн (до 10 млн).
AU Австралия	Смешанная ситуация	С одной стороны, урожай страдает от Эль-Ниньо. С другой — пользуется спросом в Азии как альтернатива черноморскому зерну.

Источник: составлено автором по данным *USDA*, 2025.

Сложившаяся на мировом рынке ситуация в группе стран–экспортеров формируется на основе имеющихся у них конкурентных преимуществ, среди которых выделяются как объективные (размер пашни, урожайность, климатические условия), так и внутриполитические меры тех или иных государств, направленные на поддержку отрасли (технологии, механизация, институциональная поддержка), а также те меры, в том числе и коллективные, которые различные страны могут применять (и применяют) на мировом рынке для снижения или повышения конкурентоспособности других участников рынка или собственных производителей. Сравнительная оценка факторов конкурентоспособности ведущих стран–экспортеров пшеницы в первой половине 2020-х гг. представлена нами в табл. 4.

Таблица 4.

Сравнительная оценка факторов конкурентоспособности ведущих стран–экспортеров пшеницы в первой половине 2020-х гг.

Фактор конкурентоспособности	Россия	США	Канада	Франция (ЕС)	Австра- лия	Украина
Площадь пашни, млн га	123,0	158,0	38,0	18,5	31,0	33,0
Доля черноземов в пахотном клину, %	52	18	10	8	4	58
Средняя урожайность пшеницы, т/га	3,0–3,1	3,3	3,5	7,2	2,0	4,2
Средняя себестоимость пшеницы, долл./т	130–150	180–210	190–220	200–240	200–230	120–140
Уровень механизации, балл (из 10)	7	10	10	10	9	6
Доступ к глубоководным портам	Высокий					Ограниченный
Институциональная поддержка экспорта	Средняя	Высокая				Средняя
Доступ к западной финансово–страховой инфраструктуре (до 2022 г.)	Высокий					
Доступ к западной финансово-страховой инфраструктуре (после 2022 г.)	Ограниченный	Высокий				
Средняя цена <i>FOB</i> , долл./т (2023/24)	220–240	260–280	270–290	250–270	270–290	210–230

Источник: составлено автором по данным USDA, 2025; Шалаева, 2023; Папцов, 2020).

В любом случае совокупность тех или иных конкурентных преимуществ обеспечивает соответствующим странам возможность решать стоящие перед ними задачи.

Спрос на мировом рынке зерна и его основные особенности

Спрос на мировом рынке зерна представлен гораздо более широким кругом стран–потребителей, часть из которых выступают и производителями зерна, но не в состоянии полностью обеспечить внутренний спрос, поэтому сохраняют свое место и в группе импортеров, в том числе крупных, как Китай и Европейский союз.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что позиции стран–импортеров зерна на мировом рынке также трансформируются (табл. 5), а сами потребители меняют свое поведение. В частности, азиатские покупатели, прежде всего Индонезия и Бангладеш, ищут альтернативы зерну, поставляемому через Азово–Черноморские порты. Они переориентируются на Австралию, Болгарию, Румынию и даже Северную Америку. Северная Африка и Ближний Восток снижают объемы импорта из-за роста собственных урожаев.

Таблица 5.

Импорт пшеницы по основным странам в 2018–2026 гг. и прогноз на 2026/2027 г., млн тонн

Страна	2018	2019	2020	2021	2022/23	2023/24	2024/25	2025/26	2026/27 (прогноз)
Египет	н/д	н/д	н/д	н/д	11,2	12,4	12,4	15,5	13,0
Индонезия	н/д	н/д	н/д	н/д	9,4	13,0	10,5	13,0	12,5
Алжир	н/д	н/д	н/д	н/д	8,6	9,6	9,1	9,0	8,5
Турция	~5,8	~8,4	~9,6	~9,4	~10,0–11,0	~8,0–10,5	~3,2–5,8	~7,3–10,3	~6,5
Китай	н/д	н/д	н/д	н/д	13,3	13,6	4,2	7,4*	6,5*
Европейский союз	н/д	н/д	н/д	н/д	12,2	12,8	10,7	7,2	6,5
Бразилия	н/д	н/д	н/д	н/д	5,0	5,9	7,3	6,5	7,5
Филиппины	н/д	н/д	н/д	н/д	5,8	6,9	6,4	7,7	7,1
Бангладеш	н/д	н/д	н/д	н/д	5,1	6,7	5,8	7,4	7,0
Нигерия	н/д	н/д	н/д	н/д	4,7	5,1	6,3	5,7	6,2
Вьетнам	н/д	н/д	н/д	н/д	4,3	5,4	5,7	7,3	6,2

Примечание:

данные за 2018–2021 гг. отсутствуют в сводном отчете *USDA*. По имеющимся фрагментарным сведениям, в 2019 г. лидером российского импорта был Египет (около 12,6 млн тонн в среднем за два сезона), за ним следовали Индонезия (~11 млн тонн) и Турция (~7,3 млн тонн). В 2022 г. крупнейшими импортерами по стоимости были Египет (4,82 млрд долларов), Китай (4,52 млрд долларов), Индонезия (3,38 млрд долларов), Нигерия (3,03 млрд долларов) и Турция (2,77 млрд долларов).

Для более ранних лет (2018–2021 гг.) найти полную статистику в одном источнике не удалось, поэтому эти годы в таблице не заполнены — в открытых данных они представлены фрагментарно.

* Для Китая в 2025/26 и 2026/27 гг. в источнике *USDA* указаны значения 4 169 тыс. тонн (4,2 млн) и 4 169 тыс. тонн (4,2 млн) соответственно. Однако другие источники прогнозируют рост импорта Китая в эти годы. В таблицу внесены прогнозные значения из аналитических обзоров.

Источник: составлено автором по данным: *USDA*, 2025.

В этой связи прогноз импорта для Египта был снижен на 0,5–0,7 млн тонн, для Турции также на 0,5 млн тонн. Несмотря на это, Египет традиционно остается крупнейшим в мире импортером зерна пшеницы, осуществляя закупки на основе централизованных тендеров, которые проводит Государственный комитет по закупкам *GASC*. Турция, Саудовская Аравия, Алжир и Марокко формируют основной массив спроса в Северной Африке и на Ближнем Востоке (САБВ) с совокупным объемом закупок 18–20 млн тонн. В ЮВА ведущими импортерами остаются Индонезия (9–11 млн тонн), Филиппины, Вьетнам и Малайзия. Особого внимания заслуживает рост спроса в Бангладеш, Пакистане, Нигерии, Эфиопии и Судане — этот сегмент характеризуется не только расширением физических объемов, но и структурным сдвигом потребления в сторону хлебной продукции, обусловленным урбанизацией и изменением демографических моделей питания (Папцов, 2020).

Однако в целом совокупный спрос на мировом рынке зерна демонстрирует устойчивый рост, который предопределяется как конъюнктурными факторами, так и долгосрочными трендами (и их сочетанием).

1. Рост населения и доходов как фундаментальный драйвер. Устойчивая демографическая динамика в странах Глобального Юга, особенно в Африке и Южной Азии, усиливает необходимость наращивания импорта зерна (пшеницы). Ожидается, что сохранение сложившейся демографической ситуации обеспечит почти весь прирост прямого продовольственного потребления зерна в ближайшие годы (Cereals, 2023). Несмотря на рост народонаселения, фиксируется и рост уровня его благосостояния, и соответственно потребление смещается в сторону более высококачественного продовольствия. Это ведет к росту спроса не только на более высококачественное зерно для потребностей населения, но и животноводства (росту спроса на кормовое зерно).

2. Промышленное использование зерна как мощный современный драйвер становится все более актуальным аспектом, увеличивая спрос на фуражные культуры. Этот спрос напрямую конкурирует с продовольственным и кормовым использованием.

3. Региональные структурные сдвиги становятся все более характерными для мирового зернового спроса, так как вышеотмеченные факторы сохраняют дифференцированное воздействие по миру. Так, страны Азии остаются ключевым катализатором роста спроса на мировом рынке зерна. При этом, приближаясь в развитых странах к насыщению на душу населения, в развивающихся (странах Глобального Юга) потребление зерна и в целом продовольствия, продолжает расти за счет увеличения населения.

Еще одним фактором регулирования мировой торговли зерном пшеницы и продовольствием в целом служит санкционное воздействие, которое на протяжении последнего десятилетия получило существенное развитие.

Санкционное воздействие как инструмент регулирования международной торговли аграрной продукцией

Санкционные рестрикции остаются одним из инструментов механизма воздействия на международные отношения и, в частности, рынки, на протяжении столетий. Традиционно, как и сегодня, их формируют страны–лидеры в отношении стран–адресатов для трансформации политики последних в том или ином (интересном организаторам санкций) направлении (Шкваря, 2017). Санкции могут приобретать (и приобретают) разные формы, охватывать различные хозяйственные сферы, но их общая цель заключается в необходимости и

возможности обеспечить лидерам доминирование над ведущими узлами глобальной экономики и инфраструктуры.

В агросфере существует (и реализуется) возможность косвенного санкционного воздействия, направленного формально на финансовый, транспортно-логистический и другие секторы подсанкционной экономики с помощью ряда инструментов, представленных автором в табл. 6.

Таблица 6.

Система санкционных инструментов, применяемых в отношении российского зернового экспорта, и их операциональные индикаторы

Контур воздействия	Санкционный инструмент	Механизм реализации	Операциональный индикатор
Финансовый	Отключение банков от <i>SWIFT</i>	Частичное отключение ряда российских банков от системы межбанковских коммуникаций с 2022 г.	Сроки проведения расчетов по экспортным контрактам (дни)
Финансовый	Ограничения корреспондентских отношений	Отказ западных банков от проведения платежей в долларах и евро	Доля расчетов в валютах недружественных стран в общем объеме экспортных операций, %
Финансовый	Ограничения на долларовое финансирование	Отказ от предэкспортного кредитования	Ставки привлечения оборотного капитала экспортерами, % годовых
Логистический	Уход судоходных компаний	Прекращение операций <i>Maersk, MSC, CMA CGM</i> с российскими портами	Количество доступных линейных перевозчиков в Азово–Черноморском бассейне
Логистический	Рост фрахтовых ставок	Формирование премии за риск для судовладельцев, работающих с РФ	Стоимость фрахта из Новороссийска, долл./т (премия к Констанце)
Логистический	Закрытие европейских портов	Отказ от перевалки российского зерна в портах Латвии, Литвы, Эстонии	Объем транзита российского зерна через порты ЕС, млн тонн
Страховой	Отказ <i>P&I</i> -клубов от страхования	Прекращение покрытия ответственности судовладельцев	Стоимость альтернативного <i>P&I</i> -страхования, долл./тонна груза
Страховой	Отзыв классификации судов	Прекращение деятельности <i>DNV, Lloyd's Register</i> в отношении судов РФ	Количество судов под российским флагом с признанной классификацией
Страховой	Рост ставок военного страхования	Включение Черного моря в зоны повышенного риска	<i>War risk premium</i> , % от стоимости груза
Общий	Эффект самосанкционирования	Отказ контрагентов третьих стран от операций из-за страха вторичных санкций	Дисконт <i>FOB</i> на российскую пшеницу к пшенице конкурентов, долл./т

Источник: составлено автором по данным (Мигел и др., 2024; Чухарев, Шкваря, 2025; Килимник, 2024).

Представленные в табл. 6 инструменты, формально не затрагивая продовольственную сферу, которая остается юридически свободной от прямых санкционных механизмов, что

закреплено в резолюциях Совбеза ООН и в регуляторной практике различных стран ОЭСР, на практике, прежде всего в отношении России (мирового лидера в сегменте экспорта пшеницы на мировой рынок с 2016 г.), на практике увеличивают себестоимость производства, обработки, перевозки зерна, не позволяют осуществлять страхование и перевозку, снижают расчетные возможности стран-импортеров при росте их опасений вторичных санкций уже для собственных экономики или производителей. В результате, например, формальная легальность торговых операций с российским зерном сочетается с фактическим блокированием широкого спектра инструментов и части инфраструктуры, необходимой для их совершения (Чухарев, Шкваря, 2025), что затрудняет преодоление этих санкций.

Действие санкционных инструментов оказывает неоднозначное влияние на зерновой сегмент Отечества. Во-первых, страна сохраняет свое лидирующее положение не мировом рынке, хотя зарубежные «эксперты» говорят о том, что эта позиция будет утрачена, и это только вопрос времени (Russia could lose). При этом, во-вторых, Россия сохраняет свои конкурентные преимущества по сравнению с западноевропейскими участниками зернового рынка, а также активно использует агрессивную ценовую политику. В-третьих, Российская Федерация наращивает поставки в страны Глобального Юга. Так, рост спроса на российское зерно продемонстрировали в 2026 г. Саудовская Аравия, Турция, Иран, страны Африки (Кения, Судан, Нигерия, Эфиопия), а также государства Азии, в том числе Китай, Бангладеш, Индонезия и Вьетнам. Наконец, в-четвертых, Россия наращивает переработку зерна на отечественных предприятиях, что даст возможность осуществить переконфигурацию российского продовольственного экспорта в сторону увеличения продукции с более высокой добавленной стоимостью и, соответственно, ценой. Санкции, а также сопутствующие факторы, наносят серьезный ущерб отечественной экспортной зерновой инфраструктуре, экспортному потенциалу, финансовым потокам и долгосрочной конкурентоспособности Российской Федерации. Ситуация характеризуется упорной борьбой между стремлением Российской Федерации удержать лидерские позиции и реальными ограничениями.

Заключение

Мировой рынок продовольствия, в том числе в зерновом сегменте, продолжает играть решающую роль в процессе обеспечения глобальной (и локальной) продовольственной безопасности. Спрос на мировом рынке зерна в последнее десятилетие характеризуется устойчивой положительной динамикой, которую можно назвать рекордной. Однако его структура претерпевает определенную трансформацию. Так, более быстрыми темпами растут продажи технического зерна для кормового и промышленного использования. Спрос на продовольственное зерно в развитых странах стабилизируется, а в развивающихся имеет тенденцию к росту. Эти разнонаправленные тренды формируют разноректорную и сложную динамику этого рынка.

Трансформируются также и доли участников мирового рынка зерна. Россия остается ценообразующим игроком на этом рынке, обладая целым рядом уникальных конкурентных преимуществ (экстенсивных и интенсивных) по сравнению с другими производителями и удерживая значительную долю этого рынка. Западные санкции не смогли в среднесрочном периоде подорвать потенциал и конкурентоспособность России на мировом рынке зерна. Однако они существенно ослабили ее позиции и сформировали негативный тренд на перспективу.

Список литературы

1. Алтухов А. И., Рахманов А. М. (2022) Экспорт российского зерна в контексте обеспечения стабильных потребностей внутреннего рынка // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 12 (94). С. 9–18. [Altukhov A. I., Rakhmanov A.M. (2022) Export of Russian grain in the context of ensuring stable needs of the domestic market // Economics, labor, management in agriculture. No. 12 (94). Pp. 9–18. (In Russian).] DOI: 10.33938/2212-9
2. Бунина Н. Э., Солнцева О. В. (2022) ЕАЭС как гарант продовольственной безопасности в условиях санкций // Экономика сельского хозяйства России. № 4. С. 86–91. [Bunina N. E., Solntseva O. V. (2022) The EAEU as a guarantor of food security in the face of sanctions // Economics of Agriculture in Russia. No. 4. Pp. 86–91. (In Russian).] DOI: 10.32651/224-86
3. Зюкин Д. А. (2024) Факторы конкурентоспособности российского зерна на мировом рынке и перспективы развития зернового хозяйства в контексте наращивания экспортного потенциала // Аграрный вестник Урала. Т. 24. № 4. С. 531–541. [Zyukin D. A. (2024) Factors of competitiveness of Russian grain on the world market and prospects for the development of grain farming in the context of increasing export potential // Agrarian Bulletin of the Urals. Vol. 24. No. 4. Pp. 531–541. (In Russian).] DOI: 10.32417/1997-4868-2024-24-04-531-541
4. Килимник Е. В. (2024) Перспективы экспортирования российского зерна на международные рынки в условиях санкционной политики Запада в 2024 г. // Агропродовольственная политика России. № 6 (113). С. 19–25. [Kilimnik E. V. (2024) Prospects for exporting Russian grain to international markets in the context of Western sanctions policy in 2024 // Agri-food policy of Russia. No. 6 (113). Pp. 19–25. (In Russian).] DOI: 10.35524/2227-0280_2024_06_19
5. Крылатых Э. Н., Белова Т. Н. (2018) Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // Экономика региона. Т. 14. №. 3. С. 778–790. [Krylatykh E. N., Belova T. N. (2018) Export of Russian grain in the context of the formation of regional economic policy // The economy of the region. Vol. 14. No. 3. Pp. 778–790. (In Russian).] DOI: 10.17059/2018-3-7
6. Мигел А. А., Лесина Т. В., Володина Е. В. (2024) Внешняя торговля России в условиях западных санкций: анализ изменений, оценка проблем, новые тренды и прогнозы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 14. № 2. С. 261–264. [Miguel A. A., Lesina T. V., Volodina E. V. (2024) Russia's foreign trade under Western sanctions: analysis of changes, assessment of problems, new trends and forecasts // Economics: yesterday, today, tomorrow. Vol. 14. No. 2. Pp. 261–264. (In Russian).]
7. Папцов А. Г. (2020) Экспорт продукции АПК России: тенденции и развитие : монография / Папцов А. Г., Ушачев И. Г., Алтухов А. И., Аржанцев С. А., Быков Г. Е., Логачева О. В., Нечаев В. И., Осинина А. Ю., Писарева Л. В., Семенова Е. И., Фролова Е. Ю., Черкасова О. В., Шеламова Н. А., Гасанова Х. Н., Авдеев М. В., Маслова В. В., Осипова А. Н., Зубкова Ю. В., Медведева Н. А., Прохоренко О. С. и др. М. : «Сам Полиграфист». 256 с. [Paptsov A. G. (2020) Export of Russian agricultural products: trends and development: a monograph / Paptsov A. G., Ushachev I. G., Altukhov A. I., Arzhantsev S. A., Bykov G. E., Logacheva O. V., Nechaev V. I., Osinina A. Yu., Pisareva L. V., Semenova E. I., Frolova E. Yu., Cherkasova O. V., Shelamova N. A., Gasanova H. N., Avdeev M. V., Maslova V. V., Osipova A. N., Zubkova Yu. V., Medvedeva N. A., Prokhorenko O. S. et al. M. : «Sam Polygraphist». 256 pages. (In Russian).]

8. Папцов А. Г. (2021) Пространственное развитие сельского хозяйства России : монография / Алтухов А. И., Папцов А. Г., Винничек Л. Б., Воронин Е. А., Жуков Н. И., Кульчикова Ж. Т., Мельников А. Б., Минаков И. А., Михайлушкин П. В., Полутина Т. Н., Рагулина Ю. В., Семкин А. Г., Семенова Е. И., Силаева Л. П., Склярков И. Ю., Солошенко В. М., Солошенко Р. В., Стадник А. Т., Тюпаков К. Э., Чинаров В. И. и др. М. : «Научный консультант». 324 с. [Paptsov A. G. (2021) Spatial development of agriculture in Russia : a monograph / Altukhov A. I., Paptsov A. G., Vinnichек L. B., Voronin E. A., Zhukov N. I., Kulchikova Zh. T., Melnikov A. B., Minakov I. A., Mikhailushkin P. V., Polutina T. N., Ragulina Yu. V., Semkin A. G., Semenova E. I., Silaeva L. P., Sklyarov I. Yu., Soloshenko V. M., Soloshenko R. V., Stadnik A. T., Tyupakov K. E., Chinarov V. I. et al. M. : «Scientific consultant». 324 pages. (In Russian).]
9. Ревенко Л. С. (2021) Мировая продовольственная система: цифровые аспекты трансформации // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 230. № 4. С. 217–222. [Revenko L. S. (2021) The world food system: digital aspects of transformation // Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia. Vol. 230. No. 4. Pp. 217–222. (In Russian).] DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-217-222
10. Решетникова Е. Г. (2020) Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. Т. 26. № 2 (172). С. 128–136. [Reshetnikova E. G. (2020) Economic accessibility of food: security tools in the face of new challenges // Economics and Management. Vol. 26. No. 2 (172). Pp. 128–136. (In Russian).] DOI: 10.35854/1998-1627-2020-2-128-136
11. Сеитов С. К. (2022) Влияние экспортных пошлин на российский рынок пшеницы // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. Т. 23. № 1. С. 126–137. [Seitov S. K. (2022) The impact of export duties on the Russian wheat market // Agrarian Science of the Euro–North–East. Vol. 23. No. 1. Pp. 126–137. (In Russian).] DOI: 10.30766/2072-9081.2022.23.1.126-137
12. Хайруллина О. И. (2025) Анализ и оценка перспектив функционирования мирового рынка зерновых // Продовольственная политика и безопасность. Т. 12. № 4. С. 1039–1060. [Khairullina O. I. (2025) Analysis and assessment of the prospects for the functioning of the global grain market // Food policy and security. Vol. 12. No. 4. Pp. 1039–1060. (In Russian).] DOI: 10.18334/ppib.12.4.122889
13. Чухарев А. В., Шкваря Л. В. (2025) Структура мирового рынка зерна и ее наиболее уязвимые элементы // Горизонты экономики. № 4 (91). С. 198–203. [Chukharev A. V., Shkvarya L. V. (2025) The structure of the global grain market and its most vulnerable elements // Horizons of Economics. No. 4 (91). Pp. 198–203. (In Russian).]
14. Шалаева Л. В. (2023) Мировой и российский рынок зерна: оценка тенденций и перспектив // Продовольственная политика и безопасность. Т. 10. № 2. С. 287–302. [Shalaeva L. V. (2023) The world and Russian grain market: assessment of trends and prospects // Food policy and security. Vol. 10. No. 2. Pp. 287–302. (In Russian).] DOI: 10.18334/ppib.10.2.117014
15. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. № 7 (84). С. 349–353. [Shkvarya L. V. (2017) Russian–European sanctions and their impact on regional and global economic processes // Economics and entrepreneurship. No. 7 (84). Pp. 349–353. (In Russian).]

16. Cereals (2023) OECD–FAO agricultural outlook 2023-2032. URL: www.oecd-ilibrary.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2023-2032_08801ab7-en/full-report/cereals_e3b4fe4c.html#snotes-d5e14372
17. FAO (2024) Food Outlook — Biannual Report on Global Food Markets, November 2024. Rome : Food and Agriculture Organization of the United Nations. 164 p.
18. Russia could lose its top wheat exporter spot soon. URL: <https://millermagazine.com/en/blog/russia-could-lose-its-top-wheat-exporter-spot-soon-6011>
19. USDA (2025) Foreign Agricultural Service. Grain: World Markets and Trade. Washington, D.C. : U.S. Department of Agriculture, FAS. 62 p. URL: <https://apps.fas.usda.gov/psdonline/reportHandler.ashx?fileName=BVS&format=html&reportId=386&templateId=7>

The global grain market, the Russian Federation's position as a global producer and exporter, and the current conditions of their formation¹

Andrey A. Frolov,

PhD (Economic Sciences), Associate Professor,

(1) Academic Department of Economic policy and world economy Federal State Autonomous Educational Institute of Higher Education «Ural Federal university named after the first President of Russia B. N. Yeltsin», Yekaterinburg, Russia;

(2) Scientific Researcher, Economic Faculty, Regional Economy and Geography Department, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia (RUDN–university), Moscow, Russia.

The role of the global grain market is becoming relevant in the global economy, as this segment remains the most important food commodity. The global grain market is also important for the Russian Federation, as our country has held the lead in global wheat exports for ten years, despite the seasonal volatility of gross harvests and a number of negative global factors. At the same time, the productivity of a hectare in the Russian Federation remains lagging behind leading European producers, and the price advantage of domestic producers is partially offset by the narrowing of the discount to competitors' grain, which reflects the predominantly extensive nature of the supply build-up by the subjects of the Russian agro-industrial complex. The global grain market is characterized in the article as a structure with a high concentration of export supply, where a limited number of supplier countries form the price parameters of trade. The article presents the structure and features of the global grain market: key participants and development trends. The author systematizes the factors of formation of competitive advantages of grain exporting countries. The impact of sanctions on the Russian agricultural industry is shown. the sphere as an instrument for regulating international trade in agricultural products. The sanctions pressure on the Russian Federation in the last decade has been implemented through 3 stable circuits: financial and settlement, logistics and insurance. The empirical part of the work is based on the economic and statistical method, methods

¹ This publication has been supported by project № 060510-0-000 within the framework of the grant support system for scientific projects (Peoples' Friendship University of Russia — RUDN University).

of dynamic series analysis, structural and comparative analysis, as well as graphical and tabular methods of data representation and interpretation.

Keywords: *global grain market, Russian Federation, agro–industrial complex, grain exports, exporting countries, Global South, sanctions.*

JEL codes: *F14, F51, F52, O13*

Статья поступила в редакцию 16.08.2026.

ССАГПЗ в новых условиях: триггеры «оборонительной» интеграции**Федорченко Андрей Васильевич¹**

В статье исследуются факторы и новые драйверы экономической интеграции в регионе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) на современном этапе и перспектив и возможностей развития интеграционного объединения с учетом внешнего влияния. Цель — выявить механизмы адаптации интеграционной модели ССАГПЗ в условиях перекрытия Ормузского пролива и санкционного давления. В статье показано, что западная модель региональной экономической интеграции не смогла быть реализована в регионе ССАГПЗ из-за несовместимости региональных реалий со «стадиями интеграции», отсутствием «эффекта перелива» и несостоятельностью требований либерального межправительственного подхода. В статье делается вывод о том, что региональная экономическая интеграция в ССАГПЗ с учетом уникальных характеристики «аравийских монархий» — структурой экономик, политической системой и самой природой институтов ССАГПЗ — и в целом ситуации на Ближнем Востоке, может быть охарактеризована как «стратегия выживания» и долгосрочной экономической стабильности. Ее основой по-прежнему остается региональная безопасность, понимаемая в более широком региональном географическом аспекте. Страны Персидского залива демонстрируют осознание того, что построить прочный мир можно только изменив экономические стимулы и сделав конфликт невыгодным для всех сторон. Этот переход от изоляции к взаимозависимости может стать самым значительным наследием нынешнего регионального конфликта.

Ключевые слова: ССАГПЗ, Ближний Восток, Персидский залив, региональная экономическая интеграция, стратегия выживания, региональная безопасность.

JEL коды: F15, F40, F55.

Введение

По мере развития деглобализации и фрагментации в мировой экономике, в научной среде растет интерес к исследованию региональной экономической интеграции как альтернативе глобализации (Костюнина, 2020; Кириллов, 2026). Интеграционные объединения Глобального Юга, особенно те из них, для территории которых характерны высокие угрозы военных конфликтов, стремятся переформатировать региональные отношения, укрепив их как общую базу развития, взаимовыгодного сотрудничества и обеспечения защиты от глобальных шоков, расшатывающих их экономики (Федорченко, 2020). К тому же западная либеральная научная мысль окончательно «сдала свои позиции», будучи не в состоянии на протяжении практически четверти века найти решение

¹ Федорченко Андрей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Москва, Россия.

усугубляющихся и разрастающихся социально-экономических проблем и кризисов даже в собственных экономиках, что неоднократно отмечалось исследователями (Hilmiah et al., 2016). Соответственно, экономическая система, продвигаемая западной научной мыслью и базирующаяся на аксиомах рациональности, дефицита (кредита) и безграничных потребностей, все больше демонстрирует свою несостоятельность.

Точно так же оказалась несостоятельной и западная теория региональной экономической интеграции, «не работающая» ни в одном региональном объединении стран Глобального Юга и, в совокупности из-за «внешнего влияния» бывших метрополий и/или США, практически разрушающая эти страны и ослабляющая их региональное сотрудничество (Ashraf Mishrif, 2021). Это обстоятельство, а также растущая глобальная нестабильность, несущая экономические и даже военные угрозы странам Глобального Юга, актуализирует попытки найти новые, более универсальные концептуальные основы региональной экономической интеграции (Шкваря, 2006), в которых европейский кейс зачастую рассматривается как «антимодель» (Söderbaum, 2014).

Актуальность исследования экономической интеграции в ССАГПЗ заключается в том, что мы наблюдаем уникальный прецедент: региональный блок, который 4,5 десятилетия оставался лишь координационным механизмом, под воздействием внешней экзистенциальной угрозы вынужден за считанные месяцы трансформироваться в интеграционный союз.

Результаты исследования

Западные классические теории и практика региональной экономической интеграции не нашли полного воплощения в рамках процессов регионального интеграционного сотрудничества в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива и не смогли прогнозировать и проектировать эти процессы (табл. 1). Этому, как представляется, есть несколько объяснений. Во-первых, внутрирегиональная торговля, которая, согласно теории Б. Балассы, призвана стать катализатором региональной экономической интеграции, по-прежнему находится в ССАГПЗ на очень незначительном уровне, что объективно предопределяется близостью отраслевых структур экономик интегрирующихся стран (Шкваря, 2008). Поэтому взаимная торговля так и не стала основой, стержнем интеграционного процесса в ССАГПЗ при сохранении конкурентных условий. В блоке не сформирован валютный союз, да и общий рынок во многом остается декларацией, сохраняется несогласованная фискальная политика, имеет место конкуренция за роль «регионального хаба» между ОАЭ и Саудовской Аравией.

Во-вторых, осуществить фундаментальную диверсификацию национальных экономик странам не удалось, при этом ВВП по-прежнему зависит от экспорта углеводородов, как показали события 2026 г., в результате которых Всемирный банк понизил прогноз роста этого показателя в регионе с 4,4% до 1,3% в 2026 г. (World Bank, 2026). *Goldman Sachs* прогнозирует снижение ВВП Катар и Кувейта в 2026 г. на 14%, ОАЭ — на 5%, а Саудовской Аравии — на 3%, если перебои в поставках сохранятся (Durso, 2026), что говорит о дифференцированной степени уязвимости национальных хозяйств «аравийских монархий». ПРООН оценивает совокупные потери национальных хозяйств стран ССАГПЗ в 2026 г. в 120–194 млрд долларов (Escalation in the Middle East, 2026).

Таблица 1.

Теории, ключевые механизмы и результаты (ожидаемые и реальные) региональной экономической интеграции в ССАГПЗ

Теория	Ключевые механизмы	Ожидания/результаты в ССАГПЗ
Теория стадий интеграции Б. Баласса (ЗСТ → ТС → ОР → ЭС → Валютный союз → Полный союз)	Постепенное углубление связей в торговле, затем — в политике, <i>линейная эволюция</i>	ССАГПЗ (создан в 1981 г.) должен был пройти этапы: ЗСТ (2002 г.); ТС (2015, есть изъятия); ОР (2020 г., не осуществлен). Согласно теории Б. Баласса, в ССАГПЗ экономическая интеграция не развивается
Неофункционализм (Э. Хаас, Л. Линдберг)	«Перелив» (<i>spillover</i>) интеграционного сотрудничества из технического аспекта в одной узкой сфере (энергетика, вода) в другие путем создания давления бизнеса и формирования основ для углубления политической интеграции и создания наднациональных структур с высокой полнотой власти и с доверием граждан	Ожидалось усиление наднациональных институтов ССАГПЗ вследствие развития совместных проектов в энергетике. Этого не случилось, и секретариат ССАГПЗ остается структурой, чьи решения не имеют значительного веса в объединении, а скорее имеют характер ситуативной координации, так как решения принимаются консенсусом монархов. Институты ССАГПЗ (Секретариат) фактически отстают от реальных процессов, происходящих на двусторонних треках.
Теория взаимозависимости (Р. Кеохейн, Д. Най)	Глубокая торговля и инвестиционные связи делают войну иррациональной, так как ущерб будет слишком велик	Ожидалось, что высокая зависимость от глобальных рынков (нефть, туризм, финансы) удержит США от эскалации в Персидском заливе. Однако в реальности война началась, нанеся ущерб в 120–194 млрд долларов именно потому, что США решили, что цена приемлема

Источник: разработано автором.

Основная причина этого даже не столько разрушения, которые Иран нанес ССАГПЗ (хотя они значительны, так как разрушению подверглись объекты энергетической инфраструктуры и логистики, причинен значительный ущерб туризму, включая его репутационный аспект, требуются инвестиции в восстановление огромного количества объектов). Дело в том, что военные действия в Персидском заливе продемонстрировали, что основой процветания стран ССАГПЗ и их экономической динамики и социального прогресса на протяжении долгих десятилетий оставалось не региональное экономическое сотрудничество и не собственная экономическая мощь, а глубокая интеграция в глобальное хозяйство, ориентация на общие внешние блага и защита США, оказавшаяся призрачной. Именно в этом направлении традиционно формировалось региональное взаимодействие стран в рамках ССАГПЗ (Русакович, 2017).

Военные действия в Заливе сделали очевидным, что эта модель в дальнейшем вряд ли сможет продолжиться, став каналом уязвимости, поэтому поиск новых механизмов обеспечения устойчивого роста представляет собой насущную задачу стран ССАГПЗ. Одним из таких механизмов может стать реальное углубление региональной экономической интеграции как ответ на внешние шоки и стратегия выживания. Причем, по мнению экспертов, речь может идти не об интеграции только лишь в ССАГПЗ, но и в более широких географических границах Ближневосточного региона (*Israel belongs*, 2026).

Таким образом, экономическая интеграция в регионе в настоящее время рассматривается не как механизм роста (согласно классическим доктринам), но как механизм управления внешними экзистенциальными рисками, выступающими как триггер «вынужденной интеграции». Следовательно, теория Б. Балассы (которая рассчитана на десятилетия своей реализации) не находит в ССАГПЗ своего применения.

Если говорить о теориях неофункционализма и взаимозависимости, то «перелив» из экономики в политику здесь не работает из-за высокой суверенности монархий и отсутствия действенных региональных политических институтов. Успехи в создании зоны свободной торговли и таможенного союза не привели к усилению политической интеграции и/или к созданию авторитетных и полномочных наднациональных институтов, так как жесткий контроль государственных процессов со стороны правящих элит не допускает такой передачи власти. Деятельность свободных (особых) экономических зон в странах ССАГПЗ, прежде всего ОАЭ, также не стала основой интеграции (Бирюков, Бирюкова, 2017). Следовательно, теория и практика либерального межправительственного подхода, которая имеет место в ЕС, не может в ССАГПЗ опираться на взаимодействие правительственных и наднациональных органов, которые могли бы принимать решения, обязательные для всех стран интеграционного объединения. С другой стороны, странам ССАГПЗ зачастую присущи разногласия и дифференциация в различных аспектах внешнеполитического курса. Примером этого выступает выход ОАЭ из ОПЕК с 1 мая 2026 г. (Будрис, 2026). В то же время ряд авторов отмечает эволюцию гражданского общества в странах ССАГПЗ и рост национального самосознания, хотя процесс этот остается неоднозначным (Мелкумян, 2023).

Таким образом, война в Персидском заливе разрушает «старые», традиционные драйверы региональной экономической интеграции, которые опирались на общие внешние блага, такие как стабильные цены на мировом рынке углеводородов, бесперебойный транзит через Ормузский пролив, открытые глобальные рынки капитала, «американский зонтик» и формирует новые (табл. 2) которые лежат вне классических схем и зачастую противоречат им.

Таблица 2.

Новые драйверы региональной экономической интеграции в ССАГПЗ

Новый драйвер	Механизм	Почему противоречит теории
Коллективная оборона логистики	Создается совместный центр управления альтернативными маршрутами (по типу Единой системы ПВО, но для танкеров). Это не «перелив» из различных секторов экономики, а прямая военная необходимость.	Б. Баласса предполагал эволюцию от торговли к политике. В ССАГПЗ политика (безопасность) диктует экономические решения, а не наоборот. Обратный порядок.
Экономическая взаимозависимость с Ираном (бывшим противником)	КСА, ОАЭ и Катар начинают своповые поставки газа, транзитные соглашения и совместные страховые пулы с Тегераном. Это интеграция <i>вне</i> ССАГПЗ, а не <i>внутри</i> .	Неофункционализм считает интеграцию процессом <i>внутри региона</i> , привлекающим соседей позже (эффект «притяжения»). Практика ССАГПЗ представляет собой интеграцию с экстернальным противником как условие выживания. Это размывает границы ССАГПЗ.
Де-глобализация как катализатор внутренней кооперации	Закрытие мировых рынков и сужение глобальных возможностей стимулирует страны Залива создавать совместные производства для импортозамещения (химия, продовольствие, нефтесервис).	Теория взаимозависимости утверждает, что открытость укрепляет мир. На Ближнем Востоке реальностью остается закрытость (санкции, блокады) толкает к кооперации. Парадокс.
Формирование «страхового союза»	Общий фонд для покрытия ущерба от ракетных атак и диверсий, куда отчисляют проценты от нефтяных доходов.	Это не торговая, а <i>перераспределительная</i> интеграция, которая не описана у Б. Баласса. Ближе к федерализму, но без наднациональной власти.

Источник: разработано автором.

Так, на протяжении десятилетий страны Залива синхронно наращивали производство нефти и газа, получая ренту, и координировали свою общую политику в этом аспекте. В последние полгода из-за ударов Ирана по нефтяным и газовым объектам и инфраструктуре каждая (80 поврежденных объектов, 58 млрд долларов ущерба) страны стремятся к самостоятельному сохранению и спасению собственной, а не региональной, инфраструктуры и объектов энергетики.

Координация внутри ССАГПЗ по квотам добычи стала вторичной на фоне первичной необходимости сохранения НПЗ и терминалов. Кроме того, глобальная логистика (хабы Дубай, Абу-Даби, Джидда) как объединяющий фактор разрушена. Ранее эти порты работали как звенья одной цепи в условиях одновременно конкуренции и взаимодополнения на региональном уровне.

После ударов Ирана по судоходству в Ормузском проливе и страховых премий в 300% контейнерные потоки переориентируются на Оман и Салалу. Дубай теряет функцию «входных корот» ССАГПЗ, и вместо общей логистической сети страны ССАГПЗ строят альтернативные обходные пути транспортировки углеводородов, не координируя их между собой. Так, Саудовская Аравия строит свой коридор на Янбу, ОАЭ — на Фуджейру, Оман уже имеет свой порт. Конкуренция за новые маршруты усиливается, а не ослабевает. Наконец, суверенные фонды стран ССАГПЗ, капитал которых оценивается в 5 трлн долларов (Асмятуллин, 2025), раньше функционировали как пулы консолидированных ресурсов для внешних инвестиций. В последние полгода страны ССАГПЗ изымают свои капиталы из США и стран ЕС и осуществляют их репатриацию, причем вкладывая не в совместные проекты, а лишь для целей индивидуального восстановления внутренних разрушений, что ведет к дальнейшей фрагментации экономической ситуации в регионе.

Тем не менее, процесс этот достаточно диалектичен. В частности, 6 месяцев военных действий в Персидском заливе показали, что прежние модели безопасности в регионе больше не актуальны и не выполняют своих задач. Это вынуждает страны ССАГПЗ искать новую опору в собственных силах и коллективной безопасности, так как регион столкнулся с «кризисом доверия» к США, гарантии безопасности которых становятся все более условными и транзакционными. В частности, Иран получил официальное предложение присоединиться к Мекканскому соглашению о совместной обороне, которое заключили Саудовская Аравия, Турция и Пакистан (Иран, 2026).

На этом фоне риторика и политика стран ССАГПЗ относительно региональной экономической интеграции и ее перспектив меняются радикально — от «экономического опциона» к стратегической необходимости. Региональная экономическая интеграция больше не рассматривается как долгосрочная цель, а становится *инструментом немедленного реагирования на кризис*. Генеральный секретарь ССАГПЗ в рамках этого подхода прямо заявил, что интеграция — это «фундаментальная опора для защиты достижений в области развития» и «повышения устойчивости экономик стран ССАГПЗ перед лицом вызовов» (GCC, 2026). Проекты, десятилетиями остававшиеся неактивными (единая валюта, единая железная дорога), теперь оцениваются как «столпы национальной безопасности». Например, в июне 2026 г. в ССАГПЗ ускорили разработку плана по созданию устойчивых к шокам цепочек поставок (Middle East Business, 2026). Более того, страны ССАГПЗ нацелены на снижение зависимости от углеводородов и ускоренное развитие новых производств (от обороны до фармацевтики), и это не просто новая экономическая стратегия, а вопрос выживания в мире волатильных цен и санкций. Параллельно с этим и на фоне деглобализации, страны ССАГПЗ

активно расширяют торговые связи с Азией, Европой и даже ведут переговоры о возобновлении торгового партнерства с ЕС (Мелкумян, 2026).

Это не просто ускорение интеграционных процессов. Мы рассматриваем современную деятельность стран ССАГПЗ в сфере региональной экономической интеграции как качественно новый феномен, который можно охарактеризовать как «оборонительную интеграцию», причем как в сфере безопасности, так и экономики. Этот процесс идет не «снизу вверх» (от экономик к политике), как в классических теориях, а «сверху вниз» — политическая воля и угрозы безопасности, в том числе экономической, энергетической, даже продовольственной, диктуют необходимость ускорения экономических процессов сотрудничества. В отличие от ЕС, где интеграция направлена на создание общего рынка и полного экономического и политического союза, в ССАГПЗ она сейчас направлена на создание *общей устойчивости (resilience)* к внешним шокам. В фокусе этого подхода находится не столько и не только свободное движение товаров, капиталов и рабочей силы, сколько обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, так как «стремительные геополитические и экономические изменения усиливают необходимость углубления регионального партнерства и укрепления концепции конвергенции как пути к общему процветанию и стабильности» (Regional integration, 2026). По-новому звучит фактор Ирана: впервые за 45 лет деятельности объединения ССАГПЗ интеграционные процессы могут включать в себя элементы кооперации с Ираном (например, в вопросах транзита или энергетики) как часть стратегии управления рисками, что полностью трансформирует прежнюю логику противостояния сторон и обеспечивает еще одну плоскость региональной экономической интеграции.

Заключение

Исследование показывает, что в интеграционном объединении ССАГПЗ под влиянием очень жестких внешних шоков объективно произошла смена парадигмы региональной экономической интеграции — от консультационного механизма к оборонительной интеграции (табл. 3).

Таблица 3.

Смена парадигмы экономической интеграции в ССАГПЗ: исходный и актуальный подходы

№ п/п	Исходный подход	Актуальный подход
1.	Интеграция как цель (процветание, рост)	Интеграция как средство (выживание, устойчивость)
2.	Постепенное движение по стадиям Б. Балассы	Резкие, скачкообразные решения под давлением угроз
3.	Фокус на свободной торговле	Фокус на безопасности цепочек поставок

Источник: разработано автором.

Появились новые драйверы экономической интеграции в ССАГПЗ, и они могут стать реальной объединяющей базой, развивая и локализуя экономические процессы в Персидском заливе и даже в целом на Ближнем Востоке, расширяя географию регионального сотрудничества и укрепляя безопасность (табл. 4).

Таблица 4.

Драйверы экономической интеграции в ССАГПЗ: традиционные и актуальные

№ п/п	Исходные драйверы	Актуальные драйверы
1.	Нефтяной экспорт	Защита инфраструктуры и колл. безопасность
2.	Глобальная логистика	Локализация цепочек поставок
3.	Приток иностранных инвестиций	Возврат суверенных фондов для внутренних проектов

Источник: разработано автором.

Ключевыми факторами трансформации подхода к формированию региональной экономической интеграции в ССАГПЗ стали:

- Усиление внутренней кооперации: создание совместных страховых фондов, общих энергетических коридоров, координация в обход Ормузского пролива.
- Парадоксальный разворот к Ирану: страны Залива начинают торговлю и транзитные соглашения с Тегераном, переходя от политики изоляции к стратегии экономической взаимозависимости.
- Инфраструктурный суверенитет: строительство альтернативных маршрутов (Янбу, Фуджейра, порты Омана) превращается в совместные проекты.
- Деглобализация как катализатор: сворачивание мировых рынков толкает к созданию внутрирегиональных производственных цепочек.

Что осталось прежним (тормозит интеграционные процессы):

- Слабость наднациональных институтов — Секретариат ССАГПЗ по-прежнему не обладает реальной властью.
- «Национальный эгоизм» — каждая страна спасает в первую очередь себя, а интеграция идет вне «поля ССАГПЗ» через двусторонние сделки.
- Отсутствие политической воли к созданию валютного союза — единая валюта пока остается отложенной целью.

Таким образом, экономическая интеграция в ССАГПЗ трансформируется в «оборонительный союз устойчивости» (*defensive resilience union*). Ее основная задача — не создание общего рынка, а совместная минимизация ущерба от внешних шоков. При этом интеграция становится гибкой, асимметричной и обратимой — она существует там, где есть немедленная выгода от сотрудничества, и сворачивается, когда национальные интересы вступают в противоречие. Это принципиально новая модель, не описанная в классических теориях, что и делает ее изучение научно актуальным.

Список литературы

1. Асмятуллин Р. Р. (2025) Исламские финансы в контексте устойчивого развития: пример ОАЭ // Экономика и предпринимательство. № 3 (176). С. 322–326. [Asmyatullin R. R. (2025) Islamic finance in the context of sustainable development: the example of the UAE // Economics and entrepreneurship. No. 3 (176). Pp. 322–326. (In Russian).] DOI: 10.34925/EIP.2025.176.3.055
2. Бирюков Е. С., Бирюкова О. В. (2017) Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 1 (714). С. 41–46. [Biryukov E. S., Biryukova O. V.

(2017) Special economic zones of the GCC countries // *Asia and Africa today*. No. 1 (714). Pp. 41–46. (In Russian).]

3. Будрис А. (2026) Расходимся: почему ОАЭ покидают ОПЕК и что это значит для мирового рынка нефти. [Budris A. (2026) Diverge: why the UAE is leaving OPEC and what it means for the global oil market. (In Russian).] URL: <https://www.forbes.ru/biznes/560033-rashodimsa-pocemu-oae-pokidaut-opek-i-cto-eto-znacit-dla-mirovogo-rynka-nefti?ysclid=mtk2uzyxhq511355482>

4. Иран получил приглашение вступить в военный блок с Турцией и Саудовской Аравией (2026) [Iran has received an invitation to join a military bloc with Turkey and Saudi Arabia (2026) (In Russian).] URL: <https://life.ru/p/1915404>

5. Кириллов В. Н. (2026) Цели и задачи международной экономической интеграции: вопросы теории и современной практики // *Международная торговля и торговая политика*. Т. 12. № 1 (45). С. 154–166. [Kirillov V. N. (2026) Goals and objectives of international economic integration: issues of theory and modern practice // *International Trade and Trade policy*. Vol. 12. No. 1 (45). Pp. 154–166. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2026-1-154-166

6. Костюнина Г. М. (2020) Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 20. № 2. С. 303–317. [Kostyunina G. M. (2020) Regionalism in the modern world economy: evolution and main trends // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. Vol. 20. No. 2. Pp. 303–317. (In Russian).] DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

7. Мелкумян Е. С. (2023) Эволюция гражданского общества в Кувейте (1961–2020) // *Новая и новейшая история*. № 1. С. 141–150. [Melkumyan E. S. (2023) The evolution of civil society in Kuwait (1961–2020) // *New and modern history*. No. 1. Pp. 141–150. (In Russian).] DOI: 10.31857/S013038640021372-7

8. Мелкумян Е. С. (2026) Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и Европейский Союз: этапы взаимодействия // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 70. № 6. С. 128–136. [Melkumyan E. S. (2026) The Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf and the European Union: stages of interaction // *World Economy and International Relations*. Vol. 70. No. 6. Pp. 128–136. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-6-128-136

9. Русакович В. И. (2017) Экономическая интеграция стран ССАГПЗ и влияние внешнего фактора // *Россия и Азия*. № 1. С. 50–59. [Rusakovich V. I. (2017) Economic integration of the GCC countries and the influence of an external factor // *Russia and Asia*. No. 1. Pp. 50–59. (In Russian).]

10. Федорченко А. В. (2020) Интеграция на Ближнем и Среднем Востоке // *Мировое и национальное хозяйство*. № 3 (52). [Fedorchenko A. V. (2020) Integration in the Near and Middle East // *World and National Economy*. No. 3 (52). (In Russian).]

11. Шкваря Л. В. (2006) Экономическая интеграция в условиях глобализации мировой экономики: трансформация форм и теорий. Москва, Компания Спутник+. 92 с. [Shkvarya L. V. (2006) Economic integration in the context of the globalization of the world economy: transformation of forms and theories. Moscow, Sputnik+ Company. 92 pages. (In Russian).]

12. Шкваря Л. В. (2008) Проблемы субрегиональной межарабской экономической интеграции в условиях глобализации : монография. М.: Издательство: ГОУ ВПО «РЭА им. Г. В. Плеханова». 385 с. [Shkvarya L. V. (2008) Problems of sub-regional inter-Arab economic

integration in the context of globalization : monograph. Moscow: Publishing House: State Educational Institution of Higher Professional Education «REA named after G. V. Plekhanov». 385 pages. (In Russian).]

13. Ashraf Mishrif (2021) The GCC's Unsettled Policy for Economic Integration // The Muslim World. Vol. 111. Is. 1. Pp. 70–95. DOI: 10.1111/muwo.12373

14. Durso J. (2026) Iran War Threatens Gulf Investment Boom in Central Asia. URL: <https://finance.yahoo.com/economy/policy/articles/iran-war-threatens-gulf-investment-210000532.html?guccounter=1>

15. Escalation in the Middle East reverses more than a year of economic growth in the Arab States region, according to new UN Development Programme assessment (2026). URL: <https://www.undp.org/arab-states/press-releases/escalation-middle-east-reverses-more-year-economic-growth-arab-states-region-according-new-un-development-programme>

16. GCC Secretary-General: Gulf economic integration is fundamental pillar for a fundamental pillar for protecting development achievements (2026). URL: <https://www.spa.gov.sa/en/N2566837>

17. Hilmiyah N., Possumah B. T., Shafiai M. H. M. (2016) Economic Crisis: Theory or Ideological Failure? // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol 7. No 2. Pp. 90–98. DOI: 10.5901/mjss.2016.v7n2p90

18. Israel belongs in new Saudi–Iranian order: report (2026). URL: <https://www.thenews.pk/print/1424735-israel-belongs-in-new-saudi-iranian-order-report#1>

19. Middle East Business: Top GCC trade officials discuss shock-proof supply chain plans (2026). URL: <https://www.gdnonline.com/Details/1398331>

20. Regional integration a strategic necessity for stability, growth (2026). URL: <https://kuwaittimes.com/article/45692/kuwait/other-news/regional-integration-a-strategic-necessity-for-stability-growth/#1>

21. Söderbaum F. (2014) What's Wrong with Regional Integration? The Problem of Eurocentrism // SSRN Electronic Journal. European University Institute Robert Schuman Centre for Advanced Studies Global Governance Programme. 15 p.

22. World Bank (2026): Middle East, North Africa, Afghanistan & Pakistan Economic Update — April. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/middle-east-north-africa-afghanistan-and-pakistan-economic-update>

GCC in new conditions: triggers of «defensive» integration

Andrey V. Fedorchenko,

*Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the MGIMO Department of World Economy,
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

The article examines the factors and new drivers of economic integration in the region of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf (Gulf Cooperation Council, GCC) at the current stage of its development, taking into account external influence. The aim is to identify mechanisms for adapting the GCC integration model in the context of the closure of the Strait of Hormuz and sanctions pressure. The article shows that the Western model of regional economic integration could not be implemented in the GCC region due to incompatibility with the «stages of

integration», the lack of a «spill-over effect» and the failure of a liberal intergovernmental approach. The article concludes that regional economic integration in the GCC, taking into account the unique characteristics of the «Arabian monarchies» — the structure of the economies, the political system and the very nature of the institutions of the GCC — and the overall situation in the Middle East, can be described as a «strategy of survival» and long-term economic stability. Its basis remains regional security, understood in a broader regional geographical perspective. The Gulf states demonstrate an understanding that lasting peace can be built only by changing economic incentives, making the conflict unprofitable for all parties. This shift from isolation to interdependence may be the most significant legacy of this conflict.

Keywords: GCC, Middle East, Persian Gulf, regional economic integration, survival strategy, regional security.

JEL codes: F15, F40, F55.

Статья поступила в редакцию 25.07.2026.

ШОС 25 лет: внутрирегиональная торговля и ее влияние на страновые и региональные процессы¹

Фролова Елена Дмитриевна²

Геоэкономическая фрагментация и усиление глобальных вызовов актуализируют задачи стабилизации международных процессов с применением обновленных механизмов международного сотрудничества. В этой связи актуализируется роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как все более важного элемента глобальной системы, который может содействовать решению ряда насущных задач социально-экономической и рыночной стабилизации, прежде всего в Евразии. Развивающаяся на протяжении четверти века, Организация продемонстрировала свою востребованность, укрепила экономический потенциал и количественно увеличилась в 2 раза, в том числе и за счет своей инклюзивности. В то же время ШОС сталкивается с растущими проблемами, как внутри организации, так и в своих отношениях с третьими акторами, в том числе ЕАЭС, БРИКС, а также отдельными странами мира. Одной из проблем выступает усиление дисбалансов в структуре Организации, так как Китай занимает в ней все более доминирующие позиции, особенно в сфере торговли и инвестиций, что может нарушать экономические и другие интересы остальных государств-участников ШОС. Важно усилить роль России в ШОС для обеспечения более сбалансированного развития Организации и исходя из этого осуществлять дальнейшее строительство институциональной структуры.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); Россия, региональная организация, организационная сбалансированность, взаимная торговля, глобальные вызовы, региональные интеграционные процессы.

JEL коды: F15, F40, F55.

Введение

Растущие в мировой экономике беспрецедентные изменения несут в себе не только новые угрозы, но и возможности развития в долгосрочном периоде. Эти возможности связаны с формированием новых форматов международных отношений, и прежде всего экономических. Зачастую перспективные конфигурации создаются в рамках международных организаций незападных стран, таких, как, например, ШОС и БРИКС, объединяющие

¹ Публикация выполнена в рамках проекта № 060510-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов (Российский университет дружбы народов — РУДН).

² Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор,

(1) профессор кафедры экономической политики и мировой экономики ИнЭУ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия;

(2) научный сотрудник, кафедра региональной экономики и географии, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

быстрорастущие страны, их ресурсы, совместными усилиями осуществляющие поиски актуальных механизмов и конфигураций международных отношений и постепенный отказ от «традиционных», «основанных на правилах» парадигмах межстранового сотрудничества.

Научный интерес к исследованию ШОС, которой в 2026 г. исполнилось четверть века, устойчиво растет (Шанхайская организация сотрудничества, 2010; Соловьёва, 2016; Шкваря, Ван, 2021) и распространяется на различные аспекты и сферы двустороннего и многостороннего сотрудничества. Прежде всего, речь идет о внешнеторговом сотрудничестве, которое в значительной степени поддерживает национальную динамику стран ШОС (Шкваря, 2024; Li, Wang, 2021), особенно в условиях роста глобальной турбулентности. Здесь особую роль играет транспортная составляющая (Zhang, Liang, 2021), ведь страны ШОС занимают огромную территорию, что требует развития перевозок. Обращает на себя внимание тот факт, что в Организацию, созданную уже в XXI в., не входят развитые страны, даже в статусе наблюдателя (Asma, 2025), что придает определенную специфику ШОС и ее роли в мире. После 25 лет развития ШОС постепенно усилила свое региональное и международное влияние. Ряд экспертов рассматривают ШОС как «гибридный институт в условиях полицентричного миропорядка» (Сухроб, Порошина, 2025).

ШОС не представляет собой интеграционное объединение и, по сути, не ставит такой цели (Гурова, 2019). Однако некоторые авторы отмечают, и на это стоит обратить внимание, что «... главная функция ШОС — быть политико-экономическим ядром китайского глобального мира» (Господарчик, 2022). В то же время в условиях роста мировой турбулентности в 2026 г. важно исследовать новые факторы и характеристики ШОС.

Результаты исследования

Шанхайская организация сотрудничества создавалась на рубеже веков и ознаменовала переход к многополярным процессам в мировой экономике, став крупным событием в мире и в Евразии. Создание ШОС соответствует тенденциям мирового развития и коренным интересам государств-членов, ее создание и консолидация перекликаются с международной ситуацией. Сегодня ШОС включает в себя 10 стран, являющихся ее полноправными членами, а «Семья Шанхайского сотрудничества» расширилась с 6 до 27 стран, расположенных на трех континентах Азии, Европы и Африки, объединив почти половину населения мира и ¼ часть глобальной экономики. Другими словами, ШОС представляет собой крупный рынок как по производственной мощи, так и по потенциалу потребления (по уровню спроса), обладает очень крупными запасами ресурсов, включая энергоносители, обеспечивающие энергетическую безопасность (Mamakhatov, Mallah, 2021), а также с весьма заметным потенциалом в транспортно-логистическом секторе мировой экономики. Таким образом, рынок ШОС простирается от китайских заводов и индийских технологических центров до энергетических ресурсов России и Ирана, а также обеспечивает торговые пути в Евразии. В этой связи Организацию можно рассматривать, как обладающий уникальными возможностями комплексный сегмент мировой экономики, который идет по пути снижения зависимости от доллара и укрепления финансового и торгового сотрудничества, а также может предоставить странам-участницам возможность расширить рынки и уменьшить влияние глобальных рисков и прямых угроз (Позиционирование региона, 2016).

В то же время экономический потенциал стран-участниц ШОС, будучи весьма дифференцирован, активно растет (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика ВВП стран ШОС в 2001–2025 гг., млн долларов

Страны	2001	2005	2010	2015	2020	2022	2025	Изменение за 2001–2025 гг., раз
Беларусь	12773	31232	57232	56455	61372	73775	90064	7,05
Индия	490659	823612	1669620	2146759	2679381	3420984	4132522	8,42
Иран	121521	228899	523804	417210	316313	385704	406538	3,35
Казахстан	22153	57124	148047	184388	171082	225496	302788	13,67
Китай	1339401	2317551	6192565	11280815	14996414	19316765	19503698	14,56
Кыргызстан	1527	2460	4794	6752	8270	12135	21250	13,92
Пакистан	91330	144826	193759	296060	293752	325371	408949	4,48
Российская Федерация	308801	771495	1539845	1363482	1493115	2291612	2533469	8,20
Таджикистан	1081	2312	5642	8271	8131	10714	16889	15,62
Узбекистан	11077	17085	42281	86196	66443	90096	139324	12,58
Всего Совокупный ВВП ШОС	2400323	4396596	10377589	15846388	20094273	26152652	27555491	11,48

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Будучи одной из основополагающих особенностей, инклюзивность позволяет акцентировать внимание Организации на общих целях, а не на уровне развития как возможности вступления в ШОС. Но разноуровневость развития, тем не менее, создает определенные дисбалансы в торговле, инвестициях, возможностях реализации национальных задач и в сфере экономической безопасности, в получении экономической выгоды и формировании системы разделения труда на уровне ШОС.

Также различаются и темпы производства ВВП в странах ШОС. Как видно из табл. 1, наиболее выросла за исследуемый период экономика Таджикистана (имевшая и сохранившая наименьший показатель стоимостного объема национальной экономики) — в 15,6 раз, а самая крупная экономика ШОС — Китай — в 14,56 раз. Как видно из табл. 1, в 2025 г. экономика Китая вносила более 70% в совокупный показатель ВВП стран ШОС. Таким образом, дисбаланс экономического потенциала в Организации налицо, и это обстоятельство не может не нести в себе негативное зерно, нивелировать которое достаточно сложно, так как растет зависимость других стран от КНР. За первую четверть XXI века, как видно из табл. 1, менее всего увеличился экономический потенциал Ирана — в 3,35 раза, Пакистана — в 4,48 раза, Беларуси — в 7 раз, а ВВП Российской Федерации вырос за четверть века в 8,2 раза, почти как у Индии (в 8,42 раз). Интересно отметить, что ровно половина стран наращивала свой основной макроэкономический показатель в двузначном темпе, а вторая половина — в однозначном. Причем более быстрыми темпами экономически росли «старые» страны-члены ШОС, за исключением подсанкционной экономики Российской Федерации. Кроме России, в ШОС Беларусь и Иран также испытывают жесткое санкционное давление, особенно всестороннее и длительное — Исламская Республика, что однозначно и весьма негативно воздействует как на экономики соответствующих стран, лишая их доступа к внешним рынкам, финансированию, технологиям, и сдерживает их внешнюю торговлю в Организации, так и на всю систему ШОС.

В то же время рост потенциала ШОС достаточно заметен — совокупный ВВП стран ШОС увеличился за четверть века в 11,48 раз, — что говорит, в том числе, и об эффективности сотрудничества в данном формате, включая самые малые экономики Организации.

Двустороннее и многостороннее сотрудничество стран в рамках ШОС имеет различные формы, развивается более чем в 50 областях, но одной из основных традиционно остается взаимная торговля (табл. 2), которая в ШОС опирается на целый ряд факторов, таких как географическая близость, взаимодополняемость национальных экономик, наличие общих целей и задач, а также внешних условий — экономических (в том числе долларовые расчеты и проблемы применения системы *SWIFT* во взаимной торговле), геополитических, даже эпидемиологических, так как в период *COVID-19* заметно снизилась активность сотрудничества в ШОС (Колтышев, 2025). Для расширения торговых связей в рамках Организации в 2019 г. в Ташкенте была принята Программа–2035, которая коррелирует со Стратегией развития ШОС до 2025 г., принятой в 2025 г. в Тяньцзине.

Из табл. 2 следует, что в ШОС взаимная торговля существенно активизировалась за исследуемый период в стоимостном выражении. Более того, с момента вхождения в Организацию, страны-члены заметно наращивают свое двустороннее торговое сотрудничество, что видно и на примере «старых» участников организации, и особенно «новых». Это говорит о формировании новых возможностей на рынках стран-партнеров.

Таблица 2.

Экспорт стран ШОС в другие государства Организации в 2001–2025 гг., тыс. долларов

Страны	2001	2005	2010	2015	2020	2022	2023	2024	2025	Изменение за 2001– 2025 гг., раз
Экспорт Казахстана в										
Беларусь	5120	26490	41479	61177	77323	154470	153073	150601		29,41
Индию	9279	19770	117027	220080	1984416	1880977	449212	464210	253149	27,28
Иран	208925	886118	1093884	565792	127706	308915	83468	123442	425267	2,04
Китай	646651	2422507	10122070	5480137	6836749	10461771	14758685	14897477	14067086	21,75
Кыргызстан	108462	225275	424254	517722	580520	745308	1076710	1256014	н/д	11,58
Пакистан	489	2099	16006	1451	4240	13924	5680	11846	4861	9,94
Российскую Федерацию	1733412	2926578	3006543	4547502	5007143	8780725	9788231	9546501	н/д	5,51
Таджикистан	61198	150609	259737	418451	603457	748205	859461	996440	1343981	21,96
Узбекистан	150234	242564	1101225	942267	1496930	22675862	3144275	2830214	3512003	23,38
Всего в страны ШОС	2923770	6902010	16182225	12754579	16718484	45770157	30318795	30276745	19606347	6,71
Экспорт Кыргызстана в										
Беларусь	5361	1946	9784	10140	9296	36958	36189	27496	10858	2,03
Индию	1062	6619	1067	1591	5305	6296	5589	17032	1080	1,02
Иран	12581	5331	14923	2881	3581	10448	12647	10364	4587	0,36
Китай	36971	83201	71632	54786	37203	74531	66493	1357984	849883	22,99
Казахстан	39103	130209	226073	221247	268097	406499	386857	306914	14359	0,37
Пакистан	19	47	304	68	774	639	600	685	437	23,00
Российскую Федерацию	71526	158765	426904	125890	234422	900660	614300	682663	773096	10,81
Таджикистан	7361	24146	44387	26171	26862	9945	3848	41	2257	0,31
Узбекистан	43404	17965	55290	79651	141174	227490	404996	377679	194494	4,48

Всего в страны ШОС	217388	428229	850364	522425	726714	1673466	1531519	2780858	1851051	8,51
Экспорт Таджикистана в										
Беларусь	1668	1734	4504	3080	2649	6984	8743	7567	8052	4,83
Индию	1630	2085	9510	3534	174	1888	1892	н/д	н/д	1,16
Иран	15221	18021	50066	39774	11197	117684	121862	97438	104002	6,83
Китай	4509	8033	51263	43983	49949	337866	411358	3414966	449390	99,67
Казахстан	3555	14444	83944	147365	156826	548551	385721	198968	166464	46,83
Пакистан	521	3206	6546	12398	9351	8980	2932	10174	20415	39,18
Российскую Федерацию	168921	71688	117646	68401	52581	119177	242268	256567	286892	1,70
Кыргызстан	2069	2034	3234	7337	11907	1625	1426	1621	4678	2,26
Узбекистан	85592	33483	18737	3057	111620	185382	322549	247211	300601	3,51
Всего в страны ШОС	283686	154728	345450	328929	406254	1328137	1498751	4234512	1340494	4,73
Экспорт Узбекистана в										
Беларусь	14038	15298	63708	36342	64507	136332	185794	176473	195019	13,89
Индию	14288	29815	73350	74547	24345	70368	87608	91053	92418	6,47
Иран	120404	252004	545991	346260	190022	121569	318604	226004	202206	1,68
Китай	285295	818506	2339395	1781485	2204279	2418684	2008069	1780004	1703301	5,97
Казахстан	96651	261842	756879	771284	913427	924305	1613073	1412993	1501299	15,53
Пакистан	5470	10893	28916	11749	49685	68504	173977	202346	272419	49,80
Российскую Федерацию	601607	975148	2510104	1456948	2078690	2369845	5663445	6171529	7375217	12,26
Кыргызстан	62343	74049	197141	131676	582445	621570	764897	566587	661099	10,60
Таджикистан	133080	103763	11345	6938	398006	440350	512980	4001813	473122	3,56
Всего в страны ШОС	1333176	2541318	6526829	4617229	6505406	7171527	11328447	14628802	12476100	9,36

Экспорт Китая в										
Беларусь	8753	81279	795610	748901	2113224	3275466	5838894	6582986	6302748	720,07
Индию	1895833	8934277	40913958	58228027	66719472	118501523	117678763	120463271	119087920	62,82
Иран	888580	3296585	11092188	17770107	8491807	9440300	10034585	8953690	6070400	6,83
Узбекистан	50684	230064	1181024	2228761	5138708	7504177	12389043	11649116	12494182	246,51
Казахстан	327719	3896752	9320401	8441241	11703035	16355236	24696910	27954331	26048439	79,48
Пакистан	814968	3427662	6937792	16441888	15357593	23089416	17298321	20227896	19620445	24,08
Российскую Федерацию	2710472	13211283	29612074	34756877	50504392	76122649	110935409	115275861	90618238	33,43
Кыргызстан	76639	867153	4127513	4282123	2865336	15421271	19720745	19904739	19249440	251,17
Таджикистан	5301	143738	1376501	1795388	1016830	2217030	3676781	3511838	3286360	619,95
Всего в страны ШОС	6778949	34088793	105357061	144693313	163910397	271927068	322269451	334523728	302778172	44,66
Экспорт Российской Федерации в										
Беларусь	5249372	10118151	18080615	12428310	15978568	26856352	33341981	31966781	22542907	4,29
Индию	1120423	2314004	5406299	4549941	5798193	39346269	56442313	66834773	62965388	56,20
Иран	903970	1921625	3359046	1017214	1423525	2644642	2055401	2233303	1955838	2,16
Китай	5596013	13047745	19783	28334955	49146337	92002642	97588946	108953138	107148459	19,15
Казахстан	2778015	6533853	10690358	10301606	14051458	17083799	14877156	н/д	н/д	5,36
Пакистан	57332	231474	104317	96575	496902	346967	499896	356985	28000	0,49
Узбекистан	409103	860872	1663521	22211188	4659636	5729739	19994963	27677323	27851783	68,08
Кыргызстан	83313	376774	975377	1289413	1456457	2450769	2297844	2581671	3220554	38,66
Таджикистан	69404	239994	672558	759104	795511	1295365	685328	741685	1403684	20,22
Всего в страны ШОС	16266945	35644492	40971874	80988306	93806587	187756544	227783828	241345659	227116613	13,96
Экспорт Индии в										
Беларусь	2429	12577	29791	34251	58922	42744	45422	63934	58509	24,09
Российскую Федерацию	839595	705685	1393223	1611893	2559258	2927176	4057640	4841030	3622928	4,32

Иран	253276	1072988	2509258	3126869	2242733	1839523	1186576	1252910	1007246	3,98
Китай	922542	7183792	17439991	9576579	19008257	18084401	16245422	14899427	13315253	14,43
Казахстан	45600	90256	146212	168372	225724	436542	259036	257906	127178	2,79
Пакистан	164599	593062	2235788	1963456	282384	629460	523220	1183105	189323	1,15
Узбекистан	4912	26544	56589	107855	260763	286244	337955	477348	468964	95,47
Кыргызстан	10738	30165	24324	29861	36734	47618	49041	45382	42424	3,95
Таджикистан	1714	6602	16353	31348	44829	50913	51657	40142	40140	23,42
Всего в страны ШОС	2245405	9721671	23851529	16650484	24719604	24344621	22755969	23061184	18871965	8,40
Экспорт Исламской Республики Иран в										
Беларусь	771	2991	7992	15097	25588	65417	78164	79636	70805	91,84
Российскую Федерацию	40762	166746	302237	344163	1420896	1809189	1763168	1788972	1774661	43,54
Индию	273803	770557	10802620	8039350	761342	2093758	2028397	1998354	1929466	7,05
Китай	2376554	7302798	18795206	21265698	12767741	19973946	18373700	20560235	18552632	7,81
Казахстан	12960	20162	31758	104110	204615	474517	514634	558936	532977	41,12
Пакистан	217904	411416	934346	402677	763887	2177835	2354300	2641639	3751861	17,22
Узбекистан	54298	61464	157066	266759	222044	7571142	1525424	1543741	1733434	31,92
Кыргызстан	7713	8612	9981	8171	39126	93854	104749	114798	122111	15,83
Таджикистан	28496	43819	159651	118135	84904	307504	233663	264628	327316	11,49
Всего в страны ШОС	3013261	8788565	31200857	30564160	16290143	34567162	26976199	29550939	28795263	9,56
Экспорт Пакистана в										
Беларусь	663	508	278407	1055	562	343	544	294	н/д	0,44
Российскую Федерацию	8092	48437	144337	160925	144539	75850	88286	68595	65980	8,15
Индию	54519	337218	274983	312284	168	121	36	17	108	0,00
Китай	289380	435682	1435944	1934926	1867	2527987	2743196	2375628	2290283	7,91
Казахстан	7101	9968	5921	12844	59085	151011	107197	277576	196923	27,73

Иран	29004	178425	182188	32293	3	22	9974	73	20	0,00
Узбекистан	5753	2265	2733	1975	25206	89114	72913	95169	106205	18,46
Кыргызстан	1342	2085	1245	850	1659	5654	10679	8559	4412	3,29
Таджикистан	4959	1519	688	3977	2050	9581	32812	19214	14309	2,89
Всего в страны ШОС	400813	1016107	2326446	2461129	235139	2859683	3065637	2845125	2678240	6,68
Экспорт Беларуси в										
Пакистан	1097	59034	64232	45134	36781	9609	2476	13221	9988	9,10
Российскую Федерацию	4203266	6116413	11077702	10880818	14001011	21787128	23925754	23294099	24154055	5,75
Индию	36868	128019	293257	279416	339675	193279	102141	161755	153335	4,16
Китай	90583	517920	529080	1043792	893474	2617728	6245397	4693957	5085264	56,14
Казахстан	39773	220095	390995	589599	759310	9801837	1089263	1073151	1106018	27,81
Иран	33624	28925	81700	42981	11072	89432	138508	112274	121589	3,62
Узбекистан	20409	42663	109931	76650	247388	362033	410396	395314	410298	20,10
Кыргызстан	6947	8924	77297	63499	50990	107326	122663	116521	121530	17,49
Таджикистан	2725	11603	42654	27941	70260	57985	66307	65670	67327	24,71
Всего в страны ШОС	4435292	7133596	12666848	13049830	16409961	35026357	32102905	29925962	31229404	7,04

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Однако, как следует из табл. 2, внутрирегиональная торговля в высшей степени неравномерна по странам и по годам, несмотря на то что все государства не стремятся вводить какие бы то ни было ограничения на ее пути, но декларируют стремление к ее устойчивому росту как важнейшему фактору национальной и региональной социально-экономической динамики. Но дифференцирована и динамика взаимной торговли стран ШОС, что остается важной характерной чертой торгового процесса в рамках Организации. Действительно, как видно из табл. 2, страны ШОС в совершенно различных объемах осуществляют двустороннюю торговлю.

В этой связи можно согласиться с точкой зрения о том, что «торговля носит в основном радиальный характер между Китаем и Россией с остальными странами ШОС, причем с существенно отрицательным из-за этого сальдо у каждой, за исключением Ирана» (Господарчик, 2025), что хоть и можно объяснить колоссальными дисбалансами между экономическим потенциалом Китая и остальных стран ШОС (не считая Индии), но такая несбалансированная архитектура сотрудничества однозначно не может соответствовать интересам всех стран-участниц ШОС и, на наш взгляд, представляет собой серьезную потенциальную проблему. Особенно если учесть, что указанный дисбаланс только нарастает, особенно в торговле Китая с прочими странами ШОС. И этот дисбаланс особенно бросается в глаза в разрезе товарной структуры китайского экспорта и импорта из каждой из стран ШОС. Товарная структура «внутришосовской» торговли, по сути, формирует не только зависимость этих стран от китайского рынка, но и закладывает основы отраслевых структур соответствующих экономик (в том числе Российской Федерации и стран Центральной Азии, с которыми 34 года назад Китай установил дипломатические отношения) на долгосрочный период и с этого момента постепенно и последовательно осваивает их внутренние рынки, вывозя необходимые для собственного развития ресурсы и экспортируя на основе их переработки продукцию с высокой добавленной стоимостью. При этом Китай использует широкий спектр инструментов для консервирования этой ситуации, например, «сопряжение ШОС и ОПОП», развитие двусторонней договорно-правовой базы со странами ШОС, инвестиционную и инфраструктурную составляющую и др. (Кузьмина и др., 2025). Например, в августе 2026 г. Си Цзиньпин принял участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке, и во время этой поездки был официально подписан Китайско-кыргызстанский постоянный договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, закрепляющий концепцию дружбы, имеющей место между двумя сторонами на протяжении поколений в юридической форме. Это также означает, что независимо от того, насколько беспокойной станет международная ситуация в будущем, китайско-кыргызстанские отношения останутся предсказуемыми и гарантированными.

В то же время другие страны, в том числе крупные, например Индия, в настоящее время не в полной мере используют торговый потенциал рынка ШОС, главным образом Центральной Азии, прежде всего Казахстана и Кыргызстана. Но, будучи активным участником ШОС, Индия столь же активно сотрудничает с США и другими западными державами, т. е. тоже своего рода дисбаланс.

Остальным странам, и прежде всего России, следует обратить более пристальное внимание на наличие таких дисбалансов в ШОС и более активно развивать собственные региональные инициативы, увязывая их в разносторонний и комплексный пакет, так как многие эксперты обращают внимание на высокую степень важности торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и странами ШОС, особенно в условиях нарастания

антироссийских санкций, для РФ, стран–партнеров, ШОС и мировой экономики и на в целом однозначно системообразующую и балансирующую роль нашей страны в Организации (Дондэ, 2025), а также — с учетом необходимости последовательного продвижения национальных интересов — на региональном и глобальном уровнях (Цивилизационные основы, 2026) в условиях обострения проблем национальной безопасности. Более того, представляется необходимым совершенствование национальной системы поддержки экспорта в Российской Федерации (Андреева, Антоненко, 2026).

Взаимная торговля стран ШОС не только оказывает стимулирующее и стабилизирующее влияние на их экономики и сотрудничество, но и на общемировую ситуацию. Это влияние оказывается прежде всего посредством практического стремления стран ШОС ко все большему объему расчетов во взаимной торговле в национальных валютах, а не в долларах США или других валютах ведущих стран мира. Расширение использования национальных валют стало дорожной картой для постепенного увеличения доли национальных валют в торговых расчетах между государствами–членами, которая была заложена и одобрена в Самарканде в 2022 г. и завершена в Тяньцзине в 2025 г. Президент Исламской Республики Иран Масуд Медикян также выступил с предложением по развитию торговли в национальных валютах и созданию общей цифровой финансовой инфраструктуры на саммите 2025 г.

Создание банка развития государств–членов ШОС для финансирования инфраструктурных проектов без необходимости в западной финансовой системе, а также возможность выпуска облигаций и финансирования, независимых от Всемирного банка, были также стали решениями, направленными на ослабление гегемонии доллара из-за все более широкого использования этой валюты как рычага давления и санкций. Практическими примерами дедолларизации остаются экспорт иранской нефти в Китай и расчеты 90% в юанях, а также расчеты в китайско-российских сделках. Возможности расчетов в национальных валютах во внешней торговле особенно актуальны для Ирана, России, Беларуси, так как позволяют стране снизить давление западных санкций.

Кроме того, развитие, и особенно географическое расширение Шанхайской организации сотрудничества обеспечивает странам–членам, Евразии и миру новые возможности в развитии транспортных коридоров. Например, Иран находится в точке, где он может соединить Север и Юг, Восток и Запад, обеспечить связь Российской Федерации с южными водами, связь Центральной Азии с Персидским заливом и связь китайско-индийских маршрутов с региональными рынками — все это возможности, которые, соответственно, могут повысить позиции Ирана в евразийской экономике (Zhang, Liang, 2021; Международный транспорт, 2022; Вардомский, Тураева, 2025), а роль ШОС — в глобальной экономической и транспортной системе.

В то же время во взаимной торговле и в целом во взаимодействии в рамках ШОС на сегодня отсутствует полноценная зона свободной торговли, хотя с 2009 г. идет обсуждение такой возможности в перспективе (Лю, 2009), а тарифные и нетарифные преференции предоставляются лишь на двустороннем уровне и/или в рамках торговли стран ЕАЭС. В этом смысле ШОС выступает не интеграционным блоком (что, собственно, никогда не декларировалось), а служит платформой для формирования благоприятных условий в торговле и других направлениях экономического сотрудничества между странами–членами, при том, что разногласия между ними сохраняются.

Заключение

В последние годы мир постепенно преодолевает однополярный порядок, в котором США остаются не только крупнейшей политической и военной державой в мире, но и главной осью международной финансовой системы, а доллар — важнейшим инструментом осуществления экономической власти. В этой связи появление и расширение коалиций и организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества, а также БРИКС, говорит о том, что центр тяжести мировой экономики все быстрее смещается в сторону Азии и Евразии. После 25 лет сотрудничества и накопления опыта ШОС вступила в новый этап развития, который будет соответствовать общей тенденции и основываться на реальности, всесторонне способствовать модернизации механизма функционирования организации, совершенствованию правовой базы договоров и механизмов многопрофильного сотрудничества. Государства–члены по-прежнему привержены укреплению единства Организации и реализации задач и целей, изложенных в «Стратегии развития ШОС на ближайшие 10 лет (2026–2035)».

Утверждена дорожная карта по постепенному увеличению доли национальных валют во взаиморасчетах между государствами–членами с 2022 г., организация продолжает работу над механизмами увеличения использования национальных валют и развития платежных и расчетных систем.

Развитие торговли стран–членов ШОС укрепляет их стабильность, предсказуемость и гарантированность, хотя все страны Организации по-разному включены в торговлю друг с другом, которая, тем не менее, развивается все более активно и оказывает стимулирующее и стабилизирующее влияние не только на экономики стран–участниц, но и на глобальную ситуацию в мире.

Список литературы

1. Андреева Е. Л., Антоненко В. М. (2026) Теоретико-методологический подход к формированию национальной системы поддержки экспорта // Теоретическая экономика. № 3. С. 151–163. [Andreeva E. L., Antonenko V. M. (2026) Theoretical and methodological approach to the formation of a national export support system // Theoretical Economics. No. 3. Pp. 151–163. (In Russian).] DOI: 10.52957/2221-3260-2026-3-151-163
2. Вардомский Л. Б., Тураева М. О. (2025) Развитие транспортных коридоров Евразии: разнообразие проектов как отражение меняющегося мироустройства / Научный доклад. Москва. [Vardomsky L. B., Turayeva M. O. (2025) The development of transport corridors in Eurasia: a variety of projects as a reflection of the changing world order / Scientific report. Moscow. (In Russian).]
3. Господарчик Е. (2022) Экономические возможности Беларуси в ШОС // Банковский вестник. № 9 (710). С. 13–24. [Gospodarchik E. (2022) Economic opportunities of Belarus in the SCO // Banking Bulletin. No. 9 (710). Pp. 13–24. (In Russian).]
4. Гурова И. П. (2019) Торгово-экономические отношения России со странами Шанхайской организации сотрудничества // Экономические отношения. Т. 9. № 4. С. 2705–2716. [Gurova I. P. (2019) Trade and economic relations of Russia with the countries of the Shanghai Cooperation Organization // Economic relations. Vol. 9. No. 4. Pp. 2705–2716. (In Russian).]

5. Дондэ О. И. (2025) Внешнеэкономическая роль России в Шанхайской организации сотрудничества // Экономические науки. № 4 (221). С. 445–452. [Dongde O. I. (2025) Russia's foreign economic role in the Shanghai Cooperation Organization // Economic Sciences. No. 4 (221). Pp. 445–452. (In Russian).] DOI: 10.14451/1.221.445
6. Колтышев В. В. (2025) Факторы развития сотрудничества России с государствами — членами ШОС в сфере взаимной торговли // Экономика и предпринимательство. № 3 (176). С. 392–396. [Koltyshev V. V. (2025) Factors of development of cooperation between Russia and the SCO member states in the field of mutual trade // Economics and entrepreneurship. No. 3 (176). Pp. 392–396. (In Russian).]
7. Кузьмина Т. И., Чавыкина М. А., Потапов Д. А. (2025) Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов в Евразии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». № 3. С. 171–190. [Kuzmina T. I., Chavykina M. A., Potapov D. A. (2025) China as the driver for transregional economic processes in Eurasia // RSUH / RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series. No. 3. Pp. 171–190. (In Russian).] DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-171-190
8. Лю Х. (2009) Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская Экономическая Интеграция. №3 (4). С. 110–116. [Liu H. (2009) The idea of creating the SCO free trade zone: calculations, problems and prospects // Eurasian Economic Integration. No. 3 (4). Pp. 110–116. (In Russian).]
9. Международный транспорт международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л. Р., Борисов А. Н., Бяшарова А. Р., Герман Е. И., Голубчик А. М., Демин В. А., Долбик-Воробей Т. А., Ефименко Д. Б., Жанказиев С. В., Илюхина С. С., Карелина Е. А., Кожанков А. Ю., Мальцева М. В., Мамедова И. А., Пак Е. В., Панфилов И. Д., Подхалюзина В. А., Полякова Т. Ю., Савченко-Бельский В. Ю., Савченко-Бельский К. А. и др. Учебник для магистратуры / Москва, 2022. [International transport international transport policy and transport diplomacy / Bilyalova L. R., Borisov A. N., Byasharova A. R., German E. I., Golubchik A. M., Demin V. A., Dolbik-Vorobey T. A., Efimenko D. B., Zhankaziev S. V., Ilyukhina S. S., Karelina E. A., Kozhankov A. Yu., Maltseva M. V., Mamedova I. A., Pak E. V., Panfilov I. D., Podkhalyuzina V. A., Polyakova T. Yu., Savchenko-Belsky V. Yu., Savchenko-Belsky K. A. et al. Textbook for Master's degree / Moscow, 2022. (In Russian).]
10. Позиционирование региона в системе новых форматов международной экономической интеграции Андреева Е. Л., Воронкова О. Н., Глухих П. Л., Головина А. Н., Земилова О. С., Карачев И. А., Ковалев В. Е., Кодачигов Р. В., Линецкий А. Ф., Мальцев А. А., Мальцева В. А., Малышева Е. В., Мордвинова А. Э., Мыслякова Ю. Г., Подкина К. Ю., Ратнер А. В., Сапир Е. В., Соболев А. О., Тарасов А. И., Фечина А. О. и др. / коллективная монография. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. 250 с. [Positioning of the region in the system of new formats of international economic integration Andreeva E. L., Voronkova O. N., Glukhikh P. L., Golovina A. N., Zemilova O. S., Karachev I. A., Kovalev V. E., Kodachigov R. V., Linetsky A. F., Maltsev A. A., Maltseva V. A., Malysheva E. V., Mordvinova A. E., Myslyakova Yu. G., Podkina K. Yu., Ratner A. V., Sapir E. V., Sobolev A. O., Tarasov A. I., Fechina A. O. et al. / collective monograph. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016. 250 p. (In Russian).]
11. Сухроб Р., Порошина Д. А. (2025) ШОС как гибридный институт в условиях полицентричного миропорядка // Известия Восточного института. № 1. С. 60–71. [Suhrob R.,

Poroshina D. A. (2025) The SCO as a Hybrid Institution in a Polycentric World Order // *Oriental Institute Journal*. No. 1. Pp. 60–71. (In Russian).] DOI: 10.24866/2542-1611/2025-1/60-71

12. Цивилизационные основы, геостратегические и геополитические приоритеты России в XXI веке: монография в 2-х т. Т. 2 / под общ. ред. Л. Э. Слуцкого. Москва : Издательский дом УМЦ, 2026. 580 с. [Civilizational foundations, geostrategic and geopolitical priorities of Russia in the 21st century: a monograph in 2 volumes. Vol. 2 / general ed. L. E. Slutsky. Moscow : UMTS Publishing House, 2026. 580 p. (In Russian).]

13. Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Андреева Е. Л., Анисимов С. А., Аносова С. В., Бардаль А. Б., Бедрина Е. Б., Берсенев В. Л., Бодаубаева Г. А., Боллов И. Ю., Бублик В. А., Веретенникова О. Б., Головина А. Н., Дрошнев В. В., Дрошнев М. Д., Изотов Д. А., Калиева С. А., Камсарева А. Л., Капустина Л. М., Карагулян Е. А., Карибджанов Э. С., Каюмов Н. К. и др. Екатеринбург, 2010. [The Shanghai Cooperation Organization: Economic Integration and National Interests / Andreeva E. L., Anisimov S. A., Anosova S. V., Bardal A. B., Bedrina E. B., Bersenev V. L., Bodaubaeva G. A., Bollov I. Yu., Bublik V. A., Veretennikova O. B., Golovina A. N., Droshnev V. V., Droshneva M. D., Izotov D. A., Kalieva S. A., Kamsareva A. L., Kapustina L. M., Karagulyan E. A., Karibdzhanov E. S., Kayumov N. K. et al. Yekaterinburg, 2010. (In Russian).]

14. Шкваря Л. В. (2024) Экономическое и транспортное сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества на современном этапе // *Международная торговля и торговая политика*. Т. 10. № 2. С. 46–59. [Shkvarya L. V. (2024) Economic and transport cooperation of the Shanghai Cooperation Organization at the present stage // *International trade and trade policy*. Vol. 10. No. 2. Pp. 46–59. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-46-59

15. Шкваря Л. В., Ван С. (2021) ШОС 20 лет: основные достижения и роль Китая // *Восток (Oriens)*. № 5. С. 153–167. [Shkvarya L. V., Wang X. (2021) SCO 20 Years: Key Achievements and the Role of China // *Vostok (Oriens)*. No. 5. Pp. 153–167. (In Russian).] DOI: 10.31857/S086919080016629-8

16. Asma G. (2025) BRICS and SCO as the modern non-western foundation of global politics // *Presidential Orient*. № 1. С. 46–52.

17. Li Xin, Wang Y. X. (2021) The results of the 20-year Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and its development prospects // *Finance: Theory and Practice*. Vol. 25 (3). Pp. 159–174. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174

18. Mamakhatov T. M., Mallah Ja. M. (2021) The role of the SCO countries in ensuring China's energy security // *RUDN Journal of Economics*. Vol. 29. Is 4. Pp. 653–663. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-4-653-663

19. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>

20. Zhang Xiaoling, Liang Yingchao. (2021) 20 Years of the SCO: On Transport Cooperation in the SCO Space // *Sociopolitical Sciences*. Vol. 11. No. 4. Pp. 51–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-4-51-61

The SCO for 25 years: intraregional trade and its impact on country and regional processes¹

Elena D. Frolova,

Doctor of Economics, Professor,

(1) *Professor of Academic Department of Economic policy and world economy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia;*

(2) *Senior Scientific Researcher, Economic Faculty, Regional Economy and Geography Department Peoples Friendship University of Russia (RUDN–university), Moscow, Russia.*

Geo-economic fragmentation and the intensification of global challenges actualize the tasks of stabilizing international processes using updated mechanisms of international cooperation. In this regard, the SCO's role is becoming more relevant as an increasingly important element of the global system that can help solve a few pressing problems, primarily in Eurasia. Having been developing for a quarter of a century, the Organization has demonstrated its relevance, strengthened its potential and increased its quantity by 2 times, including due to its inclusivity. At the same time, the SCO is facing growing problems both within the organization and in its relations with third actors, including the EAEU, BRICS, as well as individual countries around the world. One of the problems is the growing imbalances in the Organization's structure, as China occupies an increasingly dominant position in it, especially in the field of trade and investment, which may violate the economic and other interests of the rest of the SCO member states. It is important to strengthen Russia's role in the SCO to ensure a more balanced development of the Organization and to further build the institutional structure.

Keywords: *Shanghai Cooperation Organization (SCO); Russia, regional organization, organizational balance, mutual trade, global challenges, regional integration processes.*

JEL codes: *F15, F40, F55.*

Статья поступила в редакцию 04.07.2026.

¹ *This publication has been supported by project № 060510-0-000 within the framework of the grant support system for scientific projects (Peoples' Friendship University of Russia — RUDN University).*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

**К юбилею профессора, доктора географических наук
Родионовой Ирины Александровны**

В августе 2026 г. одному из постоянных авторов статей в нашем журнале «Россия и Азия» доктору географических наук, профессору Родионовой Ирине Александровне

исполнилось 75 лет. Очень хочется поздравить ее с этой датой, учитывая ее заслуги перед отечественной наукой, а также исключительные личные и профессиональные качества.

Родионова И. А. — профессор международного уровня, известный ученый. В ее послужном списке около 300 научных публикаций (монографии, научные статьи, учебники, научные и учебно-методические пособия), среди которых свыше 30 научных статей было опубликовано в зарубежных журналах США, Польши, Болгарии, Сербии, Румынии, Португалии, Беларуси, Казахстана, Молдавии и др. В наукометрической базе данных *SCOPUS* размещены ссылки на ее научные публикации.

Сфера научных интересов профессора Родионовой И. А.: социально-экономическая география мира и России, география мирового хозяйства (и география мировой промышленности), глобальные проблемы человечества, инновационная экономика. Это обусловлено как ее первой специальностью инженера–картографа (закончила в 1974 г. Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии — МИИГАиК), так и местами ее работы в известных вузах Москвы — на факультете аэрофотосъемки в МИИГАиК, на географическом факультете в МГУ им. М. В. Ломоносова, на экономическом факультете Российского университета дружбы народов (РУДН).

В МИИГАиК в должности старшего инженера она занималась дешифрированием космических снимков Земли и обратной стороны Луны. На географический факультет МГУ на кафедру социально-экономической географии капиталистических и развивающихся стран (а ныне СЭГЗС) она перешла работать в 1982 г. и занимала должности старшего лаборанта, инженера, младшего научного сотрудника, научного сотрудника, ведущего научного сотрудника. В 1992 г. защитила в МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности 11.00.02 — Экономическая и социальная география на тему: «Картографическая интерпретация проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран в комплексных атласах: (методика и практика)».

В 1994 г. перешла на работу на факультет экономики и права в Российский университет дружбы народов (РУДН) на полную ставку на должность доцента (затем профессора) кафедры экономической и политической географии экономического факультета (ныне кафедра региональной экономики и географии экономического факультета). Однако вплоть до 2006 г. продолжала работать как совместитель на кафедре СЭГЗС географического факультета МГУ.

В 2003 г. успешно защитила в Диссертационном совете МГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности 25.00.24 — Экономическая, социальная и политическая география на тему: «Структурные сдвиги в промышленности мира во второй половине XX в.: макроекономический анализ».

Ученое звание профессор она получила в 2005 г. В РУДН вела целый ряд дисциплин на экономическом, юридическом, экологическом факультетах, на факультете гуманитарно-социальных наук, а также в Институте мировой экономики и бизнеса (ИМЭБ) и Институте гостиничного бизнеса и туризма (ИГБиТ) при РУДН. Перечень преподаваемых ею дисциплин обширен: «Экономическая география», «Глобальные проблемы человечества», «Индустриальный сектор мировой экономики», «Зарубежное страноведение», «Глобальные тренды развития мировой промышленности», «Глобальные и региональные процессы в структурной модернизации стран СНГ», «Региональное экономическое сотрудничество в рамках СНГ», «Системы кластеров в национальной экономике», «Геоурбанистика». В период 2005–2019 гг. Родионова И.А. являлась научным руководителем работы Межкафедрального постоянно действующего методологического семинара «Глобалистика и геоэкономическая

стратегия». Под ее научным руководством защищено 10 диссертаций на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Имеет награды: Нагрудный знак «За научные достижения в образовании России» — «За развитие научно-исследовательской работы студентов», 2005 г. (отраслевая награда Министерства образования и науки Российской Федерации). Присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» За заслуги в области образования, 2012 г. Ветеран труда.

До настоящего времени является членом редколлегии иностранных и российских научных журналов: Вестник КазНУ. Серия географическая (Алматы, Казахстан); «Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология» (Минск, Беларусь), член Редакционного совета научного журнала «География в школе» (Москва, РФ).

Являлась многие годы членом нескольких Диссертационных советов в РУДН и МГИМО. Член Русского географического общества. Действительный член Российской Академии Естествознания — РАЕ (с апреля 2011 г. — академик). Член Центрального Дома ученых РАН (с 2005 г.).

Хотелось бы отметить также еще один род ее деятельности. С начала 1990-х гг. (параллельно с основной преподавательской деятельностью в вузах) она создавала учебники и учебные пособия по экономической географии и мировой экономике для школьников, абитуриентов и студентов вузов. Многие из них имеют гриф УМО и Минобробразования РФ.

По учебно-методическому пособию для абитуриентов «Экономическая география» (в соавторстве с Т. М. Бунаковой), который выдержал с 1998 по 2009 гг. 9 обновленных и дополненных переизданий, успешно поступали выпускники школ в разные вузы России и стран ближнего зарубежья (в том числе в МГУ, МГИМО, МПГУ, РУДН и др.). Широко востребован также учебник проф. Родионовой И. А. для академического бакалавриата «Экономическая и социальная география мира» в 2-х частях (издательство Юрайт, Москва) который выдержал с 2012 по 2025 гг. несколько изданий, и был рекомендован Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающимся по всем направлениям. По этому учебнику и ныне занимаются студенты во многих вузах стран СНГ (электронный вариант данного учебника по экономической географии стал особенно популярен в условиях дистанционного образования в период пандемии *COVID-2019*). Интересен атлас по мировой экономике, выдержавший также несколько изданий с 2012 по 2025 гг. «География. Профильный уровень: атлас для учащихся общеобразовательных учреждений, студентов, преподавателей / В. Н. Холина, А. С. Наумов, И. А. Родионова; под общ. ред. В. Н. Холиной. М.: Просвещение. 80 с. Для студентов вузов, обучающихся по специальности «Мировая экономика» в рамках издательской программы 300 лучших учебников для высшей школы в честь 300-летия Санкт-Петербурга была издана книга «Мировая экономика: индустриальный сектор: учебное пособие для студентов/ И. А. Родионова. Москва: Питер, 2005 (Петрозаводск: ГП Тип. им. П. Ф. Анохина), 496 с. В 2010 г. данное учебное пособие (обновленное и дополненное) было выпущено в издательстве РУДН. В 2014 г. в Казахстане был опубликован учебник на казахском языке: Родионова И. А., Нусіпова Г. Н., Тогбергенова А. А. Дуниежүзінін экономикалық элеуметтік және саяси географиясы // Казак Университеті, Алматы, 413 с.

Особо следует отметить монографии Родионовой И. А., и среди них: Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX — начало XXI вв.). М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009.; Изменения в пространственной организации

промышленности мира: вторая половина XX в. — начало XXI в. / Под ред. д. г. н., проф. И. А. Родионовой. Колл. монография. М.: Экон-инфо, 2009; Родионова И. А., Шувалова О. В. Глобальные тенденции развития мировой промышленности / Под ред. профессора И. А. Родионовой. М.: Изд-во РУДН, 2018; Социально-экономические проблемы развития регионов в условиях глобальной нестабильности. Колл. монография / Под ред. профессора И. А. Родионовой. М.: Изд-во РУДН, 2021, и другие.

Несмотря на то, что в 2019 г. профессор вышла на пенсию, она по-прежнему публикует научные статьи в высокорейтинговых журналах, в том числе в соавторстве как с известными учеными-профессорами, так и помогает молодым ученым — кандидатам наук. Следует отметить, например, следующие статьи на актуальные темы: I. A. Rodionova & D. B. Kalashnikov. China in the Rankings of the World's Largest Corporations: Shifts in Participation in the International Division of Labor // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 94. No. 5. P. 260–268; Родионова И. А., Калашников Д. Б. Китай в рейтингах крупнейших корпораций мира: трансформация модели участия в международном разделении труда // Известия Российской академии наук. Серия географическая, издательство ФГБУ. 2023. Т. 87. № 5. С. 666–676; Родионова И. А. Наукоемкие отрасли и высокотехнологичное производство — драйвер мирового экономического развития» // Россия и Азия. 2023. № 3. С. 6–23; Угрюмова А. А., Польшев А. О., Родионова И. А. Сравнительный анализ противодействия санкционному давлению в мировой экономике // Международная торговля и торговая политика. 2023. Т. 9. № 3. С. 5–18; Родионова И. А., Айдрус И. А. Новая география мировой фармацевтической индустрии: тренды развития» // Географическая среда и живые системы, издательство МГОУ (Москва). 2023. № 1. С. 71–87; Родионова И. А. «О развитии процесса цифровизации и позициях китайских компаний среди крупнейших ТНК мира // Россия и Азия. 2021. № 3. С. 7–23, и другие. Сегодня Ирина Александровна Родионова — независимый эксперт, который выступает на международных конференциях и симпозиумах, публикуя статьи, в том числе в высокорейтинговых журналах, Учитель с большой буквы, щедро передающий свой опыт и знания молодым исследователям.

А с 2009 г. профессор Родионова еще пишет на холсте картины маслом и дарит их своим друзьям и знакомым, а ныне еще и волонтерам для благотворительных лотерей. Некоторые картины можно видеть на обложках журнала «Россия и Азия», в том числе и этого номера.

Пожелаем же уважаемой Ирине Александровне здоровья и неиссякаемой энергии, так как она является ярким примером того, как можно сочетать высокий профессионализм, душевную щедрость и жизненный азарт. Пожелаем ей бодрости духа, вдохновения и радости в каждом дне, и чтобы ее жизненные горизонты всегда были ясными, а трудности были всегда преодолимы и казались лишь легким равнинным рельефом.

Доктор экономических наук, профессор Шкваря Л. В.